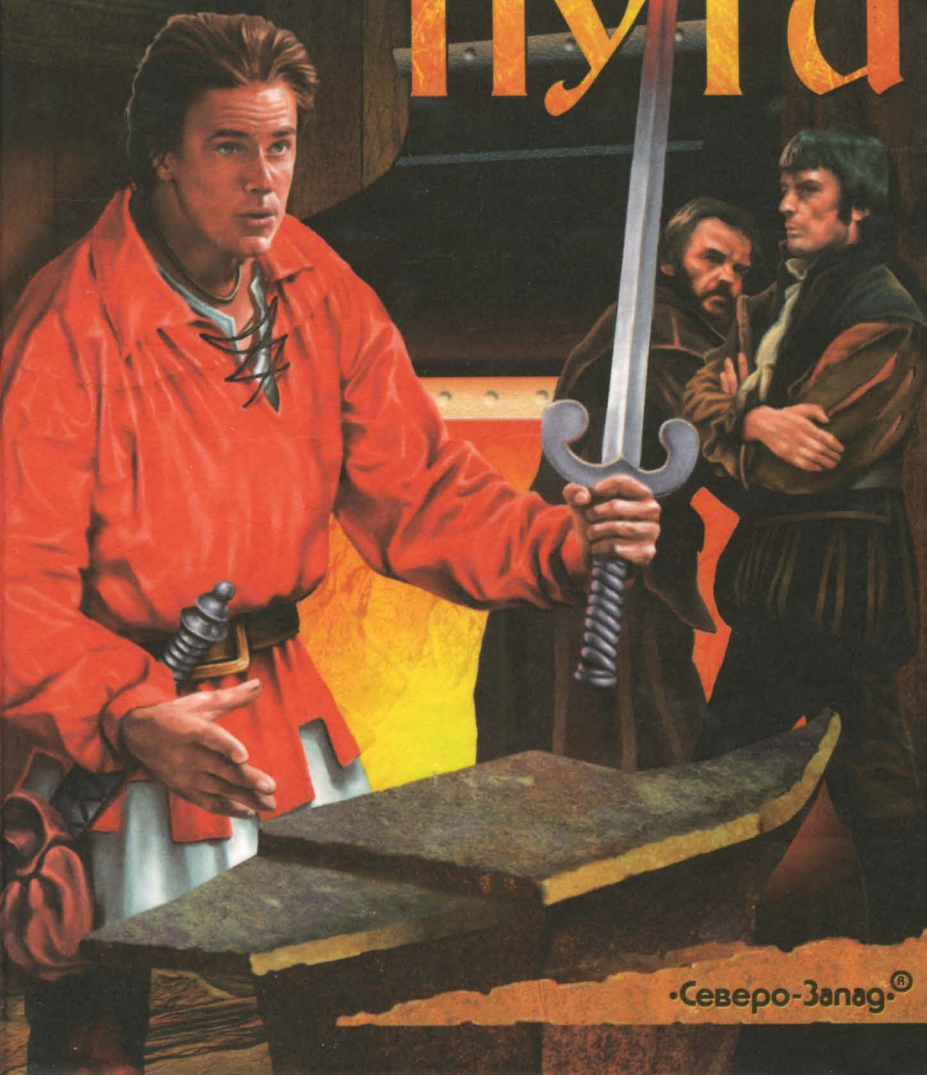

ПЕРЕКРЕСТОК

МИРОВ

Святослав ЛОГИНОВ

ЗЕМНЫЕ ПУТИ

•Северо-Запад®

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

РОМАН

«СЕВЕРО-ЗАПАД»
Санкт-Петербург
1999

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)
Л 69

Логинов С.

Л69   **Земные пути: Роман.**— СПб.: Северо-Запад,
1999. — 432 с.
ISBN 5-7906-0097-2

Новый роман Святослава Логинова *«Земные пути»* погружает читателя в волшебный удивительный мир, где живут, ссорятся, любят, умирают и воскресают боги и люди, где тесно переплелись чудеса и реальная человеческая история.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-7906-0097-2

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая ПОВЕЛИТЕЛЬ МЕЧЕЙ

Тяжелый, отполированный временем и штанами, хозяйский табурет был вынесен на улицу под открытое небо. На табурете, небрежно закинув одну ногу поверх другой, сидел доблестный кёниг Фирн дер Наст. А сам хозяин стоял на коленях неподалеку и, ударяя сцепленными руками в грудь, твердил:

— У меня ничего нет! Клянусь пресветлыми богами, у меня нет совсем ничего!

— Верю...— улыбнулся дер Наст.

Торп даже рот разинул от удивления, услышав такое признание. Но в эту минуту длиннополый чародей Парплеус, стоящий рядом с кёнигом, наклонился вперед и проницательно возгласил:

— А вот огородник Нежер, спрошенный нами, объявил, что деньги на выплату недоимок — четыре грошена с лишком — ссудил ему ты.

Торп кивнул согласно и робко возразил:

— Но ведь Нежер не вернул мне долг, и теперь у меня ничего нет.

— А ты спрашивал с него?

— Нет, конечно, откуда у огородника такие деньги?

— А у тебя они откуда?

— Продам купцам шкурки двух выдр.

— И тут же кинул деньги огороднику...

Торп вздохнул и чуть заметно пожал плечами, не то признаваясь в собственной расточительной глупости, не то печалуясь, что такой высокоученый господин, превзошедший премудрости геликософии и дактилономии, не может понять вещей обыденных, очевидных для всякого простака.

— А еще,— не успокаивался Парплеус,— стало известно, что некая вдова из Маженице также неоднократно получала от тебя деньги.

— На что же мне еще тратить деньги...

— Значит, они у тебя есть,— обронил слово кёниг.

— Нету!...— взвыл Торп.— Тогда я охотился на ондатру и продавал шкурки, а нынче — весна, шкура лезлая и ничего не стоит!

— Сейчас он скажет, что не имеет даже медного кёртлинга на хлеб,— заметил Парплеус.

— Истинно так!

— А что же ты тогда тут жрешь?! Или ты, как девственная блудница перебиваешься дарами Нота и Зефира? Не вздумай лгать перед ли-

цом господина и выдумывать небылицы! В деревнях голод, а на болоте весной нет никакой пищи!

— Есть,— смиренно возразил Торп, глядя на обличающий перст геликософа.— Корни аира, ряска, но лучше всего — улитки. Здесь прорва самых лучших улиток, даже на виноградниках Монстреля таких не сразу найдешь. Улиток надо выдерживать три дня на стружках молодого граба, чтобы у них прочистило нутро, а потом самое время тушить их со щавелем и крессалатом. Хорошо еще добавить латук...

Хитроумный Торп мог долго расписывать прелести своей холостяцкой кухни. Прежде этот прием действовал безотказно. Старый кёниг, брат нынешнего повелителя, немедленно размякал от подобных речей, соглашался откусывать тушеных моллюсков и в результате забывал, что явился в болотистую глухомань не обедать, а карать слишком независимо живущего мужика. Плохо, когда мужик о себе мнит, от этого убавляются силы сеньора. И кто знает, не из-за Торпова ли угощения настолько ослабел Гляс дер Наст, что не заметил, как брат прячет в рукаве нож.

И вот теперь к Торпу явился новый кёниг — худой и жилистый, которого ничуть не соблазняют кухонные рассказы пронырливого мужика.

Торп с причмокиванием закончил последнюю фразу и выжидательно уставился на непрошенных гостей. Дер Наст сидел с невозму-

тимым видом. Парплеус, не ожидавший от смерда такого красноречия, выглядел озадаченным; заплетенная в косы борода чародея потемнела от пота. Стражник, пришедший на хутор вместе с кёнигом, стоял столбом и был, кажется, озабочен лишь одним — как бы, не шевельнувшись и не привлекая к себе внимания, согнать с носа перебравшего крови комара. Из всех пришельцев жил лишь мальчишка-прислужник, стоявший за плечом у хозяина. Пучком фазаньих перьев он оттонял кровососов от макушки кёнига, не забывая на отмахе облегчать и собственную участь.

— Много слов,— произнес дер Наст.

— Подозрительно...— поддакнул мудрый Парплеус.

— Проверь, что у него в каморах,— ни к кому особенно не обращаясь приказал кёниг.

Воин радостно сорвался с места и, остервенело терзая свербящий нос, скрылся за домом.

Через полминуты он выскочил обратно и торжествующе протрубил:

— Да у него корова есть! Куда-то отогнана, но следы не спрячешь. Корова тут у него!

Торп стукнулся лбом в песок.

— Государь, пощады!.. Я же с голоду без нее умру! Пропаду зазря...

— Тяжело будет,— посочувствовал кёниг,— Ну да как-нибудь на улиточках перебеешься, не подохнешь. Веди сюда свою корову, а то я तो роплюсь.

Торпу для острастки и чтобы под ногами не путался, дали в лоб, и теперь он валялся на земле, сходу разучившись голосить. Найденную корову обвязали веревкой за рога и двинулись в обратный путь.

А путь предстоял немалый и непростой — через моховые прорвы, затянутые густым илом, мимо железных ям, где никакое черпало не достигнет дна, вдоль зыбких промоин, окон, дразнящих голубым огоньком, сквозь владения шишиг и кикимор, напролом по зарослям хвоща к сухим королевским борам, где добытчиков ожидали оставленные без присмотра кони.

Слюнявая толстобочая коровенка, конечно, не могла окупить усилий гордого кёнига, но коровенка в таких делах и не принималась в расчет. Важно было прийти и взять дань, иначе в магической защите повелителя мечей появится брешь, и тогда дни повелителя будут сочтены.

Из остальных мужиков налоги выколачивали солдаты, а вот к жилищу Торпа добраться они не могли. А может быть, просто не хотели стараться. Ведь в самом Торпе на грош не было магии, и он не сумел бы отвести глаза охотникам за недоимками.

Проще всего было бы зарезать хама, но дер Наст понимал, что на пожилом месте, да еще sprysnutom кровью, и к тому же в непроходной глуши непременно заведется лихо. И чтобы ни говорил Парплеус, какие бы волхования ни учреждал, обещая патрону мир и безопас-

ность, лучше держаться от напасти подальше и лихо не будить. А Парплеус — что с него взять? — ученый маг. Говорить умеет складно, а как колдовать — неведомо.

— Полагаю, что с методологической точки зрения нами допущен просчет, — разливался мудрец, утопая ботфортами в зыбкой глубине. — Нам следовало бы вести на веревке не корову, а ее владельца. С этим мужиком явно нечистое, от него за полмили пахнет ересью.

— Что-то ты взбрел, — не удержался кёниг. — Привык по городам крамолу искать. В лесу ереси не бывает.

— Это как поглядеть, — посмел возразить Парплеус. — Колдовство разлито в мире неравномерно, и точно так же флюктуируют гнусности малефиков. Мир был бы куда разумней и изящней, если бы могучие силы доставались только благородным воинам и убеленным мудрецам. До грехопадения так и было. Но с тех пор в мире многое прогнило. Бесы вращают колеса крупорушек, демоны дуют в паруса кораблей, а черные кобольды поселились в кузнях. А ведь это места, где редко встретишь благородного человека. Магия в руках черни — отсюда один шаг до самой злой ереси.

— Кое-кто утверждает, — с усмешкой вставил кёниг, — что мельничные колеса вращает вода.

— Ни слова! — вскричал Парплеус, не замечая насмешки. — Ведь это и есть то самое, от чего рушится мир! Ежели нет демонов, то не-

мощны и боги, а значит — не бывать и магам. В том числе и вам, кёниг!

— Ну уж я-то не пропаду, — на этот раз воин-тель усмехнулся в открытую. — В роду дер Настов все были повелителями мечей.

Многое мог бы возразить Парплеус на эту усмешку, но спорить не стал, памятуя, что покорность сильному — лучшая политика. Лишь промурлыкал примиряюще:

— Однако согласитесь, государь, что самая могучая, исконная магия, способная соперничать с волей богов, скрывается там, где нет людей, куда не успело проникнуть еретическое мастерство. Но хотя мы с вами идем по простому болоту, я не ощущаю потоков сверхъестественной энергии. А это значит, что поблизости затаился еретик, перекрывший энергетические токи.

— Какие еще токи? — буркнул дер Наст. — Тут стоячее болото, вовек ничего не шелохнется, не то чтобы течь...

В подтверждение своих слов кёниг топнул сапогом по ненадежному настилу, прогнившая слега хрустнула, и магистр Парплеус с невнятным воплем ухнул в трясину.

В первое мгновение дер Наст оторопело взирал на происходящее, затем всплеснул руками и захохотал, раскачивая настил и рискуя сам полететь следом за придворным мудрецом.

Парплеус месил локтями разжиженный мох, хватался за белые корневища жирных расте-

ний, сочно лопавшихся под пальцами. Слепой ужас плескался в глазах.

— Государь! Государь!

— Колдуй, магистр,— посоветовал кёниг.— Ты же в трех университетах учился.

Зажатый трясиной маг уже не взывал о помощи, а только хрипел невнятно. Дышать ему оставалось не больше минуты, но тут в дело вмешался мальчишка, прежде молча стоявший за спиной дер Наста. Он спрыгнул с тропы и, прежде чем кочка пушицы успела просесть под его легким телом, вновь выскочил на гать и, ухватив за рукав мантии, принялся тянуть Парплеуса из ямы.

Дер Наст недоуменно поджал губы, но вмешиваться и теперь не стал. Конечно, самоуправство наказуемо, но всему должен быть свой срок. В том заключается высшая мудрость, недоступная магистрам и самовольным щенкам.

С мучительным стоном мальчишка выволок грузного мага из болота, но Парплеус, выползая на гать, толкнул своего спасителя, и теперь уже мальчишка шлепнулся в размешанную, пузырящуюся гнилыми миазмами прорву.

— Ну молодцы! — взорвался смехом кёниг.— Ну, порадовали!.. Вот насмешили! Вам шутами стать — цены бы не было!

От восторга кёниг затопал ногами, гать, не выдержав бесцельного топтания на одном месте, с мокрым хрустом расселась. Конфискованная буренка замолотила копытами, руша усте-

ленный хворостом путь, и сползла в воду, сдержав следом солдата, никак не ожидавшего такого поворота дела. На ногах удержался один кёниг, а может быть, его уберегла исконная магия, которой издревна славился род дер Настов. Вопли, хлюпанье жижи и надсадное мычание перекрыли смех кёнига.

— Вы что, уморить меня вздумали?! — рассердился наконец повелитель. — Хватит дурить. Или выползайте на берег, или тоните, черт вас подери!

Парплеус, подгребая к животу прогнившие обломки, торопливо отползал от опасного места. Задержаться, чтобы помочь своему недавнему спасителю, не приходило ему в голову. Солдат, которого тяготила железная кираса, а на правую руку оказалась не вовремя намотанная веревка, бился недолго. Ряска сомкнулась над головой, лишь пузыри — болотный газ или последнее дыхание? — указывали его могилу. Корова увязла безнадежно, одна голова с намотанной на рога веревкой торчала из грязи.

— Ну?... — поторопил дер Наст слугу. — Тонуть будешь или нет? Мне некогда.

Мальчишка каким-то чудом дотянулся к одному из обломков, приглотив его, вырвался из ямы и тоже вполз на остатки дороги. Нога дер Наста произвольно дернулась, чтобы столкнуть мальчишку обратно, но кёниг вовремя остановил порыв. Не стоит вмешиваться в решения судьбы. Повелитель мечей должен бить, а

добивать — дело слабых. «Падающего — толкни» — это мудрость шакалов.

Больше ничего забавного не ожидалось, и благородный Фирн дер Наст, перешагнув копошащихся слуг, пошел прочь. Мокрые, перемазанные тиной прихлебатели поспешили за ним. Мычание утопавшей коровы провожало их до самых камышей. Потом все стихло.

* * *

Торп сидел и, сглатывая копящуюся ненависть, стругом выскребал табурет, оскверненный седалищем кёнига. Брат нынешнего повелителя тоже был противен живущему на отшибе мужику, но все-таки он не зорил Торпа окончательно, оставляя возможность выправить хозяйство. А этот... единственную животину забрал. Бабка-Мокрида, тетки-Лихоманки, оплатите обидчику, пошлите ему за мои слезы водянку с лихорадкой, неизбывную трясучку, падучую болезнь...

Шумный вздох коснулся слуха. Торп поднял голову и увидел корову. Тина облепляла ее бока, грязь засыхала корками, трескалась, повисая на шерсти. Раздувшиеся пиявки присосались к тяжелому вымени.

Корова подошла на три шага и остановилась.

— Святая Амрита! — ахнул Торп. — Ушла, ушла от разбойников, умница!

Он бросился к дому за водой и подойником, обмыл изрезанные осокой соски, отодрал впив-

шихся пиявок, принялся за дойку, стараясь не сделать корове больно.

У коровы не было имени, чтобы окрестная нежить не могла приручить ее, и воровать по ночам молоко. Торп просто повторял все ласковые слова, какие только мог вспомнить.

— Золотце мое, чудесница, красавица... Как славно, что ты от них ушла! Спасительница ты моя... Ведь, кроме тебя, у меня действительно ничего нет.

* * *

У подножия холма, которым начинался королевский бор, пробивался родничок. Как водится, рассказывали о нем всякие небылицы, хотя ничего особенного там не приключалось. Просто струилась холодная и чистая вода и тут же пропадала в бескрайних пространствах болота.

Здесь кёниг перед походом на Торпов хутор оставил пастись коней. Другому это могло бы дорого обойтись: прошел мимо ловкий ромей — и сыскивай, где гостят лошади. Но имя дер Наста гремело далеко за пределами его владений: пошлет оскорбленный повелитель мечей вдогонку похитителю железную нить — что тогда?

Коней было всего три — Исту лошади не полагалось, он мальчик на побегушках и, значит, должен бегать. Не досталось ему лошади и теперь, хотя один из добытчиков упокоился в гни-

лых хлябях. Дер Наст просто накинуд повод на луку седла, в котором поместился Парплеус, а сам вскочил на своего жеребца. Задерживаться, чтобы едва не утопшие попутчики сумели смыть грязь, кёниг не собирался.

Тропка, постепенно расширяясь и превращаясь в настоящую дорогу, повела их в сторону белокаменного Снегарда — неприступной твердыне дер Настов. Вскоре кёниг и придворный чародей уже могли ехать рядом, хотя, разумеется, Парплеус держался на полшага сзади. Ил на мантии мудреца уже обсох, не смердел как вначале и мастер логософии вновь мог поддерживать разумную беседу. А Ист бежал следом, заботясь лишь о том, чтобы не сбиться с ноги.

Не бывает лучше дороги, чем тропа через сосновый лес. Вольнолюбивые сосны перегородили ее узловатыми, выпирающими из земли корнями, лишенными поверху коры, гладкими, как столярная поделка. Но снизу корни живы, и потому никакая порча не касается твердой древесины. Лошади осторожно переступают легшие поперек пути пороги и невольно сбавляют шаг. Поэтому совсем нетрудно следовать позади, не страшась, что отстанешь, а потом получишь нахлобучку. Когда лошади скачут по полю — такое случается обязательно. Фирн дер Наст не привык поджидать слуг. Как бы ни мчал конь, прислужник всегда должен быть рядом.

Босые ноги легко ступают по земле, устланной шершавым ковром сухих иголок. Порой хрустнет под заглубевшей пяткой прошлогодняя шишка. Иногда двойная сосновая игла вопьется в живое место между пальцами и упадет, не в силах удержаться. Без этого тоже нельзя, а иначе и не почувствуешь, что бежишь босиком. Дивно устроена лесная тропа, славно по ней бежится, и есть время подумать о своем.

Что же все-таки случилось? Был человек, а теперь нету. И неважно, что был он недобр и глуп, но ведь дышал, смотрел глазами и, наверное, чего-то в жизни хотел. Конечно, дер Наст и Парплеус — маги, у них свои законы, им что человек, что муха — разницы нет. Но ведь это не просто мужик, а обученный воин. Воинское искусство сродни волшебству, не раз случалось, что судьбы колдунов решались оружием.

Ист не жалел погибшего — тот бывало щедро одарял безродного мальчугана подзатыльниками, но все же при виде смерти думалось не весело. Вот Парплеус чувствует себя прекрасно, сразу видно колдуна. А что в болото свалился — так ведь не потонул же... Может быть, в том его колдовство и состояло, чтобы Ист его выгасил.

Ист жил в замке кёнига. Он был сыном служанки, год назад умершей от ледяной горячки. А отцом мальчика мог случиться кто угодно — мать была некогда хороша собой и любила пожить. Сплетники грешили даже на Гляс дер

Наста, и эти разговоры сильно портили Исту жизнь. Кёниг не терпел самозваного племянника. Иста спасали только малые лета: недостойно повелителя мечей было бы убивать вовсе уж беззащитного ребенка. Но уж зато издеваться над слугой кёниг был волен. При каждом удобном случае повелитель отвешивал мальчишке оплеуху, во время пиров в Иста летели объедки, а самым любимым развлечением владыки было метнуть нож, так чтобы он срезал с головы отшатнувшегося слуги прядь волос или рассек кончик уха. У старых слуг в замке вместо ушей оставались какие-то лохмотья. А вот у Иста по какой-то счастливой случайности уши до сих пор были целы.

— ...такого мнения придерживался преподобный Лисимах,— разглагольствовал Парплеус.— Он был великим криптологом, но держал свои тайны при себе и всего лишь преподавал в университете лептографию. Так вот он рассказывал, что пока люди жили в раю, любой из них превосходил мощью величайших магов нашего времени. Но потом дьявол соблазнил людей, обещав им познание. Как известно, дьявол всегда держит свое слово, но делает это так, что честность получается хуже обмана. Вместо волшебства дьявол подсунул людям технику, и люди лишились магии. С тех пор люди и разделились на благородных — сохранивших древнее искусство, и на плебеев, ставших рабами колеса...

— Трепло твой Лисимах,— перебил дер Наст.—
Надо же такое придумать: чтобы мужик был
искусней повелителя мечей! Вот это настоящая
ересь. Головы, которые придумывают такие бла-
гоглупости, следует отрубать и выставлять на
ярмарке в назидание прочим умникам. погоди,
я еще разберусь, что у вас за университет, и
чему там тебя научили...

— Ваша светлость! — возопил Парплеус.— В
раю не было мужиков! Сами посудите: кто бы
их туда пустил?

— Ах, не было...— смягчился кёниг.— Так-то
лучше. А то набрежал невесть что.

— Вы просто не дали мне закончить пери-
од,— пожаловался мудрец.— Из моих рассужде-
ний следовало, что простолюдин, отравленный
грубым ремеслом, уже как бы и не человек,
ибо его духовная сущность умерла. Только по-
знавшие тайны невидимого несут в душе отпе-
чаток божества, а прочие — лишь навоз для бла-
городных сословий.

— Столько слов, чтобы сказать то, что из-
вестно и грудному младенцу.

Некоторое время всадники ехали молча, а
Ист продолжал бежать следом, но уже не ду-
мал о прошлом, потому что почувствовал, что
мысли кёнига, совершив замысловатый скачок,
обратились к нему. И раз господин молчит, то
значит жди беды.

Дер Наст не шелохнулся в седле, не коснул-
ся пояса, но откуда-то в его ладони обнаружил-

ся крестовый кинжал с двойным лезвием, и в ту же секунду взмах руки послал кинжал в горло Исту. Ист успел отшатнуться, нож звучно врубился в дерево.

— Навоз должен валяться на земле,— заключил кёниг, оборачиваясь. Лицо его изумленно вытянулось.— Ты цел?..— глупо спросил он.

— Да, повелитель,— признался Ист.

Впервые Фирн дер Наст всерьез грозил мальчишке, и хотя Ист все время ожидал чего-то подобного, но все же был испуган.

— Странно...— раздумчиво молвил сеньор и, помолчав, добавил: — Значит, такое твое счастье.

— Повелитель,— произнес Ист,— должен же будет кто-то охранять ваш покой, когда нынешняя дружина состарится.

— Складно врешь,— проворчал дер Наст,— ну да ладно: жив — значит жив. Подай сюда нож.

Ист подошел к сосне, вырвал засевшее в древесине лезвие, протянул дер Насту. Тот, не глядя, принял оружие. Иста колотил запоздалый ужас, а вот кёниг был монументально спокоен, даже когда кинжал еще был в руках мальчишки. Повелитель мечей отлично чувствует, угрожает ли ему опасность. Иначе быть ему жертвой меча, а не повелителем.

— Взгляни, магистр! — усмешка раздвинула губы кёнига.— Эта глιστα сумела увернуться от моего броска. Я думаю, ты бы не смог повторить такой подвиг.

— Только не надо проверять! — всполошился Парплеус.— Я мирный человек и не люблю прыгать.

— Не буду, не буду,— успокоил дер Наст.— Но подивись еще на одно чудо. Это же младенец. У него не руки, а воробыиные лапки, такими и просяное зернышко не поднять. Верно, а? И эта крохотуля, заморыш, недомерок, выдернул нож из сырого ствола. Я вбил нож по самую рукоять, а младенец вынул его двумя пальчиками. Я вижу, мне не зря все уши прожужжали про эту тварь. Иди сюда, зменийш!

Ист попятился, не сводя глаз с кёнига. Поворачиваться и бежать было бы верхом безумия, оставаться и принимать бой — еще бессмысленней. Дер Наст, сдерживая играющего коня, медленно поднимал руку. Раздвоенный клинок плавился меж пальцев.

Как всегда нож метнулся из ладони в самый неожиданный момент. Полет его был неошутим — лишь визгнул рассекаемый воздух. Еще никому не удавалось уйти от коронного удара дер Настов: нож, пущенный дланью повелителя, срубает жертву за полмили, и все же Ист вновь уклонился от железной молнии. Нож ударил в сосну, расколов ее на этот раз на две половинки. Ист нырнул под рухнувший обломок и побежал.

— Стой! — взревел кёниг, подымая на дыбы коня.

Метательный нож, разбив дерево, пролетел дальше и вонзился в столетний ствол соседней сосны. Пробегая, Ист вырвал оружие. Он не собирался защищаться им или нападать, он просто хотел, чтобы дер Наст больше не швырялся в него смертельным железом.

Сзади неровно гремели копыта коня, возбужденно голосил Парплеус, подпрыгивавший в седле и не решавшийся направить лошадь сквозь заросли болиголова. Под ногами зачала вода, строевые сосны сменились выморочными кривыми деревцами. Ист рванулся в самую чащу, надеясь, что боевой конь не проломит там себе дорогу.

Фирн дер Наст скакал, уворачиваясь от хлещущих веток. Настоящая боевая злоба овладела им, кёниг видел, что мальчишка не сумеет уйти. Другой человек — ушел бы, и мальчишка ушел бы от кого угодно, но сейчас вся мощь природного мага была обращена на мечущуюся впереди фигурку, и у мальчишки не оставалось ни единого шанса.

Ист чувствовал, как рвется из руки кинжал, а дорога вновь пошла в гору, бежать стало просторно и просторно стало догонять. Ист оглянулся. Отставший было кёниг споро настигал его. В отчаянии Ист швырнул навстречу врагу метательный нож. Бывает ли поступок глупее? Повелитель мечей может схватить в воздухе не только нож, но и арбалетную стрелу. Дер Наст вскинул руку в боевой перчатке, но в этот мо-

мент словно воздух лопнул перед его лицом, свистящий нож разлетелся на части, так что пальцы кёнига вынули из полета одну бесполезную рукоятку, украшенную серебром и перламутром, а два тонких лезвия разошлись веером.

Дер Наст подавился гневным рычанием: стальные пластинки срубили ему оба уха, оставив лишь мочки, в одной из которых болталась тяжелая золотая серьга. Как ни был искусен Фирн дер Наст, сколько ни практиковался в порче ушей своих подданных, такого удара нанести он бы не смог.

Мальчишка взвизгнул, не то от удивления, не то от восторга, и уже ничем не сдерживаемый, припустил в гору. Кёниг, не обращая внимания на рану, не столько опасную, сколь постыдную, рванулся за беглецом и вдруг полетел через шею коня, впечатавшись теменем в твердый сосновый корень. Лошадь попала копытом в нору земляной белки и сломала ногу.

Ударом кулака дер Наст перебил шею бьющемуся на земле коню. Вскочил, словно собираясь пешком догонять беглеца. Но мальчишка уже был безнадежно далеко. Дер Наст заскрежетал зубами и принялся пинать вздрагивающую тушу лошади.

Когда ученый номофелетик Парплеус, осторожно выбирая дорогу меж стволов, подъехал к месту схватки, он узрел, как измазанный кровью корноухий кёниг, сидя на снятом с лоша-

ди седле, заунывно и тяжело тянет мрачное проклятие:

— Брат мой, железный змей, брат мой, змей золотой, вы сжимаете землю, вы вращаете небо! Ступайте по следу, ибо там наш враг. Пусть стальными иглами прорастет его печень, золотыми колючками злые глаза. Пусть он сгниет, как ржавеет железо, пусть иссохнет, как тянется золото. Пусть стон его будет слышен далеко, а смерть будет мучительна. Вас зову, братья мои — железный змей Феррон, золотой Аур! Словом дер Наста — повелителя мечей — заклинаю и приказываю!

Парплеус попятился. В университете лишь рассказывали, как умеют волховать исконные маги, а сейчас он видел это своими глазами. Заклинание казалось корявым и нескладным, но жутко звучал голос чародея, и две иглы, которые кёниг держал в руках, вдруг начали извиваться и, выскользнув из пальцев, сверкающими змейками скользнули в мох.

— Вот так,— мрачно заключил кёниг.

Он поднял голову и взглянул на Парплеуса.

— Я привел вам коня,— быстро произнес мудрец.— Больше я ничего не знаю, и не видел, что здесь было.

— Мне плевать, что ты видел...— огрызнулся кёниг,— а язык лучше проглоти сам, покуда я не укоротил его.

— Я буду нем! — Парплеус вздел к облакам руки.— Клянусь додревним драконом!

* * *

Ист бежал не останавливаясь. Потом, если он уцелеет, будет время поразмыслить над случившимся, удивиться и сделать выводы. А сейчас — спасение в ногах. Колючие ветки вереса хлестали по лицу, кустики голубики царапали босые ноги, хрустел сухой мох, чмокал, схватывая пятку, влажный. Ист бежал.

Остановился он, когда с разгону вылетел на знакомое место. Перед ним лежал убитый конь, мох вокруг был истоптан и забрызган кровью.

Как неосторожно! Он умудрился сделать круг и выбежать на собственный след. Если он будет бегать таким манером, его в два счета поймают!

Ист развернулся и побежал в сторону. Теперь он уже не мчался сломя голову, а выбирал путь, стремясь уйти подальше. Жаль, кёниг обидел лесовика Торпа, у него можно было бы попросить укрытия. А теперь Торп, конечно, не примет его. Или наоборот, примет с радостью, если рассказать, что обидчик остался без ушей. Вот только как добраться к хутору? Гать они раскрошили, да ее еще не сразу и найдешь. Но все равно, больше деваться некуда.

Ист споткнулся. Перед ним лежал убитый конь. Сытые мухи, не торопясь, кружили над остывающей тушей.

Дрожащей рукой Ист помахал перед лицом, отгоняя наваждение. Не хватало только попасть в руки лесного хозяина. Заведет, утопит, скор-

мит волкам, а то еще что похуже сделает. Служанки в замке рассказывали, что в холмах у болота живет Хийси. А Ист не верил. Страшнее Хийси никого в лесу нет: покоя от него не жди, и на пощаду не надейся. Впрочем, рядом с Хийси никто не выживет, а Торп как-то умудряется жить. Значит, врут тетки. Но если там и не Хийси, а просто Колопут или Дикий кур, то все равно радости немного.

Секунду Ист колебался, а потом поспешил к дороге по собственным ясно видимым следам. И через пять минут вернулся на знакомую прогалинку.

Так и есть — водит. Вон и мухоморы стоят — шесть штук. Взяли в кольцо и теперь не выпустят. Будут кружить, пока не вернется злопамятный кёниг. А придет он, конечно, с собаками, и что будет потом — лучше не загадывать.

— Батюшка Колопут, — взмолился Ист. — Будь таким добреньким,пусти, а то хозяин вернется, он меня убьет.

Тихий смешок раздался позади, но когда Ист оглянулся, там, конечно же, никого не было.

Шепча бесполезные бабьи заклинания, которые слышал от кухонных девушек, Ист попробовал идти прочь. Ничто не останавливало его, он потихоньку двигался вперед, но и мухоморы словно ползли следом; выйти из заколдованного круга не удавалось.

— А ведь кёниг, должно, уже собак позвал,— пожаловался Ист в пустоту.— Затравит он меня собаками.

— Не позвал...— протянул кляузный голосок.

Нельзя оглядываться, когда говорит лесовик, но Ист не удержался, повернулся на голос и испуганно вжался в дерево. Совсем рядом, чуть не в двух шагах по лесу ехал Фирн дер Наст. Голова кёнига была неумело перебинтована обрывком рубахи, на материи расплывались алые пятна. Лицо повелителя было черно; если бы не щедрое кровопускание, которое устроил ему сбежавший паж, повелителя мечей, вероятно, хватил бы удар.

Магистр Парплеус поспешал сзади. На Иста проезжающие не обратили ни малейшего внимания, а может быть, просто не увидели его.

— Водит, стервец,— злобно говорил дер Наст.— Ну да не на того напал. Я тебя отучу шутки шутить.

— Согласно классификации inferнальных сил,— пояснил Парплеус,— ротацизм относится к явлениям природы и не может быть персонафицирован...

— А вот мы сейчас посмотрим...— заявил дер Наст, снимая с перевязи окованный серебром рог.

Звонкий механический звук пронёсся над лесом.

Неведомый шутник злобно взвизгнул и словно по команде столетняя ель с долгим скрипом повалилась на землю. В последнюю секунду

ду рыцарь увел коня из-под удара, а то бы лежать и коню и самому кёнигу с переломанным хребтом.

— Не нравится?! — злобно засмеялся дер Наст. — Ну так, кто бы ты ни был — прочь с дороги! Здесь повелитель мечей, кёниг Снегарда Фирн дер Наст! Ищи для своих забав сиволапых мужиков!

Дер Наст тронул коня поводьями и удивительно быстро скрылся из глаз.

Ист отлепился от соснины и, с трудом переставляя отнявшиеся ноги, пошел дальше.

На этот раз его вывело к болоту. Прежде Ист тут не бывал, но сразу догадался, куда его занесло. Не иначе — это Стылая Прорва. Соваться туда — верная гибель. В таком месте — не проплыть, не пройти, ни на брюхе не проползти. Болотный дед караулит опущенные в прорву разбойные клады, прядут тину тонкорукие кикиморы да копошатся лохматые шишиги. Больше там ничего нет. Надоела жизнь — иди.

Всхлипнув, Ист повернул обратно.

Прогалина с лошадьёю возникла перед ним по мановению ока, словно и не вдалеке была, а поджидала за ближайшим кустом. Ист сел на кочку, решив умереть здесь, но больше с места не сдвигаться. Болели ноги, горело исколотое лицо. Хотелось плакать.

Где-то вдалеке завыл серебрянный рог дер Наста. Ист зябко поежился и продолжал сидеть.

— Тоже не любишь железной дудки? — спросил сзади знакомый скрипучий голос.

— Это хозяин трубит,— ответил Ист, не оборачиваясь.— Вот поймает он меня, живого на куски распластает.

— Не-е...— возразил невидимый собеседник.— Не поймает. Я тебя раньше съем. Он потом распластает, что останется.

— Зачем тебе меня есть? — спросил Ист. Он изо всех сил прислушивался, но не слышал ни дыхания, ни стука сердца — ни одного из непрерывных шумов, которые выдают присутствие человека. Не было сзади никого — один только голос.

Голос хмыкнул нечленораздельно и ничего не ответил — вероятно, вопрос показался ему нелепым.

— Ты же со мной разговариваешь,— произнес Ист, ни на что особо не надеясь.— Это только кёниг Фирн может сначала улыбаться, а потом резать ни с того ни с сего.

— Я тоже могу,— равнодушно сообщил голос.

— Все равно, не надо меня есть.

— Почему?

— Стыдно. Я еще не взрослый.

— Детеныши самые вкусные и есть,— поделился соображениями голос.— А трубочу было не стыдно в тебя ножами кидаться? Три сосны испортил.

— Ему можно. Он исконный маг, а маги сродни богам.

— Он не маг, а дурак,— в рифму ответил невидимка. Потом он заворчал и добавил удивленно: — Ты гляди, какой червяк! Раньше тут таких не ползало.

Здорово рассудив, что ему позволено оглянуться, Ист повернул голову.

На валежине сидел человек. Не какое-нибудь семиглавое чудище при клыках и чешуе, а вполне обычный человек, только голый, грязный и словно шерстью заросший диким волосом. В толстых пальцах пружинисто билась золотая нитка. Скручивалась в узел, распрямлялась, пыталась уязвить противника, вонзиться в грубую кожу. Но человек не выпускал золотую пиявицу, хоть и держал руку на отлете, словно мальчишка, поймавший кусачую жужелицу.

— Это уже второй,— поделился соображениями лохматый.— Но первый был не такой крепкий. Я на него дунул, он ржой рассыпался. А этот держится. Ишь ты, какой кусачий!

— Это золотая нить,— произнес Ист.— Наверное кёниг ее за мной послал. Ты ее не трогай, она отравленная. Спасения от нее нет — сколько ни бегай, а она догонит и вопьется. Все сусавы изгрызет. Ты ее лучше брось, а то и тебе достанется. Это страшное волшебство — золотая нить.

Человек поднес руку с золотым волосом ко рту, словно собирался проверить на зуб фальшивую монету. Раздался тихий хруст, нить вытянулась тонкой иглой.

— Был червяк, а стал камень,— довольно проворчал лохматый.

Ист круглыми глазами смотрел, как незнакомец походя расправился с самыми ужасными заклинаниями повелителя мечей. Однако все оказалось не так просто. Брошенная, неодушевленная больше игла затерялась в белом оленьем мху, но она оставалась смертельно острой и ядовитой. И когда лесной человек поднялся, чтобы вплотную подойти к Исту, он наступил на иглу. В игле больше не было магии, но оставалось искусство волоочильщика, изготовившего драгоценную иглолку. Искусство не магическое, а ремесленное, страшное и ненавистное всем, познавшим тайны колдовства.

Игла, как и полагается брошенной на землю иглолке, вонзилась в ногу.

Скрежещущий вой пронесся над вершинами. Деревья закачались, иные были выворочены с корнем словно во время бури. Кричал лесной человек.

Золотая игла торчала из стопы возле подъема, рядом с выпирающей косточкой. Синюшное пятно отравы растекалось по коже.

— Пусти! — крикнул Ист.— Я умею...

Он вырвал из раны иглу, не глядя отбросил ее в сторону, наклонился, собираясь вцепиться зубами в расплывающееся пятно, расширить ранку и высосать хотя бы часть яда... И замер, увидев, что никакой ранки и никакого пятна нет и в помине.

— Это... ты...— Казалось, лесной человек не может сразу найти слова.— Ты же на самом деле хочешь мне помочь!

— Ага,— больше Ист ничего не смог произнести.

— Но ведь я собираюсь тебя съесть! И там на тропе ты тоже помогал просто так. Зачем ты это делал? Даже человеку так неприлично поступать.

— Но я и есть человек.

Лохматый сел на свою валежину. Крутые желтые глаза уставились на Иста.

— Ты не человек. Ты — один из нас. Этот, с дудкой, ничто рядом с тобой.

— Кёниг Фирн дер Наст — великий чародей!

— И поэтому ты оторвал ему уши. Ножик разломал я, он ужасно мне надоел. Но осколки полетели, куда хотел ты.— Лохматый встал.— Я, пожалуй, пока не буду тебя есть.

Длинная волосатая рука неожиданно ухватила Иста за плечо. Ист почувствовал, как его подняло в воздух, перевернуло. Когтистые пальцы содрали с него куртку, штаны, разодрали полотняную рубаху.

— Не надо!..— завопил Ист, брыкаясь изо всех сил,— ты же говорил, что не будешь!..

Иста еще раз перевернуло и поставило на землю. Он стоял перед лохматым совершенно голый и беззащитный и дрожал, вероятно от страха, потому что день был теплым.

— Вот так и надо ходить,— постановил лохматый.— А от этих тряпок — одна хворь. Пошли. Будешь со мной жить.

— А как... вас зовут? — икнул Ист.

— Ишь чего захотел!?! — сухой деревянный хохот разлетелся над лесом.— Имя ему понадобилось! Не скажу! Но если хочешь,— темные губы растянулись в улыбке,— можешь звать меня Хийси.

Старухи рассказывали, что Хийси и не человек вовсе, а половинчатая нежить: козьи копыта, уши рыси — с кисточками, зубы волчьи, а на лапах когти длинней медвежьих. Сам живет в берлоге, и на семь миль в округе никому жить не позволяет. В сказках Хийси выглядел попроще, пугали его с лесным коротышкой Колопутом, который в отличие от братьев своих — шишиг, любит посмеяться, а настоящего вреда не устраивает. Но и в сказках лесной владыка был собой ужасен, и с человеком бы его никто не спутал.

А тут... шлепает по бездорожью босыми ногами сутулый мужичонка, разве что голый, как Адам в день сотворения. Так в субботний вечер народ от шинкаря еще голей разбредается. И росточком Хийси не вышел: с чего это Исту померещилось, будто великан перед ним в полсосны ростом?

Дома у Хийси и впрямь не оказалось. Шлиши сквозь чащобу, потом остановились у старого выворотня, Хийси указал пальцем на темную дыру:

— Полезай.

Ист пополз в дыру беспрекословно, как будто от самого кёнига приказ получил.

В пещерке под корнями накренившейся ели оказалось неожиданно сухо. Пахло прелым листом и смолой, чему Ист удивился. Ему не раз приходилось соваться в лесные норы, и он прекрасно знал, каким смрадом несет из жилой ямы.

Хийси вполз следом, свернув ноги калачом, уселся напротив Иста, уставился на него немигающими глазами.

«А ну как все-таки сожрет?» — мелькнула неуместная мысль.

И, словно подслушав, Хийси спросил:

— Кушать хочешь?

Станный вопрос. Когда это бывало, чтобы мальчик на побегушках не хотел есть? Тем более сегодня — целый день в лесу, а в переметных сумках у стражника на Истову долю ничего запасено не было. С другой стороны — бес знает, что жрет Хийси? Может волчий помет и ястребиные погадки.

— А что мы есть будем? — осторожно поинтересовался Ист.

В ответ Хийси тонко и необычно засвистел, защелкал, заскрипел. Но это рождались не просто несвязные звуки. Какие-то слова угадывались среди завывания. Незнакомые, короткие, но почему-то не чужие. Странно было слышать их Исту. Наверное, с таким чувством

слушает слова незнакомого, но родного языка человек, выросший на чужбине. И еще Ист почувствовал, что его неудержимо, против воли, тянет к Хийси, словно лягушонка в пасть золотистому полозу. Пришлось ощутимо напрячься, чтобы не качнуться навстречу поющему хозяину.

У входа раздался шорох, и в пещерку вскочил очумевший бурундук. Он явно ничего не понимал, древнее заклинание тащило его словно на веревке.

Волосатая лапа Хийси молниеносно метнулась, пальцы сжались на пискнувшем бурундуке, в следующее мгновение Хийси откусил зверьку голову и громко захрустел косточками.

— Вот так и будем...— сообщил он, проглотив кусок и протягивая Исту огрызок несчастного бурундука.— На вот, пожуй мышку.

— Я не могу...— Ист заслонила руками.— Я такого не ем.

— Тогда, давай лошадь есть. Закопая в мох и станем понемножку кушать. Скоро она закиснет, станет мягкая... Я кислое мясо люблю.

А ведь правду болтали в стряпушей, будто Хийси тухлятину обожает. Палую скотину нарочно в лес оттаскивали, говорили — для Хийси. А Ист думал, что волокут стервозное, чтобы возле домов не воняло. Но теперь, видно, самому выпало испробовать падали. Или сырого бурундука грызть: выбирай, что милее.

— Может, лучше корову? — робко спросил Ист.— Там возле гати корова потонула; если не глубоко, достали бы...

— Корову я выгасил,— неспешно ответствовал Хийси, обсасывая последние остаточки добычи.— Корова Торпа, а он правильный человек. Дом у него без гвоздей стоит, выдру он удавкой ловит, а рыбу — мордой. Меня не злит без дела...— Хийси помолчал и добавил: — Молочка оставляет, в лопухе, как надо. Жаль, мало оставляет. Но, все-таки, я корову выгасил, а то не будет коровы, не станет и молока. Понимаешь?

— Ага,— произнес Ист.— Это хорошо, что у Торпа скотина осталась, а то стыдно было, прямо хоть плачь.

— Слово это забудь! — рассердился Хийси.— Стыдно ему... Ты колдун, а колдуну не бывает стыдно! Погляди на кёнига — дрянь колдунишка, а ведет себя как должно. Крысу тебе не жаль, а человек — это та же крыса, настоящей силы в нем нет. А то бы все вокруг волшебниками стали.

— Парплеус говорил, что прежде так и было.

— Врет.

— Парплеус — ученый маг, все науки изучил.

— А как же, знаю. Его в молодости Парпляком звали, так он как был Парпляком, так им и остался. Глупый он. Была в нем искорка, только он ее не уберег. Пришел ко мне и

просит: помоги мол, телеогнозию изучить. Ну, я ему и помог. Сожрал, и все тут. Высосал, как паук муху, одна пустая шкурка осталась. Но зато пустую шкурку можно любой шелухой набить. Туда и телеогнозия вместится, и краниография, и дактилономия. Даже для пропедевтики с гидропатией место останется.

Ист уже ничему не удивлялся, лишь отмечал про себя, как меняется голос дикаря, самый тембр, когда он начинает рассуждать на темы вовсе дикарям не свойственные. Видно, не так Хийси прост, как повествуют сказки.

— Мы его тоже меж собой Парпляком зовем,— признался Ист.— Только он рассказывал, будто учился наукам не здесь, а в Индии, в храме обезьяньего царя. Есть такие звери — обезьяны, у нас их не бывает. А над ними главный — Хануман. Там магистр и учился.

— Верно,— кивнул Хийси.— Так и было. Меня в Индии и впрямь Хануманом зовут. Жертвы приносят: молоко, ягоды разные. Много. Только все нечистое — в тарелках, вазах серебряных. А тут — в лопушке. Жаль, что мало.

— Так можно самому подоить,— подсказал Ист.

— Как? Для этого имя знать надо.

— А как ее Торп зовет?

— В том-то и дело, что никак. Корова — и все.

— Ну так и ты зови коровой.

— Нет, так не выйдет. Просто корова, это чтобы убить и съесть. А чтобы подоить — надо по имени.

Исту было непонятно, в чем именно заключается трудность, однако он добросовестно попытался ее разрешить.

— А что, если самим дать имя?

— Это какое же? Имя так просто не бывает, надо, чтобы настоящее было.

— Мы и назовем по-настоящему. Черных коров обычно зовут Ночка, рыжих — Зорька. У Торпа корова рыжая — значит, будет Зорька.

— А если бы была пятнистая?

— Тогда — не знаю. Пеструха, наверное. Но ведь она у него рыжая.

— Ну, давай, попробуем Зорьку. — Хийси приподнялся. — Посмотрим, что у тебя получится. Чего глазищи выгарашил? Сам придумал, сам и делать будешь. Пошли, что ли...

Они выбрались из берлоги, Хийси полез напрямиком сквозь кусты тальника, и через минуту Ист увидел вросшую в землю займку Торпа. Куда девалось болото, отделявшее хутор от всего остального мира, Ист не понял.

Уже смеркалось, дверь в доме была заперта, а дворовая дверь заложена изнутри накидным брусом.

— Не люблю... — прошептал Хийси, бесшумно открывая запертую дверь.

Корова переминалась во тьме хлева. Хийси подтолкнул Иста вперед.

— Зорька, Зоренька...— позвал мальчишка.

Корова переступила с ноги на ногу и перестала жевать.

— Во что доить будем? — шепотом спросил Ист.

— Мамку свою ты тоже доил,— ехидно поинтересовался Хийси,— или так управлялся? Вот народец пошел — у младенцев ума больше, чем у взрослых парней.

Ист припал к вымени, попробовал сосать. Корова, хорошо выдоенная с вечера, молоко не отдавала, но не стала и биться, испуганная незванными гостями.

— На рассвете надо было приходиться,— проговорил Ист, оторвавшись от вымени.

— Ничего,— отозвался Хийси.— Все-таки ты здорово придумал — самому имя дать. Мне такое в голову не вошло. Пошли, а то сейчас хозяйский талисман тебе на голову свалится.— Хийси указал на дырявый камень-громовик, висящий на струнно натянутой веревке.

Они безмолвно покинули двор, а через пару шагов очутились на знакомой прогалине, откуда Ист так безуспешно пытался уйти.

Хийси одним движением оторвал лошадиную ногу, начал свежевать ее, ловко и споро, словно и впрямь у него на концах пальцев красовались медвежьи когти. Дома Хийси вручил Исту кровавый кусок мяса, и мальчик покорно принялся жевать жесткие волокна. Об огне и

приготовлении пищи Ист не стал и заикаться, понимал, что услышит в ответ.

— Лучше бы ты мышку поел.— Хийси удовлетворенно отшвырнул кость и прислонился спиной к земляной стенке.— Мышка мягкая, легко жевать.

— Мышку мне тоже жалко.

— Ну и ну...— Хийси покачал головой.— Откуда только такие как ты берутся? Вот чем мне тебя кормить? Орехи еще не созрели, ягод нет. Ложись спать — утром опять за молоком пойдем.

Ист свернулся калачиком среди палых листьев, удивляясь, что под землей так сухо, и ни единый комар не звенит в воздухе. И, уже засыпая, спросил:

— Дедушка, а как ты в Индию попал? Она же за морем.

— А так же как и на Торпов хутор,— ответило из темноты.— Он тоже за болотом. Индия недалеко, если знать, как идти.

* * *

Спалось в лесной норе прекрасно, и, если бы не Хийси, продрых бы Ист до самого рассвета. А так всего-то удалось соснуть часа два, а потом пришлось подниматься и вновь идти к корове.

Насосались молока, вернулись к яме. Ист думал, что Хийси вновь завалится спать — что еще делать в лесной глуши? — но старик опу-

тился на кочку, подозвал Иста и велел ходить взад-вперед. Ист, приученный кёнигом и не к такому, добросовестно маршировал словно новобранец на плацу, потом ходил на руках, стоял на голове и даже пытался чесать ногой нос.

Хийси, изогнувшись немыслимой загогулиной и только что узлом не завязавшись, наблюдал за Истом. Вид у старика был самый серьезный, и постепенно Ист тоже настроился на серьезный лад. Особенно после того, как Хийси вдруг поднялся и принялся ощупывать Исту суставы, выворачивать веки и заглядывать в рот, словно торговец, покупающий у черкесов молодого раба. Дело это Исту не понравилось, а Хийси осмотром остался доволен и даже похвалил прежнего хозяина:

— Твой кёниг, хоть и отступник от древних правил, а воспитал тебя как надо. А то бы запыл жирком — так только на обед бы и сгодился.

«Не воспитывал он, а мучил без дела», — хотел возразить Ист, но промолчал, догадываясь, что время шуточек кончилось.

Однако лесной колдун и несказанное слышал и в случае нужды отвечал словно мыслишка прозвучала вслух.

— Наука — мука, а и без науки — мука. Выбери, что слаще?

— Наука лучше.

— Ну так слушай. Есть две силы. Одна у тебя в руке, такая сила всем поровну дается,

разницу едва увидеть. Другая — в башке. Вот она дается с разбором, да еще и не всякий умеет ее к делу приставить. Тут между двуногими тварями и разница пролегла. Кто может — тот маг, а кому лень — тот людь. Уразумел?

— Я это с пеленок знаю.

— Тогда вот. Видишь, шишка висит? Захотелось тебе эту шишку добыть. Что делать будешь?

— Швырну палкой и собью.

Хийси зашипел по-кошачьи.

— И думать не смей! Маг шишку должен словом себе в руки скинуть. А человек — на елку полезть, в смоле перемазаться, ободратся, с елки свалиться, а шишки не получить.

— А почему палкой нельзя?

— Потому что палка это машина. Простенькая, но оттого самая скверная. Рычаг, снаряд, копье, ось — называй как хочешь, суть одна. В том и беда, что люди за машины взялись, а для мира есть только один из двух путей — магия или техника. Где машины усиливаются, там волшебство слабеет. Потому и не любят волшебники людей, хотя сами от них происходят.

— А почему же кёниг в доме живет, ест жареное, ходит одетый?

— Потому что отступник. Зато в нем и силы нет настоящей. Гнилой он внутри. Сам посуди, он же смертный. Лет двести протянет, а там и состарится.

— А ты? — с ужасом спросил Ист.

— А я бессмертный. Меня только убить можно, да и то не вдруг. Что, не ожидал? То-то.

— Дедушка,— прошептал Ист.— А много таких, как ты? Настоящих?..

Хийси сгорбился, помолчал с полминуты, но ответил:

— Один. Остальные или сгинули кто где, или соблазнились на сладкое людское житье. Есть такое слово — комфорт. Не слышал? Так вот, он наш самый главный враг. Захотелось дуракам комфорта, они и позволили людишкам ткать и прясть, и печи топить. А что от этого сила убывает, так беда не велика, ее много, силы-то. Сами и не заметили, как прогнили. Ведь люди — словно муравьи, им соломинку протяни, они все наверх заберутся, источат тебя насквозь. Мельниц понастроили, корабли рубят. Рукоделия их уже в домах не вмещаются — возят на продажу в арбах и телегах; дорог напрокладывали. А волшебнику дорога только вредит, волшебник и так пройдет, где ему надо. Но зато — «комфорт»...— Слово это Хийси прошипел, словно отфыркивался от чего-то особенно скверного.— Я-то на эту удочку не попался, а другие клюнули, позволили людям прогресс. Тоже не слышал слова? Запоминай, врага надо знать. Слово — оружие мага. Что названо, то и существует, а остального нет. Почему-то об этом всегда забывают. Так и с прогрессом, пока его не было, так и не было. А как появился, то с ним уже не

сладишь. Эти дурни рассчитывали сначала слегка поразрешать, а потом запретить. Как же, запретишь его! Вот и не стало настоящих магов. Новые, те, что смертные, уже и колдуют неприлично. Не миром повелевают, а вещами. Повелитель мечей! Это надо же так извратиться... Ну да мое дело сторона, пусть повелевает. Сам же на свой меч и напорется. Еще ни один повелитель мечей своей смертью не помирал.

— Так ведь в том высшая доблесть,— робко произнес Ист заученную с детства истину.

— Помереть доблесть?! — рыкнул Хийси.— Доблесть в том, чтобы жить! Вот что, хватит болтать, берись за дело. За шишку берись. Тяни ее к себе, а я помогать буду.

Ист попробовал, но ничего не получилось.

— Не нужна мне шишка,— признался он.— Вон их вокруг сколько. Зачем мне именно эта?

— Кёнигу в лоб запустить.

Ист засмеялся, представив как молодая смолистая шишка врезается в лоб Фирна дер На-ста, и разом почувствовал ее в своей руке. Ветка, где только что висела шишка, освобожденно закачалась.

Ист размахнулся и швырнул шишку в про-свет между деревьями. Раздался треск, словно хрустнул слишком туго согнутый лук, и шишка исчезла.

— Тише ты, шальной! — хохотнул Хийси.— Весь мир перекалечишь. Я велел шишку сорвать, а ты ее куда пульнул?

— А куда?

— Куда хотел. В лоб своему хозяину. Сейчас посмотрим.

Хийси широко развел руки. В ответ словно окошко появилось посреди деревьев, и в этом окне Ист увидел одну из замковых комнат и кёнига, совершавшего утренний туалет. Вероятно, государь собрался бриться. Эту деликатную операцию повелитель мечей не мог бы доверить никому, так что брился он сам, как любой сапожник. Старый слуга — Густин, приготовил полированное серебряное зеркало, принес и поставил чашу с крутым кипятком и хотел уже с поклоном удалиться, когда неведомо откуда взявшаяся шишка впечаталась кёнигу в забинтованный лоб.

Должно быть это было очень больно — получить пусть и не сильный, но неожиданный удар в раненную голову. Но даже если бы боли вовсе не оказалось, все равно ярость повелителя измерить было бы невозможно.

С хриплым ревом кёниг шагнул к окну. Не к тому, волшебному, что создал Хийси, а к настоящему, за которым расстился двор, полный по утреннему времени челяди. Широкий бритвенный нож прыгнул в ладонь повелителю. И тогда Ист, не зная как остановить взбешенного владыку, мысленно толкнул бритвенный тазик. Кипяток плеснул на зеленые атласные штаны.

Кёниг так и не заметил магического окна, но этого ему и не требовалось. Густин, вскинув

руки, повалился на пол. Из рассеченного горла хлестала кровь. И лишь потом кёниг, подывая сквозь сжатые зубы, принялся сдирать прилипшую к ногам одежду.

Окно погасло. Хийси коротко усмехнувшись, повернулся к Исту.

— Ты шустрый малыш. А вот скажи, тебе старичка не жалко? Ведь это твоя шишка его зарезала. Так что готовься, милый. По земле ходишь — муравьев давишь. Я уже говорил: люди — те же муравьи. Много их, шустрые и кусаются.

Ист отошел в сторону, сел на кочку. Потом вскинул голову и посмотрел в круглые глаза Хийси.

— Я не хочу быть волшебником.

Глава вторая СЛУЖАНКА АМРИТЫ

Ист шагал через базарную площадь. При его приближении торговцы начинали особенно звонко выхвалять свой товар, а некоторые даже норovali ухватить Иста за полу куртки, чтобы хоть таким образом привлечь к себе внимание. Всякий видел, что по рынку идет богатый покупатель. Сафьяновые сапожки с каблучком на подковке, короткие штаны с подвязками, расшитая куртка и наброшенный на одно плечо алый плащ-пыльник. Главное же — плотно набитый кошелёк, висящий на тисненном поясе.

Впрочем, остановить юношу никому и не удавалось. Ист проходил через толпу бесследно, словно ртуть сквозь сухой песок, край плаща невесомо выскользывал из цепляющихся рук, и напрасно торговцы расточали цветы базарного красноречия. Ист не собирался делать

покупок, да и денег у него не было. Кошель, набитый звонкими цежинами, лишь мерещился завистливым взглядам. На самом деле не было ничего: ни золотой нитки в волосах, ни обуви с модным каблучком, ни даже штанов. Хийси по-прежнему не признавал никакой одежды, и, значит, ученик должен был ходить голышом. Ну а красивый морок — чтобы не смущать обывателей.

Четыре года Ист провел вместе с Хийси. За это время он вполне изучил несложную магию леса. Она легко открывается тому, чьи уши свободны, глаза не замазаны и душа не отравлена прогрессом. Лес оказался много проще, чем думалось вначале, но и много сложнее. Стоило допустить хоть одну фальшивую ноту, и живой лес превращался в толпу деревьев, где нет ничего, кроме бестолкового шевеления листьев. Но если ты свой и ведаешь простые древние слова, то лес оказывается единым большим зверем, а всякий зверь покорен слову мага. Можно, если хочется, закрутить тропы в тугой клубок, заставив неприятеля кружить на одном месте, словно муху в бутылочке. А можно в три минуты пройти в ту часть великого леса, что шумит в Индии или Намане. Деревья там растут иные, а лес тот же самый.

Лесной народец, как звали во всем мире обитавшую в дебрях нежить, оказался весьма разным, но даже для юного мага почти не опасным. Нежитью их звали потому, что они не

могли родиться, как всякий зверь или человек, но и умереть толком им не удавалось. Тролли, лешие и ракшасы происходили от зверей, в недобрый час получивших дар слова, от людей, сгинувших в чаще, и даже от магов-недоучек, вздумавших покорить лес новомодным волшебством огня и железа. Лес принимал всех, делал своей частью, и они оставались живые, но не живущие: тихие или шумные, бестолковые и хитрые, забавные и уродливые. Настоящие маги держались от леса в стороне, стараясь не прикасаться к его тайнам, зная, что к прошлым векам нет возврата. Один древний Хийси продолжал владычествовать над исконной колыбелью людей и магов.

Совсем рядом с убежищем Хийси обитал один из лесных гномов. Звали этого человечка Сатаром и по его словам выходило, что он настоящий ученый маг, вроде чернокнижника Парплеуса. Еще не умея ходить по тайным тропам, Ист познакомился с одичавшим волшебником. Сатар, хоть и разговаривал с мальчишкой свысока, но тоже был рад знакомству. Кажется, он не слишком понимал, что с ним творится, и думал, что лишь недавно покинул университет Соломоников, где преподавал теоретические основы генотеизма студентам старших курсов. Он не замечал изменений, произошедших с ним, не видел, что скукожился, словно высушенный белкой рыжик, и скорее напоминает зверька, смеха ради наярженного

в камзол, нежели университетского профессора. Не видел даже, что суконный камзол, некогда модный, давно прирос к телу и это уже не одежда, а собственная шерсть, словно в насмешку сохраняющая вычурный портновский покррой.

— Молодой человек,— вещал Сатар в минуты хорошего настроения,— у вас несомненно есть задатки и как только я закончу здесь свои дела, я возьму вас в ученики. Это великая честь, в университет не принимают кого попало и, уж тем более, немногие могут похвастать тем, что я обратил на них внимание.

— А какие у тебя здесь дела? — невежливо спрашивал ничуть не смущенный Ист.

— О-о!...— Крошечный маг вздымал к небу корявый пальчик.— Это неизреченная тайна! Да будет тебе известно, что здесь располагается величайшее болото мира. А что есть болото, как не остановленная, заснувшая река? Там на дне Стылой Прорвы лежит ключ-камень, который запер великую реку. Я вознамерился достать его, и тогда моя сила сравняется с божественной мощью. Ныне я близок к цели как никогда, осталось сделать последний шаг...

— А почему ты в лесу живешь, если ты городской колдун? — перебивал нахальный мальчишка.

— Аккомодация,— многозначительно отвечал одичавший профессор.— Природа ревнива, приходится прибегать к мимикрии.

Хийси, когда Ист рассказал о новом знакомстве, лишь усмехнулся.

— Он что, вправду был профессором? — спросил Ист.

— Вправду. А был бы еще и умным человеком, так и остался бы профессором. Так нет, не утерпел, сунулся куда не следует, вот и мается теперь.

— Это ты его заколдовал?

— Вот еще, делать мне больше нечего. Сам вяпался. Явился к болоту и стал из своего посоха в трясину молниями садить. Всех лягушек в округе сварил. Ну и надорвался. Лес не любит таких, притких.

— А что, правда на дне Прорвы ключ-камень лежит? Вот бы достать...

— А зачем он? В умной руке любой камень ключом станет, а дураку такая вещь ни к чему. Только сам себя запрет да так и останется нежитью.

— Так он что, добыл камень-то?

— Не-е... Кабы добыл, так троллем стал бы, а он, сам видишь, простой лесовик. А ты глупостями-то не майся, а лучше скажи, на какой день в этом году чирки на болоте птенцов выведут?

Спустя три года учебы старик признался, что и прежде подбирал в лесу заплутавших детей, в которых замечал искру волшебства, но все они, испорченные человеческим житьем, не смогли проникнуться лесом, и чаща мстила им

за непонимание изгнанием или превращением в полузверя.

А Исту, который ничего не отвергал и боялся не более, чем следует тревожиться за собственную жизнь, лес открылся.

Несколько месяцев Ист путешествовал по всему миру, путая в ореховых чащах одичавшего йетти, тревожа в теплых хлябях гороподобного бегемота, силой равного левиафану, и споря в мерзлых тундрах, где и деревьев-то настоящих нет, с говорящим вожаком белых волков.

А потом пришел к Хийси и попросился в город.

— Все-таки хочешь? — проскрипел старик. — А зачем, ты подумал? Там свои маги, дохлые, хилые, но опасные. Здесь тебе ни один из них ничего сделать не может, а там ты перед их прелестями беззащитен. Не заметишь, как и сожрут. Это же ревнивые твари: друг друга жалят хуже скорпионов, а ты их уловов не знаешь.

— Потому и хочу туда попасть, что не знаю, — признался Ист.

И вот теперь он шагал через рыночную площадь старинного города Норгая, стараясь ни единым движением не выдать, что прежде не видал селений крупнее захолустного Снегарда. Дико сказать: и в Намане был, и в Лапландии, но только в местах безлюдных, в тундрах и джунглях, а это значит, что нигде не

был и до шестнадцати лет ничего, кроме леса, не знал.

Задолго до городских ворот почувствовал Ист дыхание города. Вроде бы ничего не произошло, но словно уши заложило, и глаза подернуло флером — и видеть и слышать стал хуже. Ист и не подозревал, насколько его чувства зависят от магических способностей. За годы учебы он привык жить в ярком мире, а тут вся яркость оставалась на поверхности, словно краска на трактирной вывеске. Неужто люди настолько слепы, глухи, не умеют чувствовать запахов и видеть сути вещей? Ист старался вспомнить, каким он сам был четыре года назад, но не мог.

Но даже те ошметки чувств, что сумел он сохранить, обрушили на него неимоверную круговерть ощущений. Люди, люди, люди... Каждый о чем-то думает, всякий чего-то хочет. На рынке все было понятно: здесь кипела корысть, ползала жадность; мошенники обдумывали уловки, мелкий торговец судорожно пытался заранее подсчитать ожидаемый барыш и сообщал, хватит ли денег, чтобы протянуть до следующего базарного дня. Простые, скаредные мысли. Воришка пытался срезать у Иста воображаемый кошелек, но, получив по рукам воображаемый удар, отскочил, с трудом сдержав крик, а потом долго старался понять, чем перетянул его богатый прохожий, если в руках у него нет ни стека, ни плетки, ни вообще ничего.

Темными, непроницаемыми для чувств громадами стояли богатые дома, двухэтажные, с башенками и балконами, похожие на замки, с узкими окнами, прорезанными высоко над землей, и глухими прочно запертыми воротами. Кто живет там, о чем думает — неведомо.

Но самое притягательное находится за городскими стенами, казалось бы, открытое и доступное всякому грабителю, сумевшему собрать полсотни головорезов. Поодаль от города на другом берегу речки поднимаются вызолоченные крыши храма. Там оракул и капище норгайского бога Гунгурда. И даже здесь, среди базарной суеты, чувствует Ист тяжелое давящее присутствие храма. Туда бы зайти, взглянуть хоть одним глазом, но именно это Хийси запретил крепче всего — и значит, храм останется в стороне.

А сейчас, наверное, стоит пройти как бы между прочим мимо ремесленных мастерских, полюбоваться на страшное, проклятое богами и магами колдовство мастеровых. В Снегарде ничего подобного не было. Даже седельную мастерскую и кузню дер Насты поставили далеко на отшибе, отгородились от них алтарями победителя чудовищ неукротимого Хаймарта. Кёниг следил, чтобы без дела никто не вздумал подойти к опасному месту, так что Ист ни разу там не бывал. И вот теперь он решил посетить царство техники, заглянуть в самое нутро горна, где плавится и умирает волшебство.

Но сегодня Исту было не суждено попасть ни в гончарную, ни в кузнечную слободу. Легкая ладонь коснулась его плеча, и женский голос произнес:

— Не может ли благородный юноша задержаться всего на одну минуту?

Женщина, сумевшая остановить его, была укутана широким омофором, так что одни глаза блестели под надвинутой на лоб материей. Мыслей незнакомки было не прочитать, словно они скрылись за толстыми стенами богатого дома. Но главное Ист понял: его собеседнице не было совершенно никакого дела до висящего на поясе кошелька, и значит, речь пойдет не о деньгах, а о деле, и в чем бы это дело ни заключалось, женщину стоит выслушать.

* * *

— Взгляни на этого юношу, Линта.

— На которого?

— По-моему, там есть лишь один юноша, на которого стоит смотреть.

— Вы имеете в виду юного щеголя с фальшивым кошельком? Бьюсь об заклад, что червонцы в его мошне чеканены жестянщиком. Думаю, что у него вообще ничего нет, кроме плаща и камзола. Парень гол, как храмовая крыса, у него нечем поживиться.

— Ты полагаешь, он гол? Кажется, на этот раз ты права больше чем думаешь. Линта, мне нужен этот мальчик. Приведи его сюда.

— Слушаюсь, госпожа.
— И еще. Подай мне монашеское платье.
— Монашеское? Может быть, лучше...
— Нет, не может. Я знаю, что делаю. Потопись, иначе тебе придется бежать за ним через все торговые ряды. Мы не должны его упустить.

* * *

Дубовая в медных заклепках дверь отворилась перед ним и захлопнулась позади. Теперь Ист был отрезан от мира. Хийси не только не сумел бы помочь ему, но и следить за своим учеником уже не мог, разве что в доме окажется открытым окно. Однако все окна были не просто заперты, но и занавешены плотными портьерами, не позволявшими заглянуть внутрь.

Ист прошел за укутанной в омофор фигурой в круглую залу, подчиняясь молчаливому приказу, уселся у стены на обитый малиновым бархатом пуф, приготовился ждать. Пока его ничего не тревожило, было лишь ожидание нового и необычного. Помня о предостережениях учителя, Ист постарался надежней скрыть свои мысли и на всякий случай проверил, в порядке ли его призрачный туалет.

Тонко скрипнула дверь, в залу скользнула женщина. Не та, что остановила его, и вообще непохожая ни на одну из женщин прежде виданных Истом. На даме было черное глухое платье и белый головной платок. Ист уже знал,

что так здесь одеваются монахини, отрекшиеся от света, ушедшие и от людей, и от магов. В то же время ничто в женщине не подсказывало, что она удалилась от мира. И сразу было видно, что вошла не просто дама, а госпожа, привыкшая повелевать и принимать знаки преклонения. Даже супруга кёнига, высокорожденная принцесса, плененная им во время набега на Монстрель, выглядела бы рядом с этой женщиной захудалой выскочкой.

— Простите меня, добрый юноша,— порывисто произнесла незнакомка, быстро подходя к Исту.— Но я знала, вы не откажете в помощи гибнущей женщине...

Мгновенный взгляд из-под повязанного по самые брови платка ожег Иста. Две горячие ладони легли ему на грудь. Ист вздрогнул, старательно напоминая себе, что прекрасная монашка не видит всей двусмысленности ситуации и чувствует под ладонями не обнаженное тело, а скользкий наманский шелк.

— Я вижу, вы благородный человек, дворянин...

— Я...— запнулся Ист.— Я всего лишь школяр, студент из Соломоник.

— Студент...— Она потупилась.— Скоро вы станете магистром, знаменитым чародеем... может быть, вы уже чародей. Конечно, вам нет дела до погибающей затворницы...

— Что вы...— Ист уже ничего не понимал.— Все, что в моих силах...

— Спасибо...— шепот едва коснулся ушей.

— Что я должен сделать для вас?

— Не сейчас. Время еще не пришло. У нас есть полчаса, вы можете пока отдохнуть и, если захотите, выслушать мою историю. Хотите вина или вы из тех людей, что не прикасаются ни к вину, ни к женщинам?

— Нет, почему...— Ист не знал как себя вести.— Но все же лучше воды, особенно если предстоит что-то серьезное.

— Линта! — позвала дама.— Принеси нам вина, ты знаешь какого — старого хиосского. И кувшин воды из моего родника.

Безмолвная Линта принесла кувшин и маленькую запечатанную амфору с вином, поставила на стол два рубиновых бокала и исчезла, притворив дверь.

— Как вас зовут? — пристально вглядываясь в глаза, спросила дама.

— Ист,— честно ответил Ист и впервые почувствовал как в сознании незнакомки мелькнула тень досады. Слишком легко и просто он открыл свое имя.

— Кто вы? — принимая правила игры, спросил Ист.

— Не спрашивайте,— последовал ответ.— Зовите меня просто Роксалана... Это настоящее имя,— добавила она после секундного молчания.

Гранатовое вино медленной струйкой стекало в рубин. Бисеринки пота выступали на ледяном хрустале кувшина. Глаза Роксаланы мер-

цали черным светом. Ист никак не мог избавиться от ощущения, что женщина видит его как он есть на самом деле — обнаженным.

— Значит вы из Соломоник? — спросила она, осветившись мимолетной улыбкой.— Я слышала о вашей достопримечательности. Монастырь девственных блудниц. Признаюсь, я не могу в это поверить. Они действительно девственницы все до одной?

— Не знаю,— ответил Ист.— Я не проверял. Она вновь улыбнулась:

— А вы, мой скромник, умеете отвечать довольно-таки остро...

— Простите.

— Простите и вы мой интерес, но эти... служительницы из храма Нота и Зефира, они ненавидят меня, и мне, конечно, хотелось бы знать о них.

— Я ничем не могу помочь,— признался Ист.— Я ни разу не был на храмовых праздниках. Я вообще не житель Соломоник, я северянин, из Снегарда.

— Сне-егард...— протянула она.— О вас рассказывают легенды. Неукротимые повелители мечей, беспощадные и страшные в бою. Я думала вы варвары в косматых шкурах, а вы вот какой.— Она вновь провела кончиками пальцев по его груди, и словно десяток крошечных молний разбежался по телу от этого прикосновения. Ист вздрогнул так, что этого нельзя было не заметить.

— Подожди,— невесомо произнесла Роксалана.— Я слышу, он уже идет; он скоро будет здесь.

— Кто?

— Не знаю. Дракон. Они посылают дракона, чтобы мучить меня. Я не знаю, кто они, но если можешь — спаси меня. Он будет здесь через пять минут.

— Дракон? Но ведь их не бывает. Должно быть, это морок.

— Морок, от которого обваливаются стены? Морок, который убил моего брата? Хотя, конечно,— он может убить и тебя. Уходи, оставь меня ему. Беги... Линта уже уходит, но она еще здесь, она тебя проводит. Дракон не тронет тебя, когда ты покинешь мой дом.

— Я никуда не уйду,— покачал головой Ист.— Дракон там или нет, но прежде чем он доберется до вас, ему придется встретиться со мной.

— Спасибо...— Мгновенный поцелуй ожег губы Иста.— Идем, я дам тебе оружие.

Ист хотел сказать, что как раз оружие ему и не нужно, но промолчал. В конце концов, он всегда успеет бросить мешающее железо.

Роксалана быстро поднялась, сделав знак следовать за ней. Ист спустился по крутой лестнице в подвал. Стены здесь были увешаны оружием. Груды доспехов были свалены в углах, копья поленицей сложены у стены, шестоперы подпирали их, чтобы копья не раскатились. Оружие было самых разных видов и фасонов:

местное и привезенное из дальних краев, древнее и относительно новое, парадное и простое, больше напоминающее инструмент ремесленника, заслуженное, побитое во многих боях и ни разу не побывавшее в деле. Должно быть, прежний хозяин дома понимал толк в убийствах и собирал эту коллекцию тщательно и любовно, но теперь, когда дом перешел в руки женщины, ненужный металл был стащен сюда и как попало рассован по углам.

Роксалана беспомощно улыбнулась и сделала рукой приглашающий жест:

— Я не знаю, как с этим обращаться, но мне говорили, что здесь есть все, что может понадобиться воину. Я помогу тебе облачиться в доспехи.

— Это как раз и не нужно,— отказался Ист, неодобрительно разглядывая холмы убийственной рухляди.— Если действительно сюда явится нечто вроде дракона, панцирь будет только мешать.

— Как знаешь,— согласилась Роксалана.— Тогда я просто буду молить пресветлую Амриту, чтобы она даровала тебе победу.

Среди ржавеющего хлама Ист выбрал кривой меч темного металла. Должно быть, он ковался очень давно, еще в те времена, когда магия не была вытеснена умением даже в оружейных мастерских. Меч был тяжел и дурно выкован, он не расслаивался на отдельные полосы металла только благодаря могучему жела-

нию мастера изготовить нечто несокрушимое. Таким мечом удобно рубить камень и разваливать костяные пластины на теле фуэтов — неповоротливых огнедышащих монстров, которых во все времена принимали за истинных драконов. Только такой меч и сможет помочь в предстоящей битве.

— Я возьму его.— Ист крутанул мечом над головой. Взыл разрубленный воздух.

— Ты настоящий герой,— в голосе красавицы послышалось восхищение.— Но будь осторожен. Это зачарованный меч. Он покорен только храбрецу, стоит сомнению хоть на миг проникнуть в твою душу, и ты не сможешь удержать его.

— Я из рода повелителей мечей! — без тени сомнения ответил Ист.

Снизу донесся могучий удар, стены дома дрогнули, где-то зазвенело стекло.

— Это он! — Глаза красавицы округлились.— Он уже здесь!

— В подвале? — не поверил Ист.— Откуда дракон в подвале?

— Не знаю, но он пришел за мной! Не пускай его сюда, ради всего святого!

Стена подземелья пошла трещинами, повалились грубо обтесанные камни и в проломе тяжело заворочалась громадная, покрытая свалывшейся шерстью туша.

— Уходи! — крикнул Ист девушке и шагнул навстречу тому, что рвалось сюда из-под зем-

ли, раскачивая и грозя обрушить дом. В следующий миг он узнал незваного гостя и едва не рассмеялся от облегчения и обиды. Какой же это дракон!? Сокрушая каменную кладку, в подземелье лез индрик-зверь, старший брат крота, несокрушимый, как скала, и мирный, словно вечер пятницы.

— Ты куда, дурачок? — закричал Ист зверю. — Тебе тут делать нечего, поворачивай назад! Обрушишь дом, а наверху — солнце. Сам же околеешь. Ну, иди, куда лезешь!

Однако зверь то ли не слышал Иста, то ли не мог понять. Он продолжал рушить стену, а потом из пролома вылетел гибкий волосатый хобот и, обвинив Иста поперек туловища, потащил в пролом. Такое могло быть, если на зверя наложено мощное заклятие, заставляющее его действовать против своей натуры. А еще индрик начинает беситься, если кто-то становится между ним и его самкой.

Исту не было времени раздумывать, что случилось на этот раз. Он чувствовал, как трещат его кости, косо скользнул потолок, камни, о которые сейчас будет раздроблена его голова. И тогда Ист ударил, передав изогнутому мечу всю силу рук, умноженных на полузабытые чары повелителя мечей. Удар, способный расщепить граниты Иттерби, достиг цели; волосатый хобот окрасился кровью, индрик издал тонкий пронзительный звук и отшвырнул Иста. Любой человек был бы размазан по камням этим брос-

ком, но Хийси не напрасно четыре года школил мальчишку — Ист мягко впечатался в камень и через мгновение уже стоял на ногах целый и невредимый.

Индрик, ничуть не укрощенный, втискивался в подвал. Конец пораненного хобота он засунул в пасть и теперь старался выискать достаточно места, чтобы ударить противника загнутыми в дугу изжелта-белыми бивнями. Меч бесполезно валялся в стороне, вороненая сталь расслоилась на десятки изогнутых лепестков, словно карледский ворон распустил свой чудовищный хвост. Меч и сейчас рвался в битву, готов был прыгнуть в руку Исту, но что пользы от этого железного веера? Индрик и не почувствует его прикосновения. Сейчас только солнечный свет может остановить взбесившегося зверя.

— Мамутч! — выкрикнул Ист настоящее, тайное имя противника. — Солнце взошло! Уходи!

Индрик очумело затряс башкой, но продолжал ломить прямо. Его явно гнала сила, превышающая натуру. Ист оказался прижат к стене, он уже ничего не мог сделать, лишь видел налитый кровью глаз и грязно-рыжие космы шерсти.

Оставалось последнее, запретное средство.

— Умри, мамутч, — приказал Ист.

Великан замер, колонны ног подогнулись, индрик тяжело осел на дрогнувшую землю. И возможно именно этого толчка не хватало

дому: каменная кладка расселась, сверху посыпался мусор, а следом ударил тонкий и оттого особенно яркий луч света. Еще не остывшая туша зверя начала рассыпаться на отдельные валуны; мертвый индрик окаменел. Лишь два прижавшие Иста к стене бивня остались прежними: тяжелой желтой от времени кости.

Что за невезение! Ист схватился за голову. Ну что стоило лучу поникнуть в подвал секундой раньше... А теперь подземный великан умер настоящей смертью и никогда не родится вновь. Убитые возвращаются, умершие магической смертью — нет. Отныне и навсегда на Земле станет одним индриком-зверем меньше. А сколько их было всего-то?

Но тут же Ист понял, что у него совершенно нет времени предаваться скорби. Не стоит забывать, что нелепая битва случилась не в известковых кавернах и не в подземных соляных промоинах, где дозволено смело крушить все подряд. Ведь это подвал дома, который теперь может рухнуть в любую секунду, а там наверху ждет странная женщина, пославшая его сюда. И, кстати, если перекрытия обвалятся ему на голову, то ему тоже не выжить. Тут город, а не лес, где все знакомо и привычно. Ист подхватил хитро изломанный меч и поспешил вверх по уцелевшей лестнице.

Удивительным образом наверху разрушений почти не оказалось. Дом, треснувший от крыши до фундамента, стоял как ни в чем не быва-

ло, даже рубиновые бокалы не расплескали свое благоуханное содержимое. Роксалана замерла в дверях, вцепившись заледенелыми пальцами в косяк. Монашеский плат сполз на плечи, черные пряди волос рассыпались по белой ткани.

— Ты жив!..— выдохнула она.— Ты его прогнал... Ведь он не вернется?

— Он не вернется,— успокоил Ист, бросив в угол задремавший веер.— Я его убил.

— Ты... ты — герой! — Казалось, Роксалана ничего не говорит, а просто от нее струится волна благодарности и нежного обожания. И сбитый этой волной Ист не смог выговорить слова правды, рассказать, что не было никакого дракона, а была лишь чья-то злобная шутка или месть, и в результате ему пришлось погубить редкого и совершенно безобидного зверя.

Ист подошел ближе, пытаясь успокоить женщину, осторожно провел ладонью по вздрогнувшей волне волос. Роксалана обхватила его руками, увлекая, отступила в комнату. С неожиданным смятением и радостью вспомнил Ист о призрачной несущественности своего наряда. Черное монашеское платье, белый омофор упали на пол, больше уже ничего не скрывая.

* * *

«Спи, мальчик, спи крепко и безмятежно. Спи, а мне надо подумать. Всеблагая Амрита, кого же это занесло в мои сети? Ведь этот мальчик действительно убил индрика за мгновение

до того, как я раздвинула стены. И, главное, как он это сделал? Сам Дундар Несокрушимый не смог бы забить обезумевшего индрика голыми руками.

Неужели кто-то из бессмертных решил пошутить надо мной? Но нет, есть вещи, которые не под силу даже богу. Например, стать мальчиком, впервые познающим женщину. Сколько же тебе лет? Шестнадцать? Вряд ли больше... Но тогда ты самая большая удача, которая может выпасть в этой жизни, и я не зря протянула руку к покрывалу, которое когда-нибудь станет моим саваном.

Спи спокойно, мальчик, тебе ничто здесь не грозит. Безумно и расточительно было бы погубить тебя. Мы с тобой еще зададим немало работы летописцам, и, кто знает, сияющая Амрита, кем в итоге станет твоя покорная служанка.

Но как все-таки хорош этот мальчик! Как он был уверен, наивный, что его милое колдовство не позволит мне увидеть его таким, какой он есть. Как он бледнел и вздрагивал от моих прикосновений: только ради этого стоило надеть платок.

Спи. Завтра ты уйдешь отсюда ничего не потеряв, уйдешь во всем блеске твоей юности и неведомой мне магии. Но ты вернешься, потому что прикован ко мне крепчайшей из цепей. Неужели я отпускаю тебя только потому, что живой и целый ты стоишь дороже? Дерево проклятия, помоги и просвети...»

* * *

Ист проснулся необычно поздно, когда на улице уже давно кричал, зазывал и торговался день. Комната была пуста, исчезло и большинство богатого убранства. Это казалось невозможным. Ист справедливо гордился чутким сном: в лесу среди ночи он слышал плавный полет неясности, а осенью — падение желтых березовых листьев. Здесь же он проспал, когда из комнаты чуть ли не мебель выносили. И главное — в такую ночь... Как он вообще посмел и умудрился уснуть!

Ист поспешно вскочил, торопливо представил на себе свой мифический наряд, вышел из комнаты. В большом зале царило то же запустение: голые стены, голые столы. Исчез даже ковер, на котором прежде стояла мебель, и выметенный полынью пол казался лысым.

Линта в прежнем монашеском одеянии сидела у стены и мелкими стежками вышивала на пяльцах бесконечно повторяющийся узор.

— Что случилось?.. Где Роксалана? — бросился к ней Ист.

Линта подняла постный взор и ответила, не разжимая бескровных губ:

— Госпожи нет. Ей пришлось уехать. Она просила позаботиться о вас, если это потребуется. И еще госпожа велела передать, что будет помнить вас вечно, и как бы ей ни пришлось расплачиваться за вчерашний день, она никогда не пожалеет, что встретила вас.— Линта вновь склонилась над вышиванием.

— Ее увезли? Кто?! Где ее искать?

— Не знаю,— Линта подняла прозрачные, как лягушачья икра, глаза.— Я всего лишь приживалка. Мне ничего не известно. У госпожи было немало врагов и еще больше завистников. Так всегда бывает, ежели красивая и богатая женщина вздумает жить своей волей, не имея могучего покровителя. Могло случиться все что угодно. Так что, успокойтесь, юноша, и идите завтракать.

— Да провались ты со своим завтраком! — заорал Ист.— Ты же была рядом, когда Роксана исчезла. Вот и рассказывай, что здесь произошло!

— Рано утром,— монотонно начала Линта,— когда госпожа только поднялась, а вы еще изволили почивать, у дверей появился некий человек. Я его прежде никогда не видела, но госпожа сразу признала его. Госпожа не хотела пускать его в дом, но человек шепнул что-то, и госпожа уже не смела возражать. Она лишь ответила, что сделает все сама, а человек, она называла его Протт, пусть ждет на улице. Этот Протт оказался мне настоящим мужланом, хотя был богато одет. Он расхохотался и заявил: «Угодно работать — работай. Я зайду через четверть часа». Госпожа собралась, и когда этот тип явился вновь, она ушла с ним, хотя, видят боги, больше всего на свете ей хотелось бы остаться с вами.

— Почему она не разбудила меня? — помертвелыми губами произнес Ист.— И как случилось, что я ничего не слышал?

— Не задавайте пустых вопросов, молодой человек. Вчера вы спасли жизнь моей госпоже, сегодня она спасла вашу.

— Хорошо...— Ист оставил в покое приживалку, и она немедленно вернулась к шитью.— Я найду Роксалану сам. А заодно отыщу Протта и тех, кто его послал. Пусть они заранее готовятся к нашей встрече.

Ист обвел взглядом зал, удивляющий правильной нежилой чистотой и порядком. Лишь около дверей нелепым жестяным веником топорщится испорченный меч. Вряд ли его забыли случайно. Может быть — знак или талисман? Правда, учитель велел не верить талисманам, но этот случай совсем особый.

Ист поднял меч и ощутил тепло, идущее от покалеченного оружия.

— Я ухожу,— произнес Ист от двери.

— Как будет угодно господину. Но может быть, все-таки сначала завтрак?

Глава третья

СВЯТЫНЯ ДВЕНАДЦАТИ ДРУЖИН

ержа меч перед собой, словно букет опасных цветов, Ист пробирался городскими улицами. Даже здесь он издали чуял запах горячего угля и окалины, но прошел уже чуть не полгорода, а ни одной кузницы на его пути не встретилось. Лишь потом он понял свою ошибку: на самом деле огненные мастерские стояли далеко за стенами возле реки, а запах казался столь силен просто потому, что здесь была не одна кузня, а целая слобода. Если род дер Настов отнес огненное производство подальше от замка, опасаясь за чистоту магии, то в городе просто-напросто боялись пожара.

Ист беспрепятственно выбрался за ворота. Правда, для этого пришлось отвести глаза страже; воины могли заинтересоваться необычной

ношей путника, но с такой простой задачей Ист справился даже здесь.

Среди мастерских Ист выбрал самую захудалую: навес, с трех сторон прикрытый обмазанными глиной стенами, а спереди открытый на всеобщее обозрение. Позади кузницы скрывалась хибарка, где, вероятно, и жил мастер.

Ист подошел и, протянув искалеченный меч, произнес:

— Мне надо поправить эту вещь.

Кузнец провел заскорузлым пальцем по изогнутому металлу, присвистнул.

— Кто же это его так?

— Сам,— коротко ответил Ист.

— Клинок, если его перекалить, может обломиться при ударе, а если закалка слаба, то при хорошем противнике меч может быть перерублен. А вот чем можно сделать такое? Это не крица, с которой при проковке отслаиваются пластины.

— Я в этом не понимаю, добрый человек. Я всего лишь хотел починить этот меч.

Мастер покачал головой.

— За такую работу я не возьмусь. И никто не возьмется. Сам посуди, как можно сварить такие тонкие полоски?

— Я хотел бы попытаться сделать это сам.

Кузнец оглядел невысокую фигурку Иста, его неподходящий к работе наряд, задержался взглядом на чистых руках. Потом пожал бугристыми плечами:

— Что ж, баринок, попробуй. Любопытно будет поглядеть.

Ист сунул железный веер в горн, нажал ногой на мех, как только что подсмотрел в соседней кузнице. Сквозь гудение огня он чувствовал, как накаляется древний металл и знал, что остатки чужого волшебства подскажут ему, когда меч надо будет вытящить на наковальню.

Кузнец исчез в доме, но вскоре появился вместе с древним стариком, должно быть, собственным отцом. Молотобоец — молодой румяный парень — стоял прислонившись к стене и явно не собирался помогать.

Ист выхватил меч из огня, кинул на наковальню. Светящиеся лепестки диковинного цветка торчали во все стороны. Ласкающим движением молота Ист заставил полосы сойтись вместе, а потом резко ударил. Кузнец презрительно оттопырил губу, а вот в глазах молотобойца мелькнуло удивление. Он-то знал, сколько весит его молот, и каково это — орудовать им одной рукой.

Ист размеренно бил по светящейся полосе. Как и древнего умельца его меньше всего занимало, то ли он делает и можно ли вытворять с железом такое. Он ковал оружие, которым будет карать врага, посмевшегося украсть у него Роксалану. Сыпались искры, размеренно громыхал молот, и под его беспорядочными ударами мечу возвращалась изначальная фор-

ма: хищно изогнутая, мечтающая погрузиться в человеческую плоть и отведать живой крови.

Уловив момент, который подсказал сам меч, Ист бросил молот и погрузил завизжавшее лезвие в бочку с уксусом. Взметнулся кислый пар. Ист перехватил меч за еще горячую рукоять, взмахнул им в воздухе, примеряясь к руке. Меч был хорош. С таким не страшно выходить хоть против самого дер Наста.

Оглянувшись, Ист натолкнулся на дикий взгляд кузнеца. Стоящий рядом старик дрожащей рукой отгонял злые чары. В следующее мгновение кузнец с голыми руками кинулся на Иста.

Когда-то Хийси ради забавы и выучки заставлял подрастающего Иста схватываться в рукопашную с парой медведей. Правда, сейчас правая рука оказалась занята, в ней был меч, но Ист обошелся и так. Крутанув, отправил кузнеца в угол, а следом швырнул насевшего сзади молотобойца.

— Вы что, мужики, сдурели?

— Твоя взяла, паскуда! — просипел кузнец ушибленным горлом. — Чего стал? Зови своих подручных.

— Дедушка, — повернулся Ист к старику. — Хоть ты-то объясни, что они взбеленились?

Старик молча приблизился, топорща седые брови, взглянул в лицо Исту.

— Ты что же, действительно не знаешь, что у тебя в руках?

— Нет, откуда знать, мне он недавно достался.

— Так не стой с ним на виду,— прошамкал старик.— Пройдет мимо кто из служителей — и тебе конец, и нам заодно.

— Каких служителей, отец, объясни толком?

— Да ты что, вчера из леса вышел? — пророчески хохотнул молотобоец, потирая ушибленное плечо.

— Хочешь говорить — пошли в дом,— предложил старик и, не ожидая согласия, направился к дверям.

История, услышанная Истом, немногим отличалась от тех сказок, что вечерами рассказывали на кухнях всего мира. Хотя одно отличие все же было: достаточно выйти на улицу и повернуть лицо к восходу, как увидишь червонные купола храма Гунгурда — бога-воителя, водившего в бой двенадцать дружин и сражавшегося враз двенадцатью мечами.

Двенадцать черненых мечей хранились на алтаре из лилового чаронита в глубине храма. Двенадцать жрецов охраняли их день и ночь, не подпуская близко непосвященных. Так повелось издревна, и ничто не могло изменить раз установленный порядок. И все же порядок был нарушен. Явившись утром, верховный жрец нашел храм без охраны, а на алтаре недоставало одного меча. Схваченные служители повинились перед смертью, что были соращены женщиной небывалой красоты, и каждый из них покинул в эту ночь храм, ожи-

дая встречи с искусительницей и понадеявшись на остальных.

Однако, вместо сладостного свидания, все они пробуждали ночь под дождем, а утром были схвачены и приведены к ответу. Отступников казнили и с тех пор охрана святилища была поручена жрецам, не способным откликнуться на женские призывы. Алтарь Гунгурда охраняли воины, оскропленные особо изуверским способом: они сохраняли свою мужскую природу и даже могли бы иметь детей, если бы нож хирурга не запретил им навеки плотское соитие.

Город и вся страна искали дерзкую похитительницу, немало красоток нашли свой конец в подвалах храма, но меч так и не отыскался, на алтаре осталось лишь одиннадцать клинков, помнивших руку бога.

И вот теперь трое рассказчиков дружно утверждали, что в руках Иста находится пропавшая святыня либо же один из оставшихся в храме мечей. Этому Ист легко поверил, поскольку чувствовал небывалую магию меча. Смутило его другое. Таинственная женщина, совратившая разом двенадцать адептов бога-воителя. Это не могла быть Роксалана! Она не способна на такое. И, кроме того, в таком случае меч, добытый столь скверными трудами, не валялся бы в подвале среди всякого хлама. Все это Ист, горячася и перебивая сам себя, высказал вслух, впрочем, благоразумно не называя

имен. Ответом ему были недоуменные взгляды и смешок молотобойца.

— Никто и не говорит, что это совершила твоя девушка,— пояснил кузнец.— Та история давняя, ей уже чуть не пятьсот лет. Столько не живут даже сильные маги, во всяком случае, если на них нет особого проклятия или благословения богов. Я говорю другое: меч был потерян, а теперь он нашелся. И это не принесет радости никому, кроме жрецов.

— Я не собираюсь отдавать его жрецам,— заявил Ист.— Я нашел его, починил и оставляю себе.

В глазах кузнеца полыхнул ужас страшной догадки, и молчавший старик очевидно подумал о том же самом, потому что спросил перехваченным голосом:

— Кто ты?

— Я простой человек.

— Простому человеку не под силу держать этот меч и тем более починить его. Если ты рассказал правду, то уходи как можно скорее. Беги из города и страны и никому не показывай меча. Слуги и глаза Гунгурда могут оказаться где угодно. А если ты сам Гунгурд, то...— Старик безнадежно махнул рукой и опустил голову.

— Мы люди мастеровые, проклятые всеми богами,— ни к кому не обращаясь, произнес кузнец,— и нам не за что любить богов.

— Я уйду,— пообещал Ист.— Уйду из города и страны. Но сначала мне надо найти человека по имени Протт.

— Его найти не трудно. Первосвященный Протт ежевечерне служит в храме.

— Когда тебя начнут пытать,— попросил старик,— не говори, что был у нас, и вообще, не рассказывай, что меч был сломан. Так тебе же легче будет умирать.

* * *

— Где он?

— Не знаю, госпожа. Он убежал так быстро, что я просто не сумела понять, куда он делся.

— Линта, я оставила тебя специально, чтобы ты проследила за ним. И ты с этим не справилась.

— Я сделала все, как было нужно. Но он исчез, и я не смогла его найти. Если бы в его кошельке было хотя бы полдинара, я бы сумела его выследить. Запах денег не отбить ничем. Но, госпожа, как искать нищего?..

— Дура! Этот ребенок стоит больше чем весь твой любезный Норгай! Ты упоминала при нем имя Протта?

— Как вы велели...

— Да, конечно, велела. Но я же не думала, что он останется без присмотра. Воевать с храмом в открытую — дело безнадежное; это тебе не индрик. Ты хоть понимаешь, что будет, если Ист столкнется с верховным жрецом раньше, чем мы отыщем его? Понимаешь, что будет с тобой?

— Я ни в чем не виновата!..

— Это ты будешь рассказывать жрецам. А сейчас беги к храму. Стой там, ходи дозором, если угодно — поселись на ступенях, но перехвати его. От этого зависит слишком многое.

— Поздно, госпожа. Я чую запах дыма. В храме пожар.

* * *

Вот и нашелся Протт — богатый человек с ухватками мужлана. Человек, способный приказывать именем неведомого владыки, перед которым склонила голову гордая Роксалана. И, кто знает, не из храма ли тянется злое чародейство, замутившее голову индрику и пославшее его на смерть.

В любом случае, так просто первосвященный Протт не погибнет. Прежде надо будет как следует порасспросить его. Вряд ли все делалось ради меча, бездельно валявшегося в подвале. Если бы Протт знал, где находится святыня, он бы просто явился и забрал ее. Значит, тут что-то другое. Не стоит сейчас ломать голову над этой загадкой. Скоро жрец Гунгурда сам расскажет обо всем.

Ист с мечом в руках приближался к темной громаде храма. Все свои силы он направлял на то, чтобы сохранить невидимым меч. Сейчас ему не нужна бессмысленная бойня, необходимо всего лишь поглядеть вблизи на ненавистного Протта и попытаться разузнать,

куда он мог скрыть Роксалану. Вряд ли она в темнице, ведь она уходила сама, пусть и против воли, но не под конвоем. Значит, надо искать встречи с Проттом с глазу на глаз, а там Ист сумеет развязать ему язык. Простодушный лес, у которого учился Ист, порой умудряется в своей простоте изобретать весьма вычурные мучения...

Но все тщательно созидаемые планы рассыпались песком, едва Ист ступил под своды храма. Даже если бы здесь не было природных магов, которых нередко привлекает жреческая стезя, то все равно само священное место признало бы святыню, отнятую у него столько лет назад.

Металлический гул наполнил воздух, словно великан ударил стопудовым молотом в необъятный бронзовый гонг. Меч, мгновенно потерявший невидимость, засветился, и во тьме храма косыми росчерками полыхнули одиннадцать оставшихся клинков Гунгурда. Только у храмовых клинков свечение казалось голубым, а меч в руках Иста разбрасывал жемчужный свет, яркий как переливы февральского снега.

Пятьсот лет клинки Гунгурда были мертвы, но теперь, сойдясь вместе, они вновь обрели былую силу. Пятьсот лет никто не слышал удара незримого гонга, и звук этот, казалось, способен был поднять из могил мертвых служителей.

Навстречу Исту выбежало множество народу. Здесь были купцы и воины, рабы и воль-

ные люди. Но больше всего, конечно, было жрецов, и все до одного, как и положено слугам бога-воителя, при оружии. Впереди всех торопился невысокий плотный человек, которого Ист признал, хотя не видел никогда в жизни, а до сегодняшнего дня и имени его не слышал. И все же Ист сразу понял, что перед ним первосвященный Протт, маг и верховный жрец, земной предстатель бога Гунгурда.

Теперь оставалось только драться.

* * *

Первосвященный Протт недаром уже восемьдесят лет был верховным жрецом. Другие могли быть растеряны или испуганы, Протт сохранял спокойствие. Кто-то мог не понять, что произошло, Протт понял все сразу. Иные, даже из числа магов, готовы были поверить, что неведомый герой возвращает храму утерянное сокровище, а может быть и сам Гунгурд решил посетить свое капище. Протт сходу признал в пришельце врага и ударил первым.

Витой жезл в руках колдуна изогнулся, словно живой и, резко выпрямившись, ударил пришельца. Вернее, должен был ударить, потому что в то самое мгновение, когда бронзовый наконечник коснулся груди, Ист ушел в сторону, и оружие пронзило пустоту.

В свою очередь Ист обрушил рубящий удар на жезл, стараясь обезоружить врага. Удар был не особенно сильный, Ист слишком хорошо по-

мнил, что случилось с клинком в прошлый раз, к тому же он надеялся, что вязкой бронзе хватит и такого, скользящего удара. Однако жезл не был перерублен. Он изогнулся, обвинившись вокруг клинка, и дернул, стараясь вырвать его. Тут уже пришлось призывать на помощь наследственную магию, иначе меч не удалось бы освободить.

Двенадцать стражей храма, чья мужская сила могла найти выход только в бою, были уже рядом. Железные орудия в их руках — полукопья, полубагры обещали святотатцу тяжкую смерть. Верховный жрец проворно отскочил за спины слуг и, указывая на Иста, закричал что-то на древнем, непонятном непосвященным языке.

Двенадцать цельнокованых багров, двенадцать пар мускулистых рук, двенадцать сердец, горящих жаждой убийства. А против — один меч, признавший нового повелителя.

Человеку не дано видеть, как сражается повелитель мечей. Кто-то из стражей ударил мимо, кто-то выронил оружие, пытаясь сгрести выпадающие наружу разрубленные кишки, кто-то просто еще не успел ничего сделать, а Ист уже прорвал кольцо, и вновь живой посох схлестнулся со священным клинком. Вновь победа не досталась никому, а отовсюду уже набегали новые противники с баграми, секирами и тонкими стальными сетками.

Ист видел, что через секунду его снова отсекут от первосвященника, и тогда тот сумеет

уйти в одну из дверей, где в лабиринте ходов его не сумеет найти сам Гунгурд. И вместо того, чтобы освободить схваченный меч, Ист ткнул им вперед, не заботясь о себе и стремясь лишь пронзить врага. Меч пробил жреца насквозь, словно вертел куропатку. Посох со свистом разогнулся, швырнув Иста под ноги набегавшим воинам, и застыл, вновь обратившись в безжизненную палку.

Краем глаза Ист увидел, как слуги увлакивают залитого кровью Протта в боковой притвор, а затем уже не оставалось времени ни на что. Надо было рубить падающие сверху сети и стальные цепочки, отводить удары багров и уклоняться от стрел и дротиков. Медные ворота храма со скрипом закрывались, отрезая путь к отступлению.

* * *

Слуги принесли верховного жреца в адитум к малому внутреннему алтарю, уложили на столе, на котором обычно раскладывали самые богатые дары. Протт тяжело дышал, на губах пенилась кровь. Другой человек на его месте давно бы умер, но старый маг не желал умирать неотомщенным. Его не огорчало даже, что скоро его место займет другой жрец. скорей всего богохранимый Кайрус. Главное было покарать осквернителя и отомстить за себя.

— Позовите Кайруса! — прохрипел Протт.

— Я здесь,— немедленно откликнулся жрец.

— Готовь заклание медленных слез.

— Но для этого нужны пустые подвалы...—
опешил Кайрус.

— Освободи их.

— Но ведь там узники: враги храма, свято-
татцы...

— Гони власящей. Уцелеет храм — наберешь
новых.

— Великий, осмелюсь заметить, что хотя пре-
ступник сумел ранить вас, но мощь храма ему
не сломить. Сейчас принесут отравленные
иглы...

— Ты глуп, Кайрус. Неужели ты не видишь,
что меч Гунгурда признал мальчишку? Ты хо-
чешь, чтобы мечи покинули нас или погасли
навсегда? Готовь заклание. Я должен наложить
его сам.

— Слушаюсь, великий.

Мгновенно возле поверженного жреца появи-
лись несколько служек. Обострившийся слух
Протта донес скрип тяжелых дверей: стража
гнала из подземелий заключенных. Веками там,
в тюремных камерах, копилось безысходное
одинокчество, капали медленные слезы остано-
вившегося времени. Оттуда еще ни разу никто
не выходил на волю, и никто не умирал ско-
рой насильственной смертью. Там убивало толь-
ко время. И вот теперь этот накопившийся ужас
должен был выплеснуться наружу.

Одновременно Протт слышал иной, куда бо-
лее явственный шум. В алтаре продолжалась

битва. Могучий безумец, неведомо зачем ворвавшийся в святилище, крушил храм. Звенело железо, слышались крики и хрип умирающих, несло масляной гарью — очевидно, разбитые светильники подожгли покровы алтаря и драпировку стен.

В темнице глухо лязгнул последний засов.

— Начинайте! — скомандовал Протт.

— Скорбь моя велика!.. — затянули служки.

— Плачьте!.. — мрачно откликнулись жрецы.

Протт приподнялся, встал, облокотившись на алтарь. Он знал, что сил его достанет на долгое заклинание, и надеялся, что потом он успеет взглянуть на свое последнее волшебство.

— От горя застыло время!..

— Плачьте!..

В голове у Протта мутилось, в глазах копилась мгла, жизнь покидала его капля за каплей, но в нужную минуту верховный жрец вскинул руки и выплюнул вместе с кровью:

— Пусть будет так! — И лишь потом обмяк, подхваченный услужливыми руками.

Запоздало вбежал призванный кем-то лекарь, но Протт отстранил его движением пальцев.

— Несите в храм. Я должен видеть.

Центральный алтарь был разгромлен до основания, но тысячелетние стены и камень Гунгурда выдержали, а все остальное можно будет поправить. Главное, что священные мечи вновь светились негасимым пламенем. Одиннадцать мечей были разбросаны где попало, уцелевшие

жрецы еще не успели собрать их. Двенадцатый меч оставался в руке святотатца. Ист недвижно застыл чуть в стороне от алтаря. Казалось, он бежит, занося руку для удара, и ничто не может остановить его движение. Но вокруг фигуры хрустальными гранями вздыбилось замершее время, и боец остался вплавленным в него, словно стремительная стрекоза в гуще янтаря.

Ист был жив, он бежал как и прежде, но его движение неимоверно замедлилось. Лишь столетия спустя хронографы отметят, что поза пленника изменилась. А чтобы выйти за пределы кристалла, неостанет самой вечности. Одна мысль оставалась прежней, и каждая минута заточения в застывшем времени оставалась бесконечной минутой полной тоски, мучений и бессилия.

Протт довольно улыбнулся. Преступник наказан, святыня, столь долго считавшаяся утерянной, возвращена. Не страшно, что она осталась в руке негодяя, но она здесь, и остальные мечи горят. А что возле алтаря появилась эта живая статуя, так в том беды нет. Лишняя диковина никогда не бывает лишней, а рассказ о небывалой битве скоро обрастет многими подробностями, и следы этого предания не потускнеют в веках. Последним усилием Протт приподнялся, взглянул в лицо Исту:

— Не знаю, кто ты, зачем явился сюда и что было тебе нужно, но все, что бывает, свершается к вящей славе храма.

* * *

Владыка твердостенного Снегарда, повелитель мечей, кёниг Фирн дер Наст по прозвищу Глубокая Шапка сидел в своих покоях и скучающим взором глядел в проем распахнутого окна. Близилась осень, за окном наводил уныние дождь. И тем неожиданней было появление большой, по-весеннему праздничной бабочки. Она впорхнула в комнату и замерла на стене, подрагивая лазурными крылышками.

Дер Наст привык не обращать внимание даже на людей, не говоря уж о насекомых, но сейчас нельзя было не понять, что таких летуний в его краях не встречается. Но все же маг продолжал сидеть и ждать, ничем не выдав, что готов к отпору.

Раздался негромкий смех, и у стены, где только что трепетала бабочка, появилась женщина.

— Здравствуй, Фирни,— произнесла она, радостно улыбаясь.

— Зачем пришла? — спросил кёниг.

— Ах, Фирни, ты остался таким же грубияном, как и был. Увы, грубость — оборотная сторона мужественности, а ведь именно за мужественность я когда-то полюбила тебя.

— Ну так и зачем ты явилась? — повторил вопрос кёниг.

— Фирни, мне нужна твоя помощь.

— Это я догадался.

— Надо освободить одного человека.

На этот раз повелитель мечей не произнес ни слова, лишь брови его удивленно вздернулись вверх.

— Не ревнуй, он еще ребенок, мальчик.

— Мне известны твои вкусы. Однако ближе к делу. Кто перебежал тебе дорогу, и что я получу за свою помощь?

— Мальчика схватили служители храма Гунгурда. Ты бывал в Норгае и знаешь, что это значит.

Дер Наст присвистнул.

— И что же ты хочешь от меня?

— Храм сейчас незащищен.— Женщина наклонилась вперед.— Они истратили заклятие медленного времени, оно начнет набирать силу, может быть, лет через десять. Верховный жрец убит, и серьезных магов у них не осталось.

— Любопытный, однако, мальчуган тебе достался...

— Ну что ты, у меня не было никого лучше тебя, Фирни.

— Это я уже слышал. А что ты предложишь за помощь? Себя можешь не упоминать.

— Я отдам тебе Норгай. В нужную минуту ворота будут открыты. Можешь грабить весь город и даже мой дом. Все равно там ничего не будет.

— Ворота будут открыты... А за воротами — засада?

— Не городи ерунды, Фирни. Мне надо, чтобы ты целым дошел к храму.

— Я подумаю, Роксалана. Твое предложение... оно немного неожиданно. Не думал, что после того, что было, ты явишься за помощью ко мне.

— Кого же мне еще просить, Фирни? Кроме тебя, у меня нет никого. Кстати, этот мальчик, он твой земляк. У тебя случайно нет сына? Он обмолвился, что происходит из рода повелителей мечей. И в это нетрудно поверить. Только ты мог бы рубиться лучше.

Дер Наст медленно провел рукой по плотной кожаной шапке, которую не снимал никогда, за что и получил свое прозвище.

— У меня нет сына. А что касается остального, то мне понадобится шесть или семь недель, чтобы собраться и привести ялы в Норгай. Придется поторопиться, мне бы не хотелось зимовать в южных морях.

— Я буду ждать...— упал невесомый шепот.

Дер Наст усмехнулся.

— Не трать силу понапрасну. Второй раз я на твою приманку не клюну. Но зла я на тебя тоже не держу. Каждый из нас получил, что хотел. Ты сумела получить больше, но причин для кровной обиды у меня нет. Я приплыву и погляжу, что за земляк объявился у меня в храме Гунгурда.

* * *

Норгай горел.

Никто из жителей и даже властей города не мог понять, как случилось, что на улицах по-

явились враги. С вечера, как обычно, шумел базар, народ занимался обыденными делами, стража лениво обходила ряды, и лишь моряки в порту шептались, будто кто-то видел ялы северян не так далеко отсюда. Но кто станет слушать бредни подвыпивших мореходов? Пускай даже действительно пираты мерзлых морей появились в округе, это же не значит, что они осмелятся подойти к самому Норгаю. Тысячу лет город стоял неприступно, охраняемый каменными стенами, неустрашимым войском и великим богом Гунгурдом. Пираты окружат у горизонта и бегут, заведя вышедшие навстречу галеры. Ну, может быть, успеют разбить пару тихоходных купеческих кораблей. И, разумеется, ближние деревни должны опасаться гостей с севера. Остальным угрозы нет: что может сделать дюжина ялов с многотысячным городом? Тем более самоубийственно нападать на храм — маги Гунгурда знамениты изощренным искусством боя.

Обыватели отсплетничали свое в вечерний час перед отходом ко сну, а когда проснулись — город пылал с четырех концов.

Противник высадился прямо на причалы; не помогли ни башни с катапультами, ни цепи, которыми на ночь запиралась бухта, ни даже внутренняя стена, которой город оттораживался от беспокойного порта, где драки запросто могли перерасти в бунт. Что случилось на причалах, почему молчали башни, кто открыл во-

рота — неведомо, и спросить не с кого — мертвые признаваться не любят.

Потом болтали о великом предательстве: будто бы ночной страже в жвачку с красавкой, что жуют в ночной час, дабы не потерять бдительности, было слишком переложено белены, а всем остальным вместо вечерней трубки гашиша выдали такое, что и вовсе никто не выбрался из подожженной кордегардии навстречу врагу. В домах вельмож, конечно, была собственная охрана, но противостоять ворвавшимся головорезам она не могла, и к полудню бой на улицах превратился в грабеж. Вчерашние богачи, подгоняемые пинками и страхом, сами потащили сокровища на красногрудые корабли, украшенные звериными мордами и бородами ликами полуночных богов.

Дер Наст шагал по улицам поверженного города. Грудь его вздымалась, вдыхая сладкий дым пожара. Меч в руке повелителя потускнел, упившись кровью, но кёниг все не мог успокоиться и искал, где еще продолжается отчаянное и бессмысленное сопротивление.

— Обожди, сияющий кёниг! — раздался дребезжащий старческий голосок.

От стены отлепилась согнутая фигура и заступила дорогу спешащему воителю. Старушонка с мелкими, невыразительными чертами лица, бедно и блекло одетая — такие никогда не привлекают ничьего внимания. И все же дер Наст послушно остановился.

— Я сдержала свое слово,— проскрипела старуха.— Ты доволен?

— Пожалуй...— небрежно ответил дер Наст.— А это что,— он повел мизинцем,— твой настоящий облик?

— Нет, конечно,— усмехнулась старуха.— Неужто три десятка лет, что мы не виделись, могут так состарить меня? Это чтобы не искушать зря твоих воинов. Сегодня всего спокойнее ходить в таком виде. А вот ты, Фирни, изменился. Ты стал настоящим мужчиной, сейчас я бы не осмелилась шутить с тобой.

— Хвала богам,— отозвался дер Наст.

— Фирни,— напомнила старуха, ты обещал помочь мне.— Храм беззащитен, храмовая дружина у стен. Они устроили засаду и ждут случая, чтобы ворваться в город. Если открыть ворота, они втянутся в бой, и храм можно будет взять голыми руками. У меня есть свой ход за стены.

— С чего ты взяла, будто я собираюсь связываться с храмом? Южные боги мстительны, а добычи мы взяли столько, что не уволочь.— Дер Наст глянул в лицо собеседницы и захохотал: — Ишь как тебя перекорежило!.. Ладно, Роксалана, я пошутил. Пощупаем наследство старика Протта! Только уж извини, через подкуп я не попопзу.

Дер Наст протрубил в рог, отдал несколько приказаний подбежавшим воинам и, не оглядываясь на Роксалану, двинулся к воротам. Колдунья засемила следом.

Перепополосанные сталью ворота распахнулись, небольшой отряд северян двинулся было в сторону недалекого храма, но тут же из-за разбросанных вдоль дороги камней, из прозрачных колючих кустов, чуть не прямо из воздуха возникли толпы вооруженных служителей гневного Гунгурда. Чернокожие невольники со стальными баграми, храмовая стража с копьями, украшенными пышными бунчуками, послушники с черненными клинками — копиями двенадцати священных мечей. В центре плотной группой двигались одиннадцать жрецов, в руках которых светились волшебные мечи. Лишь один меч остался в храме, поскольку был зажат в руке плененного Иста. Впереди всех скользящим боевым шагом, напоминающим танец змеи, шел верховный жрец с резным посохом в руках.

Предупрежденные заранее северяне ждали нападения, но все же попятиться при виде возникшего из ниоткуда войска. Посох в руке первосвященного Кайруса резко распрямился и, невиданно удлинившись, ударил в грудь одного из дружинников дер Наста. Воин отлетел в сторону, на его губах выступила кровь, грудь была вдавлена внутрь будто не тонкий посох коснулся ее, а трехпудовый валун, сорвавшийся с вершины Растекайсе.

— Это преемник Протта? — гроыхнул дер Наст.— Да его магии не хватит, чтобы ушибить малиновку! Покойник убивал посохом по семи

богатырей за удар, а этот рукосуй и держать его не умеет!

Голос кёнига именно громыхнул: вся тирада заняла меньше времени, чем потребно человеку, чтобы воскликнуть «Ох!». И все же воины с обеих сторон разобрали каждое слово. Искусство напыщенной похвальбы в самые неподходящие мгновения боя с давних времен отличало снегардских кёнигов.

— Эй, недомерок, теперь бью я! Лови!

Верховный жрец не успел ни вскинуть посох, ни хотя бы повернуться на голос. Кинжал повелителя мечей опрокинул первосвященника, бесславно завершив его недолгое правление. Оба войска замерли, словно не веря случившемуся.

— А вот с этими придется порубиться как следует! — Голос дер Наста как всегда был слышен всем. — Сами они — пустышки, но за них дерутся мечи. Что ж, покажем мечам, кто их повелитель!

— Фирни, у нас дела, — этого голоса не слышал никто, кроме дер Наста.

Напоминание остудило задор кёнига.

— Отходим! — безо всякого перехода скомандовал он. — Закрепиться в домах и медленно отходить к ялам. Старайтесь разъединить меченосцев. Пока они вместе, к ним подступа нет. Я скоро буду.

Вышколенные дружинники без тени замешательства начали отход. Подозвав семерку луч-

ших воинов, дер Наст поспешил вслед за Роксаланой к обещанному подкопу, которым еще минутоу назад он не желал пользоваться.

Круглый туннель, пробуравленный индриком, вывел отряд почти к самому монастырю. Оставленные для охраны служители были изрублены в четверть минуты, и повелитель мечей ступил под своды храма.

Хотя с памятных событий прошло с лишком четыре года, Фирн Глубокая Шапка сразу узнал Иста. Кёниг подошел к кристаллу, прижал к нему ладони раскрытых рук, словно хотел обнять недруга.

— Вот и свиделись, племянничек,— прошептал он.— Значит, прошлый раз сумел ускользнуть... Посмотрим, как ускользнешь на этот...

— Фирни,— напомнила о себе Роксалана.— Этого мальчика надо освободить. Думаю, что вдвоем мы сумеем расколоть кристалл.

Дер Наст повернулся к колдунье. Широкая открытая улыбка озарила его лицо.

— Милочка, с чего ты взяла, будто я собираюсь выручать этого юнца? Да, он мне знаком, но за ним тянется такой должок... кстати, и за тобой тоже. Так вот, с тобой я теперь в расчете. Сначала Норгай, а потом удовольствие видеть мерзавца запаянным в стекло... я искренне прощаю тебе все долги. Если угодно, можешь идти домой, думаю, он пострадал не слишком сильно. А к племянничку у меня еще есть дела.

Отшатнувшись, Роксалана смотрела, как на ладони дер Наста извивается тонкая золотая нитка. Дер Наст приблизился к кристаллу, хлопнул по нему ладонью, словно мальчишка, запятнавший наконец долго уворачивавшегося приятеля.

— Заклятие медленного времени,— пояснил дер Наст, радушно улыбаясь.— Не будь оно живым, парень вышел бы наружу лет через полтора ста. Но старый Протт знал толк в колдовстве. Кристалл подпитывает себя одиночеством и тоской пленника. Чем дольше пленник пробыл в кристалле, тем дольше оттуда выходить. Хитро... Жаль, я не умею делать таких шуток. Я бы залил медленным временем тебя и поставил в своем замке рядом с чучелом медведя. Иногда я бы разговаривал с тобой, ведь это можно, если испытываешь к пленнику искреннее чувство. Я мог бы побеседовать и с ним,— палец мага ткнул в сторону впаянной в кристалл фигуры,— но пока я не буду этого делать. Я подожду. Золотому волосу неведомы тоска и одиночество, он не способен испытывать скорбь и умножать ее. Значит, через полтора ста лет он достигнет твоего любовника. Я надеюсь дожить до этого времени и мирным пилигримом приплыть в Норгай на поклонение святыням Гунгурда. Если хочешь, приходи тоже. Мы вместе посмотрим, как исполнится мое проклятие. И пусть меня зажарят фуэты, но ради такого удовольствия я согласен ждать полтора века.

Роксалана пятилась, не сводя ненавидящего взора с дер Наста. В эту минуту она как никогда была похожа на ведьму.

— Прощай, красотка! — крикнул дер Наст от дверей. — Скажу честно, в дряхлом виде ты нравишься мне куда больше, чем в юном.

Роксалана гневно выпрямилась, глаза метнули темные молнии, волосы мгновенно почернели, но дер Наст был уже на ступенях и ничего не видел.

Заторможенно, словно ее вело чужое заклятие, Роксалана обошла хрустальный куб, встав так, чтобы пленник медленного времени мог разглядеть ее. Приложила ладони к неосязаемой границе, стараясь проникнуть разумом сквозь мерцающие грани.

— Исти, ты меня слышишь?

И ответ пришел, трудный и тягучий, словно сами мысли были заморожены застывшим временем:

— Роксалана?..

— Это я, Исти! Им пришлось меня выпустить вместе со всеми, иначе они не могли наложить на тебя заклятие. Я теперь на свободе, но не знаю, как помочь тебе. Исти, подскажи, что мне делать?

— Позови учителя.

— Как? Я просила о помощи могучего чародея, он только что был здесь вместе со старой ведьмой. Но, увидев тебя, он отказался помочь.

— Это дер Наст. Он мой враг.

— С этой минуты — и мой враг тоже. Но о каком учителе ты говорил, Исти?

— Тут неподалеку есть лес. Встань на развилке любой тропы и громко крикни: «Ист попал в беду!» Учитель услышит.

— Хорошо...— прошептала Роксалана в прозрачную глубину.— Исти, любимый, я сделаю все, что надо.

* * *

«Значит, у мальчика есть учитель. Это разом объясняет все. Кроме одного: кто из магов оказался так беспечен, чтобы делиться могуществом с другим человеком. И уж тем более этим не станет заниматься никто из богов. Легенды об учителях — всего лишь легенды. Даже Протт лгал, будто учился у Гунгурда. Маг всего добивается сам, в одиночку. И лишь потом, когда ты достиг могущества, на тебя обращает внимание бессмертный и благосклонно берет в прислужники, одаря взамен крохами своего всесия.

И все же Ист говорил об учителе. Благая Амрита, меньше всего на свете я хотела бы встретиться с этим учителем лицом к лицу. Но что-то делать надо; золотой волос мне не остановить, а бросить Иста я не могу. Слишком хорошо я сплела паутину и сама запуталась в ней вместе с моим залетным мотыльком».

***

Суровый кодекс воина, изустно передаваемый зимними вечерами от одного поколения другому, регламентирует в походе каждую мелочь. И, уж конечно, он однозначно говорит, как вести себя с женщинами. Мужчин убивают, женщин — нет. Более того, обычай запрещает растрачивать в походе мужское естество, от которого зависит ярость в бою и отвага. И даже после боя нельзя оставлять свое семя дочерям и женам противника, чтобы потом не пришлось биться против собственных сыновей и братьев. Но ничто не запрещает увозить полонянок с собой. Случалось, что на отваливающих кораблях девушек было больше, чем похитителей. Еще в море происходило сладкое разрешение воинского поста, и плач обиженных красавиц разносился над волнами. Потом пленницы становились служанками или отправлялись в стряпушую, но и там главное свое предназначение должны были выполнять беспрекословно. Потому и бегали по улочкам Снегарда и других северных поселений черноволосые, раскосые, а то и вовсе темнокожие ребяташки. И даже в окрестных хуторах у хозяина случалось до полудюжины привезенных из набега служанок, и законная жена, бывало, месяцами ждала, пока супруг обратит на нее благосклонное внимание.

Все эти тонкости были неведомы прелестным жительницам Норгая, да и в противном

случае радости бы принесли немного, разве что старухам и уродливым страхолюдинам. Каждый бежал и прятался где мог.

Этой осенью Рита должна была выйти замуж за веселого парня Тибба — подмастерья из кожевенной слободы. Союз заключался по любви, и хоть не предвиделось в грядущем особых богатств, оба были счастливы ожиданием заветного дня. И вдруг, когда до свадьбы оставалась всего неделя, на город пало нашествие. Правда, кожевенная слобода не горела — завоевателям хватало добычи в самом городе, где жили богатеи, но все же народ старался спрятаться, как только возможно. Рита и Тибб схоронились в сарае, где хозяин сваливал невыделанные кожи. Рита беззвучно плакала, Тибб судорожно сжимал косой нож, которым кроил в мастерской подметки. Ждали беды, и беда пришла, но вовсе не та, какой боялись.

Бесшумно отворилась дверь, и через порог шагнула женщина. Длинное платье черного атласа, каких вовек не бывало в предместьях, тусклый блеск старинного золота на запястьях и шее, искры бриллиантов в струящихся черных волосах. И лицо — прекрасное, как у статуи, и такое же неживое.

Тибб шумно вздохнул, обронил нож и замер, словно утенок, над которым зависла тень ястреба. Рита нашла в себе силы приподняться навстречу страшному видению.

— Не отдам...— с мужеством отчаяния прошептала она.

— Узнала...— понимающе усмехнулась Роксалана.

Рита и впрямь с полувздоха поняла, кто вошел в сарай, хотя Амрита миловала ее от встречи с этим чудовищем. Ведьма-разлучница, ужас влюбленных. Во всякую минуту она могла увести любого парня, хоть из-под венца, хоть от супружеской постели. Рассказывали, что, наигравшись, ведьма бросала жертву, но после этого парни долго не жили, а кто и оставался в живых, ничего, кроме горя, своим суженым не приносил.

— Не отдам,— повторила Рита.

Роксалана долгим изучающим взглядом оглядела Риту и, кажется, осталась довольна.

— Любишь его? — спросила она.

Рита молчала.

— Если любишь, то сделаешь, что я скажу. Сейчас ты пойдешь в лес, это неподалеку, станешь на развилке троп и громко крикнешь: «Ист попал в беду! Жрецы схватили Иста!» Поняла?

— Зачем?..

— Затем, что твой парень тоже попал в беду! Сделаешь все как надо — верну его тебе целым. Он и помнить ничего не будет.

— Обманешь.

— Обманула бы, если бы могла. Но не могу, клянусь источником. К тому же у тебя все рав-

но нет выбора. Иди. Бандиты тебя не тронут, во всяком случае, по пути туда.

С трудом переставляя негнувшиеся ноги, Рита вышла из сарая. Она не знала, что ужасней — идти в лес, где явно творится злая волшба, или оставлять беспомощного Тибба наедине с ведьмой. По счастью, городской лес действительно начинался неподалеку. Рита добралась до первой развилки, остановилась. Перехваченное горло не могло издать ни звука.

— Ист,— прошептала девушка,— попал в беду...

Она не замечала слез, беспрерывно текущих по щекам, забыла о страхе за себя. Какая может быть волшба в лесу, где знаком каждый пенек? А вот Тибб действительно в беде. И дорога каждая минута.

— Ист попал в беду! — надрывно закричала Рита.— Жрецы схватили Иста!

Смутный шум прошел по верхушкам деревьев: то ли ветер коснулся не опавшей еще листвы, то ли вздохнул, просыпаясь, неведомый великан. Рита попятилась. Она почувствовала, как большая мохнатая лапа опустилась на нее, проникла в душу, ворохнула мысли и исчезла, ни о чем не спросив.

Наваждение отступило, и Рита опрометью бросилась назад. Теперь ноги слушались на диво. Рита подбежала к сараю, дернула дверь. Ведьмы не было, а Тибб спал, свернувшись на жесткой коровьей шкуре. Косой сапожный нож валялся рядом.

* * *

Невысокая сутулая фигура двигалась через пылающий Норгай. Идущий беспечно шагал посреди улицы, сторонясь горящих домов и безразлично перешагивая валяющиеся трупы. Взор со скучающим интересом бродил по окрестностям. Удивительным образом на одинокого пешехода не обращал внимания никто из оказавшихся на улице людей. А их было немало: жителей, выгнанных огнем из подвалов, мародеров — отчаянных и готовых на все, отходивших ратников дер Наста и даже случайно уцелевших защитников города. Но все они, поравнявшись с таинственным путешественником, покорно отводили глаза и продолжали заниматься своими суматошными делами, словно рядом никого не было.

— Шустрый мальчуган,— ворчал идущий.— Надо же, так муравейник разворошить. Это тебе не шишками пуляться. Бойкий мальчик растет. Но еще глупый. Говорил ему — не лезть куда не следует. Нет, загорелось... Вот и влип. А мне выручать. Жаль беспокойства будет много... и крови. Ну да это не беда... ребенку пора взрослеть. С другими хуже бывает, а тут пока что и трех сотен зарезанных нет. И все-таки, чует мое сердце — кто-то мальчугану помог. Найти бы этого помощника и башку оторвать...

Возле дома Роксаланы Хийси остановился, принюхался, широко раздувая ноздри, с сомнением покачал головой и пошел дальше.

Восточные ворота были распахнуты, в проеме двое суетливых парней раздевали убитого стражника. Хийси, не глядя, прошел мимо. Взгляд его был прикован к хорошо видимому отсюда храму Гунгурда. Там тоже что-то горело, жирный дым расползлся невысоко над землей.

В храме царил разгром, лишь чудесный хрусталь оставался прежним, и в нем неподвижно застыла фигура бойца. Меч во вскинутой деснице излучал ровное сияние, значит, остальные одиннадцать мечей были в руках жрецов и продолжали карать осквернителей храма.

Это, впрочем, меньше всего волновало лесного чародея. Хийси оглядел камень, выдернул наполовину ушедшего в хрусталь золотого червя, движением ставшим привычным, перекусил его. Затем впился пальцами в ледяную поверхность. Кристалл вспыхнул, засверкал сотней искр, но устоял.

— Пусти! — приказал Хийси.

Высокоученые маги из университетов Лютеции и Соломоник, знатоки компаративистики и глоттохронологии ведают множество изощреннейших и сложных заклинаний. Не знают они лишь одного: самые действенные и могучие заклинания очень просты. Иногда достаточно сказать: «Да будет свет!», чтобы родилась Вселенная. Важно лишь — кто и как произнесет эти слова.

Чистый камень помутнел, его прочертили трещины, с неслышным шорохом осыпались исчезающие осколки. Ист сделал по инерции шаг, вздохнул и опустил меч.

— Наигрался? — неласково спросил Хийси.

Ист поник головой, но затем нашел в себе силы прямо посмотреть в глаза учителю.

— Я должен был это сделать. Роксалану надо было выручать.

— Роксалану?.. Это, что ли, та девочка, что кричала в лесу?

— Я просил ее позвать тебя.

— Какая же она Роксалана? Ее зовут Рита. Чудеса... Уже и людишки начали скрывать настоящее имя. Хотя, пусть ее... хорошая девочка, славная. В ее душе были страх и любовь, и не было обмана. Но будь осторожен. Я нутром чую, что в этом деле замешан кто-то из смертных магов.

— С одним я уже разобрался.— Ист поднял меч на уровень груди.

— Зачем тебе эта железяка? — поморщился Хийси.— Ты же знаешь, от рукодельных побрякушек один вред.

— Она дала мне этот меч, им я должен наказать ее обидчиков.

— Валяй, наказывай. А ты подумал о другом: девочка уже сейчас постарше тебя, а как пройдет лет тридцать, что тогда?

— Учитель, не надо об этом.

— Ладно, не буду. Сейчас есть дела поважнее. Идем.

— Куда?

— Исти, ты начал задавать вопросы? Так не годится.

— Но я еще не нашел Роксалану... то есть Ригу.

— С ней ничего не случится. Она не нужна никому, кроме тебя. А если тебя сейчас убьют, то и тебе будет не нужна. Ты, мой мальчик, разбудил такие силы, с которыми не стоит связываться неподготовленным. Я ожидал, что ты устроишь нечто подобное, но не в первый же свой выход в мир. Идем.

* * *

Весельные ялы дер Наства огибали Голодный мыс, приближаясь к родным берегам. Добыча, взятая в южных краях, была так велика, что кёниг не останавливался, чтобы пощупать даже самые незащищенные селения. Лишь когда на ялах кончался провиант, корабли приставали к земле. Неудивительно, что милые сердцу скалы замаячили на горизонте удивительно скоро.

Голодный мыс недаром носил прожорливое имя. Не всякому мореплавателю удавалось минуть его без урона. Серые зубы камней равно пережевывали ялы воинственных северян, посланные в отместку галеры южных владык и мирные баркасы рыбаков и охотников на морского зверя.

До Снегарда отсюда было рукой подать, но злые прибои Голодного мыса не позволили бы

пристать к берегу даже вертлявому каяку. Чтобы попасть к дому, предстояло обогнуть мыс, высадиться в гавани Маженице, считавшейся уже ленным владением дер Настов, а потом пять дней возвращаться назад посуху. Но сейчас такое удобное расположение крепости не слишком радовало кёнига. Одолеvalo беспокойство и хотелось поскорей очутиться в родных стенах, принести жертвы Хаймарту и напомнить драчливым соседям, что повелителя мечей следует опасаться, даже когда он в отлучке.

С чего вдруг вспомнилось о соседях, дер Наст понять не мог. Правильной осадой крепость так просто не взять, неожиданного набега тем более можно не опасаться: с трех сторон крепость стерегут топкие, не любящие чужаков, болота, а направившись в четвертую сторону, через десяток миль наткнешься на скалы Голодного мыса и увидишь за ними океанскую пену. В скалах удобно держать дозор, следящий за дорогой и поглядывающий на море: не треплет ли о камни случайный корабль, остатками которого можно иной раз очень неплохо пожить. Так что и отсюда подкрасться не получится. И все же, в сердце у кёнига тревога. Скорей бы оказаться дома.

И как назло, едва путешественники поравнялись с мысом, грянул шторм. Ялы поволокло к камням, так что одно и оставалось: ва-

лить мачты и на веслах уходить подальше от негостеприимного родного берега. Но, к несчастью или, напротив, особым благоволением Хаймарта, ничего сделать не успели. Кёниг Глубокая Шапка отдал иной приказ.

Никакому человеческому взору не углядеть, что деется в десяти милях от тебя, но люди опытные утверждают, что маги умеют заглядывать через горизонт. А кто-то рассказывал, будто легкая крачка опустилась дер Насту на плечо и произнесла вещее слово, после которого взревел кёниг яростным берсерком, затрубил в серебряный рог и велел ставить паруса и гнать корабли к берегу.

Для любого флотоводца такой приказ стал бы последним в жизни, но серебряный рог повелителя мечей вселил в людей безоглядную нечеловеческую храбрость, и корабли пошли на верную гибель. Высокая нагонная волна позволила большинству ялов перемахнуть первую гряду камней, лишь два судна засели на зубах Голодного мыса и были в пять минут размолоты в щепу. Остальные врубились в крутой берег, где тоже вскоре были разбиты. Погибли корабли, отправилась на дно добыча, а следом — многие из пошедших в набег с повелителем мечей. Но все же больше четырехсот человек выбрались из соленой пены, держа в руках оружие.

Не дав промешкать и минуты, дер Наст повел людей к стенам Снегарда. Десяток поло-

нянок, чудом уцелевших в стылой круговерти, мокрых, несчастных и избитых волнами, минуту постояли в недоумении, а потом, волей-неволей, потащились следом за похитителями, понимая, что только там можно хоть как-то уцелеть. Воины их не ждали и, кажется, вовсе забыли о них думать. Через час уже все видели на востоке клубы дыма, так что понукать никого не пришлось. Сзади осталась погибшая добыча, но впереди ждали погибающие семьи. Измокшие озлобленные люди мчались, словно лавина, идущая вниз по склону.

Замок еще не был взят, а из городка противника выбили одним ударом. Латники с рогатинами и короткими копьями не могли устоять против бешеных мечников корноухого кёнига, а неповоротливые огнедышащие звери — фуэты, которых привели незваные гости, только что израсходовали запал на каменные башни Снегарда и погибли без боя. Остатки латников бежали в лес.

Лишь в последнюю минуту среди бегущих дер Наст заметил коренастую фигуру кёнига Ансира — недалекого и недоброго своего соседа. Впрочем, Фирн Глубокая Шапка тоже не отличался добротой и при удобном случае с удовольствием стер бы Ансир с лица земли, если бы сосед не владел тайной огненной магии, позволявшей отбить всякий штурм.

Обозленные мечники сунулись было в лес, но их встретил злой верховой пал, упрямо стремящийся против ветра, так что дер Насту пришлось отступить. Тем временем остатки нападавших бесследно исчезли, умудрившись уйти к себе через считавшиеся непроходимыми болота.

Дальний поход обернулся сплошными убытками. Погибли ялы, добыча и добрая четверть людей. Когда стих шторм, кёниг послал на берег слуг, но найти не удалось почти ничего. Буря переболтала песок, взмутила ил и надежно похоронила нежданные сокровища. И еще много лет на берегу, случалось, находили кольцо, пластину с панциря или золотую монету с непонятной восточной надписью, причудливой, как ход жука короеда.

* * *

Месяц кряду Хийси муштровал Иста так, как никогда прежде. Учил скрывать свои мысли и читать чужие. Учил бить злым словом как хлыстом, так что на теле вспухали багряные полосы и выступала кровь. Заставлял целыми днями не есть, не пить, не дышать. Учил дробить скалы и вызывать грозу. И все это в таких чащобах, куда даже болтливая сойка не приносила ни единого обрывочка новостей.

На робкие просьбы повидать Роксалану, Хийси отрезал:

— Сейчас не время. Захочет — дождется. А не захочет месяц подождать — тоже беда невелика, таких как она можно целый амбар насолить.

Ист смирился и был послушен. В конце концов, главное он сделал — Роксалана на свободе, и жизни ее сейчас ничто не угрожает.

Решающий день наступил как-то неприметно. К нему не готовились, и, вообще, Ист не знал, что впереди его ждет небывалое. Утром, как обычно, поднялись до света, вылезли из пещеры, в которой жили последние дни; Хийси почему-то перенес их жилье в дальний южный край, в земли населенные дикарями, чья кожа была словно охрой натерта. Прошли на развилку лесных троп, и здесь Хийси спросил:

— Ну-ка, скажи не глядя — куда отсюда можно пройти?

Для простого взора натопанная тропа в этом месте бесполезно раздваивалась, а спустя пяток шагов вновь сливалась в одну. Но Ист уже привык разбираться в таких вещах и умел ходить не только по ближним путям.

— Эта дорога, — указал он направо, — ведет на Жемчужные острова, где растут пальмы. Так, — палец ткнул в кусты, — мы могли бы попасть домой. Эта тропа водит по здешнему лесу, а оборотившись назад, очутимся в кизиловых зарослях, что в горах Кавказа.

— И все?

— Да, учитель. У земного круга — четыре стороны, и от каждой развилки лесной тропы отходит четыре дороги. Я назвал их все.

— Ты хорошо усвоил мои уроки,— согласился Хийси.— У земного круга действительно четыре стороны, можешь примириться с этим, если согласен ходить по кругу.

— Но ведь не на небо же нам...— начал Ист и вдруг осекся. Неведомым образом он осознал еще два невидимых и неосязаемых пути. Один вел ввысь, второй вглубь. Оба терялись в беспредельности и нельзя было сказать, что ждет свернувшего на эти тропы.

— Сегодня нам туда,— вскинул голову Хийси.— И даже не нам, а тебе. У меня на сегодня еще одно дельце осталось. Так что, ступай один, а я тебя догоню.

* * *

Тяжелый хозяйский табурет, не успевший обрести бывшего блеска, еще хранил на себе следы струга, а кёниг Снегарда, корноухий Фирндер Наст, уже снова сидел на нем, вперив тяжелый взгляд в бьющего поклоны Торпа.

— Ничего нет!..— ныл привычную песню Торп.

— За пять лет скопить не сумел?

— Я же приносил!..— взвыл Торп.— Бобра приносил, волка! Служил верой-правдой!

— Еще бы ты бобра утаил,— процедил кёниг.— Мужик на бобра охотиться не смеет, а

если уж доспел бобр в твою ловушку, то ты и должен его с поклоном доставить.

— Подушные кто платить будет? — спросил Парплеус. — И с дыма налог. Печку, небось, топишь?

— Нет! — радостно признался Торп. — Курная изба.

— Все равно — шесть грошенов в год. За пять лет — тридцать грошенов и пеня за недоимку ровным счетом восемь грошенов тринадцать кёртлингов. Это если у тебя действительно ничего нет.

Двое воинов — на это раз кёниг явился с целым отрядом — с торжествующим видом появились из-за дома. Перед собой они гнали многострадальную Зорьку, которую однажды дер Наст уже конфисковывал.

— Так! — нехорошо произнес повелитель мечей. — Магистр, не кажется ли тебе, что эту скотину мы уже видели?

Хотя Парплеус некогда сочинил двухтомный труд, посвященный тонкостям зоолатрии, на лугу он не смог бы отличить вола от нетели. К счастью, в данном случае это и не требовалось. Достаточно того, что корову признал властелин. Парплеус многозначительно покачал головой и изрек:

— Да, это она. Я узнаю. Целый ряд признаков неопровержимо свидетельствует, что это то самое животное.

— Вот, значит, где оказалась слабина, — сам с собой рассуждал кёниг. — Латники Ансира

незамеченными пробрались через болото... Еще бы, тут у них завелся славный помощник. У, мразь!..— Кёниг вскочил и с неожиданной злобой ударил корову между рогов. Хрустнула кость, корова осела на задние ноги, затем повалилась на бок. Отчаянно вскрикнул Торп.

— Черт!..— кёниг был раздосадован.— Этого еще не хватало! Ну да ладно... Эй! — повернулся он к солдатам.— Займитесь этой падалью. Тушу разделать, доставить в замок и накормить мясом всех, кто носит оружие.

Солдаты были недовольны; никому не хотелось волочить за семь миль лишнюю тяжесть, а вечером портить зубы на старой, жесткой, как подошва, говядине, но перечить они не осмелились, лишь Парпляк высунулся как всегда нестати:

— Может, бросить ее? Прямо здесь принести в жертву Хаймарту. Думаю, от этого окажется больше пользы.

— Нет уж! — отрезал кёниг.— Один раз мы ее уже бросали, до сих пор оправиться не можем. Забрать все до последнего шматка! — прикрикнул он.— И шкуру, и голову!

Торп раскачивался, стоя на коленях, и стоил словно от мучительной боли.

— Как вы полагаете, что нам делать с ним? — спросил Парплеус.— Я мягкий человек с чувствительным сердцем, но сейчас даже я говорю: казнь! — и самая суровая. Утопить в не-

чистотах. Или содрать кожу рядом с его коровой...

— А на следующий день половина дружины будет валяться с болотной трясучкой,— перебил кёниг.— Нет, магистр, твои мягкосердечные методы не годятся. Этот мужик засел тут как гнилой зуб, так просто его не выгацишь.

Дер Наст приблизился к Торпу, на ходу снимая с запястья железный браслет. Под руками повелителя мечей железо смялось, словно воск, растянулось и плотно обхватило шею мужика.

— Даю тебе время до послезавтра,— ласково произнес дер Наст.— Устраивай свои дела, ублажай чуров, продавай барахло. А послезавтра — жду тебя на своем дворе. Бежать не пробуй и снимать кольцо тоже. Хуже будет. Ты все понял?

— Чего зря тянуть? Здесь бы и покончили,— через силу выговорил Торп, ощупывая ошейник.

— Кто придумал, что я собираюсь с тобой кончать? — удивился владыка Снегарда.— Я беру тебя на службу. Зачисляю в войско, причем не просто копейщиком или лучником. Ты будешь десятником, а это большая честь.

— Я же ничего не умею! — взмолился Торп.— Я мирный человек, неуч.

— В бою тоже нужны мирные люди,— успокоил дер Наст.— Например, подносить и устанавливать осадные лестницы...

Торп замолчал. Он понял, к чему приговорил его кёниг. Почитай что никто из установщиков не возвращается с приступа. Их первыми бьют и жгут, и смолой варят. Исполняют эту работу пленные мужики, нахватавшие в окрестных деревнях, и десятники, что командуют ими, на деле такие же смертники, как и они.

— Ступай,— милостиво разрешил кёниг.— До послезавтра ты свободен.

Когда незванные гости покинули хутор, Торп обошел дом, аккуратно прикрывая выставленные двери. Посидел в заулке, где под поветью, чтобы дождь не гноил, вкопаны были идолы. Хорошие идолы — корневые, не деланы, не строганы, сами в лесу выросли. А вот, поди ж ты, не уберегли. Может, мало кормил богов? Или еще надо было приискать защитников? Но и без того — у простого мужика, а три личины. Княжий бог Хаймарт, правда, подкачал: ростом невелик и голова пеньком, без глаз. Но шрам на груди знатный и руки грабляшками, как положено. Бабка Мокрида, напротив, собой здорова. Тело — столб столбом, а наверху коренья сплелись, и смотрит из древесных узлов нерожалая старуха, от которой успех в хозяйстве зависит и само здоровье. Но особо хороша любовная богиня Амрита. Грудастая, а зад такой, что двумя руками не охватить. Глаз не видно — древесный завиток лег сверху, словно волосы прикрыли лицо. Бабы любят так —

чтобы главное было на виду, а лицо волосами прикрыть, будто стесняются.

Хорошие боги, а не уберегли. Достал его кёниг. Теперь будут боги одни стоять, гнить как всякая колода.

Ничего собирать Торп не стал — на тот свет и без котомки пустят, а на этом осталось гулять меньше двух дней. Как пройдет отпущенный кёнигом срок, то ошейник начнет помалу сжиматься. И эдак тихохонько, не торопясь, удушит непокорного. А покоряться у Торпа желания не было. Не пойдет он на Фирнов двор, пусть кёниг как-нибудь без него воюет.

Майданчик перед домом, всегда выкошенный и ухоженный, сейчас был загажен кровью и ошметками требухи. Все, что можно, солдаты, выполняя строгий приказ, унесли с собой. Остались кишки — все равно колбас никто делать не будет — да копыта. Клей из них, что ли, варить?

Требуху Торп помыл и разложил равными кучками перед богами.

— Поешьте на прощание, завтра начнется для вас долгий пост.

Подержал в руках копыто. Знакомое копыто с белой отметиной на голяшке. Вот была коро-ва жива, Торп за копытами ухаживал. А теперь, куда его девать? Такое только дикий Хийси жрет. Вот и пусть сожрет вместе со мной...

Как был, с копытом в руках, Торп спустился с холма, побрел болотом; не по гати, а

так просто, как нога ступит. И нога, привыкшая бродить по трясине, не увязла, Торп выбрался на сухой бутор и потащился дальше, шеей чувствуя тугое присутствие Фирна дер Наста.

Лес в этом месте с неделю тому назад горел; подожгли уходившие налетчики. Молодые сосны, подлесок, палый лист и всякий мусор выжгло начисто. Старые сосны стояли, чернея обугленной корой, чуть присоленной первым снегом, топорща голые ветки. Остаток осени и даже зиму они отстоят, а весной, когда отмякнет земля, повалится погибший бор, и тогда здесь уже так просто не походишь. Хороший был лес, а умер. Кому понадобилось губить? А самого Торпа тоже — за что порушили?

— Пусть лучше Хийси сожрет,— вяло повторял Торп единственную мысль.

Возле старого выворотня — накренившейся, но еще не рухнувшей ели — заклубилась тьма, и из тьмы поднялся жутковидный Хийси: ростом выше леса, лапы как еловые ветки, грудь поросла мхом.

— Зачем меня ищешь? — пророкотало сверху.

— Вот,— Торп без тени страха протянул копыто с обрывком шкуры и белым пятном на голяшке.— Все у меня отняли, последнее тебе принес.

Корявая лапа подхватила лакомый кусок, отправила в пасть.

— Что за угощение просишь? — потребовал Хийси.

— Мне, батюшка, уже ничего не надо. Принес тебе подарок, да и пойду по свету счастья искать, сколько княжий ошейник позволит.

— Это ты хорошо пожелал, — голос Хийси притих, и сам он как поменьше стал. Присел на лесину, спросил участливо: — Неужто корову твою порешили, Зорьку?

— Ее, — поник головой Торп. — Ну да она последнее время все равно плохо доилась.

— Ты уж не серчай, — признался Хийси, — но корова тут ни при чем. Я у тебя молоко крал. А то в лопухе ты мне мало молока оставлял.

— Так я ж не знал, что это для тебя. Я молоко ночным шуршавчикам оставлял, шишиге бездомной. И на тебя я не сержусь, мне одному и молока хватало, и сметаны; что ж для соседа жалеть. А мы с тобой, оказывается, столько лет соседями были; жили — не ссорились.

— Тоже мне, сосед нашелся, — проворчал Хийси. — Друг сердечный, таракан запечный. А впрочем, хватит лясы точить. Собрался за счастьем, так иди, а то к сроку не поспеешь.

Торп молча поклонился и пошел сквозь лес. Хийси, маленький, старый, сгорбившийся смотрел ему вслед. Потом дунул три раза. По плечам и спине Торпа потекли ручейки ржавчины.

Торп уходил не оглядываясь, лишь рука нервно ощупывала то место, где прежде был ошейник, но никто не знал, о чем думает в эту минуту неожиданно получивший свободу мужик.

Глава четвертая ИСТОЧНИК ПРАВДЫ

Ист ступил на призрачную, ведущую в никуда тропу. Как обычно после первого же шага по волшебной тропе появилось ощущение, что это и есть единственный возможный путь, и ты всегда ходил именно так. Первое время ничто не менялось, тот же мокрый, переполненный москитами лес был вокруг, и дорога шла не по воздуху, а просто в гору, не то чтобы очень крутую, но ломающую дыхание и наполняющую ноги усталостью. Это было для Иста удивительным, с нежного возраста он привык взбегать на высокие прибрежные холмы ничуть не запыхавшись. Немного погодя Ист заметил еще одну странность, куда более настораживающую: лес пропал, и теперь по сторонам ничего не было. Словно по трубе идешь: куда ни глянь, хоть голову к небу задери, всюду тропа под ногами.

Сразу вспомнились рассказы о смерти, будто умирающий человек видит перед собой такую вот трубу и летит сквозь нее, не в силах остановиться или хотя бы замедлить полет в потусторонний мир. Правда, Ист не летел, а шагал, с трудом переставляя странно непослушные ноги, однако, радости ему это не прибавляло. Кому охота вот так, по своей воле, идти на тот свет?

Постепенно подъем прекратился, хотя ноги по-прежнему липли к земле, так что путешествие превратилось в сущую муку. Однако свернутая в трубу дорога тоже понемногу расширялась, превращаясь в подобие воронки, хотя Ист так ничего и не мог разглядеть по сторонам. Теперь там ровно горело жемчужное сияние, лишенное теней и движения. Лишь впереди что-то было и, может быть, сзади, но Ист не оглядывался, догадываясь, что не напрасно Хийси послал его одного.

Под ногами вместо гладкого, ни на что не похожего пути снова попадались камни, и это могло означать лишь одно: конец дороги, каков бы он ни был, близок. Неприметно исчезло жемчужное сияние, привычный дневной свет сменил его, и Ист понял, что добрался до цели.

Перед ним лежала небольшая поляна, каких множество в лесах всего мира. Трава, давно отцветшая, но еще не пожухлая, ручей и дерево неподалеку от него. Странное дерево, не лесное, а будто выкраденное из фруктового сада:

покрытое крупными незнакомыми плодами. Краем сознания Ист еще отметил, что изморози на траве нет, значит таинственная полянка лежит много южнее родного Снегарда. Но основное внимание Иста привлек человек, поднявшийся навстречу. Мрачный чернобородый мужчина, голый до пояса, жесткий и мускулистый, словно свитый из завязанных узлами веревок. Тяжелый, сыромятной кожи бич, зажатый в кулаке, казался продолжением этих узлов.

— Здравствуй, добрый человек,— поздоровался Ист, хотя вид встречного не обещал ничего доброго.

— Здравствуй и ты,— отозвался тот.

Ист не знал, зачем Хийси послал его сюда, и оттого не понимал, как вести себя с незнакомцем. А самого учителя все не было.

— Я жду одного человека...— осторожно подобрал слова Ист.— Он должен скоро появиться. Я пока посижу у ручья?

— Сиди,— пожал плечами мускулистый.— Только сначала отдай оружие.

Ист улыбнулся и показал пустые руки.

Как всегда Ист был наг и бос, хотя теперь призрак одежды окружал его постоянно. Сейчас Ист представлял себя в наряде небогатого школяра из Соломоник. Под куцей студенческой курткой нельзя было бы спрятать и зубочистки. И все же Ист кривил душой, демонстрируя ладони. Единственное, что он носил с собой всегда, был меч, который вновь обрел зловещий

вороной цвет. Собственно, вместо меча была лишь возможность взять его в любое мгновение. Сам меч покоился в «нигде», зажатый двумя жадными заклинаниями: «Дай!» и «Мое!»

Считать ли оружием меч, которого нет — проблема, достойная Парплеуса и его коллег, оплешивевших за изучением вариативистики. Ист знал одно: меч с ним, но видеть его нельзя, потому что меча нет. И все же бородатый страж, сделав неопределенный жест, потребовал:

— Меч отдай.

— Его здесь нет,— честно признался Ист.

— Все равно отдай.

Ист покачал головой.

— Тогда я не пущу тебя,— постановил мускулистый.

— А если я пройду силой?

Лениво струящийся среди травы бич рванул, сочный хлопок сотряс воздух.

— Ты не пройдешь. Я тебя прогоню.

Что-то в позе стража, в его спокойных, беззлобных словах подсказало, что все так и произойдет: с оружием дальше пути нет, а кто попытается прорваться, будет позорно отхлестан кнутом, словно мошенник, не сумевший скрыть своих проделок.

— Ладно,— согласился Ист.— А здесь на камушке посидеть можно?

— Сиди.

Ист уселся, повернувшись вполоборота к стражу. Тропа, по которой он пришел сюда, исчезла, значит, оставалось ждать.

— Как тебя зовут? — спросил Ист, не слишком надеясь на ответ.

— Гавриил. Имя настоящее, но тебе это все равно не поможет.

Ист зябко поежился. Кто же не слышал рассказов о Гаврииле — рыцаре с пылающим мечом, охраняющим врата в царство посмертного блаженства? Души безгрешные он пропускает, преступников гонит вниз, где у ворот ада стоит его брат Кебер. У подножия врат бурлит источник правды, а рядом растет древо проклятия, плоды которого однажды погубят мир. Жаль, что костолом, загородивший путь, похож на светлого рыцаря не больше, чем его кнут на пылающий меч. А то бы все сходилось: вот и дерево, и источник...

— А брата твоего зовут Кебер,— проговорил Ист, не зная, что сказать.

— Я давно с ним не виделся.

Ист кивнул головой. Так и должно было оказаться. Легенды врут, но не совсем. Во всякой лжи есть щепотка правды, в любой правде — привкус лжи.

— А где врата, что ты охраняешь?

— Здесь нет ворот. И я ничего не охраняю. Всякий, кто дойдет сюда, может пройти, если он без оружия.

«Что ж, наверное это правильно».

Ист поднялся.

— Когда я пойду обратно, ты вернешь мне меч?

— Вернет, не бойся,— раздался позади голос Хийси.— Он честный.

Хийси улыбался сквозь разлохмаченную бороду. При взгляде на него нельзя было заметить ни малейшей усталости, словно старик не восходил по небесной тропе, а как обычно, прошел известным лишь ему кратким путем.

— Умница,— похвалил он Иста.— Сам добрался. А я побаивался тебя на полпути подобрать.

— Я хотел остановиться и подождать,— повинился Ист,— да не удержался, любопытство взяло, взглянуть, куда ты меня послал.

— А ты, я вижу, шутник! — осклабился страж, с дружелюбным вниманием слушавший разговор.— Помню, меня сюда первый раз волоком тащили. Сам бы ни в жизнь не одолел.

Ист окинул взглядом мускулистую фигуру непобедимого воина и промолчал, сообразив, что не мышцы приносят успех на этом пути.

— Он вообще не простой мальчик,— пробормотал Хийси, направляясь к роднику.

Ист шагнул следом.

— Меч...— напомнил страж.

Ист вскинул руку, и в ней возник меч. Повернув его вперед рукояткой, Ист отдал оружие.

Хийси тем временем опустился на четвереньки и приткнулся к роднику. Ист дождался пока учитель напьется и тоже наклонился над ручьем.

— Погоди,— остановил Хийси, отряхивая с бороды сверкающие капли.— Сначала рукой попробуй, годится ли тебе вода.

Ист, хорошо приученный к беспрекословности, коснулся воды пальцами и поспешно отдернул руку. Вода обжигала, словно ее только что сняли с огня.

— То-то! — усмехнулся Хийси. — Вот бы ты ее хлебнул, а она тебе все нутро выжгла. Сунь пальчик-то в воду, не бойся. Хочу посмотреть, сколько выдержишь.

Ист решительно опустил руку. Кисть обдало огнем, на глазах выступили непрошеные слезы, но Ист не только не отшатнулся, но наклонился и коснулся обваренными пальцами дна, где в струе родника безостановочно метались перемытые песчинки.

— Хорошо, — кивнул Хийси. — Терпишь. Значит еще не все растерял. Это, милоч, знаешь что?

— Догадываюсь, — буркнул Ист.

— Это вода тебя мучит за каждую прошлую неправду. А соврать, касаясь родника, и вовсе никак. Заживо сварит.

— У нас рассказывали, будто боги приходят к источнику правды давать клятвы.

— Верно, — согласился Хийси. — Приходят. Иные чуть не каждый день сюда шастают. Изогались вконец, веры друг другу ни на грош.

— А вдруг, — Ист опасливо принизил голос, — вдруг кто-нибудь из великих богов сейчас явится сюда? Например, сам Хаймарт?

— Тоже, напугал... — проворчал Хийси. — Может, этого Хаймарта и вовсе на свете нет. Кто его видал? Мо'литесь кому ни попадя.

Ист слегка опешил от подобных слов. Конечно, учитель великий чародей, древний маг, каких теперь уже не встретишь, но есть же разница между самым изощренным колдуном и богом, могущество которого не измерить самим мирозданием. Потом Ист заметил, что мускулистый Гавриил смотрит на него, не пряча насмешливой улыбки. Так можно глядеть на наивного дурачка, но нельзя на самоубийцу, обреченного судьбой. Значит и тут в рассказах людей правда приправлена ложью или, если угодно, поэзией.

— Но ведь Хаймарта не только у нас чтут, по всему свету его имя гремит,— все же возразил Ист.

— То-то и оно, что имя. Богов всего ничего, а имен у каждого до полусотни. В иной деревне одному божку по семь идолов торчит, и все под разными именами. То же с чудесами, с деяниями. Тут уж вовсе никто не разберется. Боги перед людьми не отчитываются, а людишки и рады: что в жизни ни углядел — все приписывает любимому божку. Хаймарт — княжий бог! Да плевать мне на всех князей вместе с их дружинами! Хоть бы их вовсе не было!.. Ну чего уставился? Смотри, челюсть на землю уронишь. Да, я и есть Хаймарт; что же я от этого умней стал или краше? А ты еще сейчас передо мной на коленки повались да начни маковым семенем кадить. Вот скажи, что изменилось от моих слов?

— Взгляд изменился,— ответил Ист, коснувшись глаз.

— Привыкай. Так часто в жизни бывает. А жизнь тебе теперь предстоит долгая. Кто по небесной тропе к источнику правды дошел, того смерть не берет. А другой разницы меж богами и людьми нет. Так что ты теперь бог. И вот он,— Хийси кивнул на Гавриила,— тоже, хотя мне его пришлось сюда на закорках переть. Не одному, конечно, это мы с Амритой договорились, стража поставить, чтобы возле источника драк не случалось. Он с тех пор отсюда и не спускался, но люди его чтут и тоже под разными именами. Где Гавриил, где Джабраил, а где Дундар Несокрушимый. Выбирай, что больше нравится.

Ист чувствовал, что любой вопрос будет сейчас глуп, но промолчать не мог:

— Но ведь боги живут в златостенном дворце на вершине Третьего неба. И великий Хаймарт повелевает ими мудро и грозно.

— Сколько живу, а небо видал только с земли. И никем я не повелеваю, этой бандой вообще повелевать нельзя. Сам посуди, как можно заставить бессмертного? Убить? Не так это просто. Гавриил слушается своего долга, да и то потому, что бессмертие ему даровано. А кто добился бессмертия сам, тому не поприказываешь. Понял теперь?

— Понял. А другие боги они также как ты живут?

— Нет. Они живут куда пространней. Комфортней живут, слаще. Прислужников имеют среди смертных магов, те для них стараются.

— А храмы зачем, жрецы да служители?

— Храмы тоже нужны. Бог только там вездесущ, где для него хоть последний служка, но подглядывает. Это, впрочем, ты сам скоро поймешь.

— Дела...— Ист горько усмехнулся.— Выходит, все, что люди за правду считают — на деле просто вранье?

— Не суди строго. Не вранье, а сказки. Ты же видел: я из источника пью, а сказки рассказывать умею. Люди толком ничего не знают, память у них короткая, вот и пробавляются сказками. Что ж их за это — кипятком варить? Маги знают побольше, потому с них и спрос. Ну а тебе мир самому познавать...— Хийси сверкнул зубами в веселой усмешке и добавил: — ...эмпирически.

— Все равно удивительно,— подумал Ист вслух.— Хаймарт — могучий старец с костяным топором. Шрам на груди — кто ж этого не знает? Откуда все это взялось? Ведь кто-то первый придумал...

Хийси разгреб пальцами кучерявую шерсть на груди, так что стало можно разглядеть застарелый кривой шрам.

— Топор, если хочешь, потом покажу. Сейчас я его Гавриле отдал. Оружие, как-никак. Вообще-то он мне не нужен, храню как память. Но никаких чудовищ я этим топором не убивал. Это меня им убивали. Больно было. Как выжил — не знаю. А шрам на груди навсегда остался.

— Кто ж это посмел? — спросил Ист.

— Был тогда один — молодой бог. Вроде как ты, тоже все людей жалел. А мне-то что, жалей, дело твое. Я уже и тогда на отшибе жил, только поужнее, чем сейчас. В горах. Роща там была кедровая, я в ней и поселился. Я людей не жалел, но когда за орехами приходили — не гнал. Зачем гнать? Пусть их, мне они не мешают. Вернее, тогда не мешали. Люди-то были не те, вроде зверей. Я в ту пору красавцем числился, не то что теперь. Магия тогда была куда как против нынешней сильнее и магов тоже побольше, смертных и всяких. Никто и не знал, смертный он или нет. Так ли, сяк ли — все умирали; свои же и убивали, не дожидаясь старости. Люди людей били, а маги магов. В простоте жили, как звери, но друг друга ели поедом, звери так не умеют. А источник или вот, дерево это, может они и были, но мы про них ничего не знали. А вот он, молодец, дерево отыскал и первым с него яблочка откушал. Что за деревце-то знаешь?

— Древо проклятия, — тихо ответил Ист.

— Можно сказать и так, — согласился Хийси. — Но вообще-то оно называется древо познания. Силы в нем и впрямь много, но силы мертвой, не магической. Кто плод с дерева съест, тот о мире много знания получает, но тоже не нужного знания — того, что против колдовской силы идет. Ты знаешь, я всегда любопытен был, но к этому дереву близко не подойду, хотя напрямую

вреда от него вроде и нет. Другие боги ели, и ничего, живы. Гунгурд ел, думал, ему могущества прибавится. Мокрида тоже — эта от жадности, чтобы добро не пропадало. Она и из источника пить пробовала, чуть не околела, сердечная. Ну а тот, первый, хоть и недоумок, а догадался деревце к делу приспособить. Как ему знания прибыло, так он изготовил костяной топор и пришел в мой лес. А мне и невдомек, что у него в руках, прежде-то топоров никто не делал.

— А говорят, что первый топор сделал отец людей добрый Пхармат,— вставил Ист.

— Так его и звали,— невесело усмехнулся Хийси,— хотя никому он отцом не приходился. Да у него, как и у каждого, много имен было, но чаще кликали его Гильгамешем или Прометеем. Мерзенький был типчик. Не скажу уж как он там людей любил: когда надо было крошил их в тюрьму не хуже любого, но вот своих ненавидел. Один, что ли, хотел всем миром владеть? Не знаю. Во всяком случае, решил он других бессмертных поубивать и начал с меня. Причина у него была веская: я его в свое время выручил, и он мне этого простить не мог. Явился в лес и стал своим топором деревья портить. Костяным топором кедр рубить несподручно, но испортить легко, кора ведь нежная. Я на шум вылез, шугануть хотел паршивца, тут он меня этим топором и саданул. Как я уполз, как рану зализывал — не помню. Топор мне самое сердце разрубил. От такого удара и бессмертие не

всегда поможет. Сколько столетий я в пещере отлеживался, ни живой, ни дохлый, того никто не знает. Но когда на свет выполз, мир уже другим был. Молодчик этот, Гильгамеш, себе новый топор сварганил, каменный, потяжелей да поострей прежнего, и многих старых богов убивал. Но одного не рассчитал, что от этого топора его собственная сила убывать стала. Техника, как упырь ночной, из магии силы тянет. Вот как стало ему совсем невмоготу, тут и придумал он людей любить. Я уж говорил, люди тогда похуже зверей жили и только словом от них и отличались. Ели всякое, что в лесу найдут: насекомых, ящериц, червей; падалью промышляли, корни копали, какие послаще. Так что Пхармат им и впрямь вроде отца стал. Камни научил колоть, первый дрот заострил. А потом обучил огонь разводить.

— Легенды говорят, что он огонь у старых богов украл,— поддакнул Ист.

— У каких богов? У меня, что ли? Он бы и украл, да не у кого было. Сам высек. А как это сделать — ему Дерево подсказало. Ничего не скажешь, людишки после этого круто в гору пошли. С огнем им куда сподручнее оказалось. И бессмертные к их кострам потянулись: погреться, печеного поесть, горячего похлебать. А что сила уходит... а, да я уже это говорил. Никто и опомниться не успел, как мир накренился и под горку покатил. Люди в домах поселились; магам-то это ни к чему, у меня и в

берлоге хорошо, сам видел. Люди скот развели; а бессмертному любой зверь сам в руки идет, ему скотина не нужна. С того и пошло среди магов неустройство. Никто ж не знал, чем сладкая жизнь грозит. Потом почували неладное, когда он первое колесо закрутил. Но к тому времени его уже так просто не взять было. Сам он на острове обосновался посреди моря, и людей там держал в черном теле. Силу забрал неизмеримую. Благоддеяния да разные изобретения нашим людям подкидывал, а своим только молитвы. У кого камень или ветку в кулаке заметит — сразу на расправу. Так вот он людей любил. И все же на любое мясо зубы найдутся. Пришлось богам на время распри забыть, вместе собраться и потопить его остров, со всеми людишками. А без паствы богу тяжело, своей силы только на себя хватает, а горы двигать уже не получится. После этого с Прометеем разговор был хоть и не короткий, но сильно невежливый.

— Знаю,— кивнул Ист.— К скале его приковали и послали орла печень клевать.

— Орла, положим, не было,— поправил Хийси,— Прометей на скале сам помер. А вот откуда ты прочее знаешь? Эта легенда не ваша, у дер Насти на кухне такого не рассказывали.

— Я...— Ист покраснел,— еще два года назад, когда ты меня научил заклятию Длинного уха, лекцию начал подслушивать в Соломониках. Всякую там автогнозию и агафологию я про-

сто не понял и бросил, а вот священную историю и агиографию прошел весь курс.

— Вот оно как,— усмехнулся Хийси.— Я-то думаю, пусть ребенок поспит, а он свернулся калачиком, кулак под голову и лекции в университете слушает. Хитер, заяц.

Из-за кустов, окружавших полянку, появились двое молодых и очень похожих людей. По виду горожане, торговцы средней руки. Скуластые лица указывали уроженцев востока. Тот, что шел впереди, при виде сидящих у источника приостановился было, но второй подтолкнул его в плечо.

— Иди, иди, при свидетелях надежнее будет.

— Так я и иду,— огрызнулся первый.

Парни подошли к источнику, присели у криницы напротив Хийси и Иста. Никто ни с кем не поздоровался, Хийси хранил невозмутимое молчание. Ист ловил на себе заинтересованные взгляды, но его никто ни о чем не спросил, и он счел за благо тоже промолчать.

— Ну...— требовательно произнес тот, кто привел напарника.

— Правду я говорил, правду. Видишь же, здесь повторяю.

— Ты мне это повтори, руку в источник опустив. А на бережку болтать мастаков много.

— Хорошо...— процедил первый,— я тебе еще это попомню.

Он коснулся костяшками зажатых в кулак пальцев плавно текущей струи и тут же отдернул руку.

— Глубже! — потребовал второй.

— И так хорошо...

— Я велел — глубже! — Парень ухватил парника за локоть и силой макнул его руку в источник.

Вопль разнесся далеко окрест.

— Теперь говори.

— Пра-авду говорил!..

Мучимый выдернул руку из воды. Кисть страшно распухла, кожа с пальцев и ладони облезла и болталась белесыми клочьями. Мясо на запястье пузырилось багряными язвами, словно не просто в кипяток попала рука, а в бурлящую кислоту.

Вода в роднике оставалась такой же чистой и спокойной, по песчаному дну ползали ручейники. Ист не выдержал и еще раз потрогал воду. Горячо, но терпеть можно. В глазах у парней мелькнул испуг. Хийси довольно усмехнулся.

Парни поспешно поднялись и, так ни слова и не сказав сидящим, канули за кусты. Первый придерживал правой рукой покалеченную левую. Второй парень со слегка смущенным видом торопился сзади.

— Вот видишь, — твердил он, — теперь я тебе верю.

— Как тебе эти молодчики? — спросил Хийси, когда неожиданные гости скрылись.

— Кто это? — задал Ист встречный вопрос.

— Ты их знать должен, раз в Соломониках учился. Это же покровители города: Нот и Зе-

фир. Как их там изображают? Один юноша, второй — глубокий старик. А они близнецы. Науки их никогда не интересовали, зря в университете им хвалу возносят. Вот потаскушки, что в монастыре живут — это другое дело. Удивляться тут нечему: боги те же люди, только поганей, потому что над ними никого нет и, значит, стесняться некого. Бог это не тот, кто особо хорош, а тот у кого силы достало наверх забраться. Между прочим, братья эти друг друга любят нежно, даром что мучают себя и подлянки устраивают. А когда они впервые по тропе шли, так помогали друг другу, поддерживали, в обнимку тащились. В одиночку бы не добрались, жидковаты были, а вдвоем — вот они.

— Удивительно все это... — задумчиво произнес Ист. — Я не о себе, в это мне пока просто не верится. А вот что мир не таким оказался, как думалось... и боги. Что же тогда на свете прочно стоит?

— Мир стоит прочно. Правда непоколебима. Жизнь на земле, — Хийси произносил слова медленно и торжественно. — Каждый день начинается с утра — это тоже прочно. А смысл жизни в том, чтобы подняться за минуту до рассвета, взглянуть на восход, вдохнуть чистого воздуха и понять, что ты живой в живом мире. Я это впервые осознал, когда рану в груди залечил и заново на свет выбрался. Другой правды в мире нет, или же она так сокровенна, что никто из богов ее не достиг.

— Это понятно...— Ист никак не мог собраться с мыслями.— Но вот ты говоришь, я теперь тоже бог. Да не может быть, чтобы это так просто было. Ну, выдержал я это испытание, сам не заметил, что выдержал, и что же — это все? На богах мир держится, а я как был никем, так и остался. Что мне теперь делать, если я взаправду богом стал?

— А ничего не делать, или что угодно — как больше нравится. Захочешь, откроешься людям, храмы тебе выстроят. Не захочешь — так живи. А что до тебя дела никому нет, так это ты опшибаешься. Храм Гунгурда всю свою мощь выложил, чтобы тебя в силки поймать. Этого мало? Но пока ты там один бушевал, это касалось только смертных магов. А вот когда я в чужой храм за тобой полезу, то это куда серьезнее будет. Это уже объявление войны. А ты знаешь, милоч, что такое война между богами? Как говорится: паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Снегард твой родной недавно в осаде был. Кёниг отбиться сумел, а вот мой лес, где мы с тобой жили, огнем пожгло. Думаешь, тот лес мог так просто сгореть? Я за ним следил, ухаживал, берег, а он взял и сгорел. Без Гунгурда там не обошлось, он любит огнем счеты сводить. А ты у него теперь на особой заметке. Потому я и потащил тебя сюда прежде времени.

— А помириться?...— растерянно спросил Ист.

— Если бы я тебя с головой выдал, так может и помирились бы, а теперь уж поздно, вой-

на началась. Востри свой меч, только помни, его Гунгурд ковал, так что при хозяине меча лучше не доставай. Все понял? Тогда пошли домой. Делать нам тут нечего, клясться на источнике я не привык, я и без того не вру; яблока с проклятого дерева захочешь — сам сюда в другой раз явишься. Только учти, ты теперь во всем за себя отвечать должен. И с Гунгурдом тебе теперь тоже самому разбираться. Помощи от меня больше не будет: смешно бога за руку водить словно младенца на помочах. А соскучишься, поговорить захочешь или совета послушать — то как меня найти знаешь. Я свое дело сделал, теперь мне только смотреть осталось, что у тебя получится. Вот разве что познакомить тебя кое с кем.

Хийси поднялся и пошел в лес. Ист потерянно потащился следом.

Ушли они совсем недалеко, нарядное древо проклятия было видно сквозь редкий кустарник, когда перед ними открылась новая полянка, в центре которой громоздился гранитный валун: скала в три человеческих роста высотой. В северных краях такие частенько попадались в лесу, а то и посреди поля, поскольку ни огонь, ни сосновые клинья не могли разбить замшелую громаду. Эта скала отличалась лишь одним: на крутом, почти отвесном боку было выбито, врезано в камень размашистое пятно, напоминающее человеческую фигуру, что словно распласталась на сером граните. Под самой

выбоиной, у подножия валуна, выпрямившись и надменно глядя поверх голов подходивших, стоял высокий толстый мужчина в длиннополом парчовом халате. Все в его внешности возмущало и привлекало взгляд: нос, напоминающий орлиный клюв, бездонные агатовые глаза, черные без единой проседи волосы, уложенные в прическу, которой бы позавидовала иная модница, и особенно крашенная жной на персидский манер борода, еще не остывшая от прикосновения щипцов для завивки.

Хийси молча подошел и остановился напротив незнакомца, которому не доставал и до плеча.

— Приветствую тебя, Хуава! — прогудел краснобородый. — Я вижу, старый зверь снова выполз на тропу. Да еще и не один... — Агатовые глаза скользнули по Исту.

— Здравствуй и ты, — проскрипел Хийси недовольно.

Ист понимал, чем недоволен учитель. Встречный назвал его по имени в присутствии постороннего, а это — прямое пожелание зла. Незачем зря разглашать магические имена.

— Я-то здоров, клянусь источником, а вот некоторым не мешало бы вспомнить былое. Не болят старые раны, Хуава? Видно память стала тебе изменять, что ты решил дважды свалиться в одну яму. Это и есть твой выкормыш? И зачем ты его приволок сюда?

— Я его не волок, он поднялся сам, — отрезал Хийси.

— Вот как?.. Тогда ты поступил еще глупее. Прошлый раз тебя костяным топориком корябали, а у этого молодчика настоящий меч. Краденый, правда, так краденое еще хлеще бьет.

— Я никогда и ничего не крал! — произнес Ист, шагнув вперед. Он уже понял, с кем разговаривает Хийси, и неожиданно ему стало легко и совсем не страшно. Ведь перед ним тот же человек, только поганей, потому что над ним нет надзирателя, а совестью в душе он обзавестись не удосужился.

— Не смей врать рядом с источником!

— Я никогда ничего не крал! — упрямо повторил Ист.

— Он говорит правду, — спокойно сообщил Хийси. — Мальчику нет еще двадцати, и он не мог участвовать в старых делах.

— Что ж... — Краснобородый Гунгурд наклонился вперед. — Я беру свои слова обратно и дарю тебе мой меч, все равно храм уже не восстановишь. Будет забавно посмотреть, как ты распорядишься подарком.

— Послушай, — Хийси шагнул вперед. — Мы пришли к тебе мириться. Ты знаешь, что не сумеешь справиться со мной, поэтому давай заключим мир, и я не буду интересоваться, почему сгорел мой лес, и отчего случилось землетрясение в Раджпуре.

— С одним я не справлюсь, а вот с двумя — запросто. И попомни мои слова: я не зря назначил тебе встречу возле этого камня. Пройдет

совсем немного времени, и я подвешу на нем твоего выкормыша! Боюсь только, что тебя уже не будет в живых. Все-таки в руках у твоего убийцы будет не заостренная костьяга, а мой подарок. Ты знаешь, Хувава, я работаю хорошо.

Краснобородый вскинул руку, полыхнуло пламя, а когда дым рассеялся, возле камня никого не было.

— Пойдем,— тихо проговорил Хийси.— Ты — искать свою Риту, а я новую берлогу устраивать.— Хийси помолчал и совсем тихо добавил: — И постарайся, чтобы пророчество Гунгурда не сбылось.

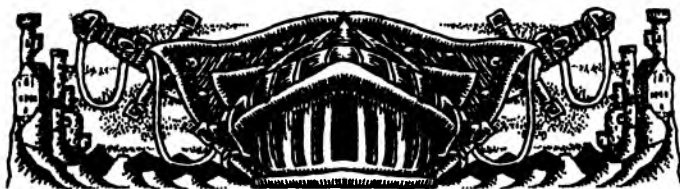
— Учитель, я с тобой!

— Нет. У нас теперь разные пути. Видишь, тропа раздваивается. Значит, мы уже на земле. Тебе направо, так ты окажешься совсем рядом с Норгаем. Кстати, когда захочешь пройти по нижнему пути, то знай, что там все так же, как и на верхнем. Только там бьет источник лжи и растет древо мудрости. Его плоды не трогай, пусть их Парпляк жрет. Но оружие там тоже надо будет отдать.

— Меч! — вспомнил Ист, но тут же почувствовал, что меч ему возвращен, и во всякое мгновение рука может почувствовать его тяжесть.

Но за то мгновение, что Ист думал об оружии, Хийси шагнул в сторону и скрылся из виду. Ист постоял немного на развилке, а потом свернул направо.

Глава пятая ИСТОЧНИК ЛЖИ

В Норгае Ист задержался ненадолго. Город уже пришел в чувство после молодецкого налета ушкуйников, базар шумел как прежде, а центр, особенно пострадавший от огня, пропах известкой и глиняной пылью: дома возвращали себе прежний нарядный вид.

Пожар обошел дом Роксаланы стороной, но и в нем тоже шел ремонт: сновали припудренные известью штукатуры, взмахивал длинной кистью маляр, мозаичники стучали молоточками. Ист разыскал распорядителя работ: пожилого, задержанного заботами человека и спросил о хозяйке.

— Не знаю, почтеннейший,— ответил тот.— Дом продается, хозяйка уехала, управляющий тоже в отъезде, выбирает мрамор для фонтана, а то каменотесы предлагают такой товар, что стыдно смотреть.

— Куда уехала? — спросил Ист, вкладывая в ладонь собеседника тяжелую серебряную монету. На этот раз Ист был при деньгах; пришлось распотрошить зарытый в одном из лесов старинный клад. Свою внешность Ист тоже изменил, памятуя, что слишком много людей созерцали его заключенным в кристалл медленного времени, и совершенно незачем рисковать, что какой-нибудь прохожий узнает бежавшего пленника. Сейчас с распорядителем работ разговаривал немолодой мужчина, одетый в штаны и куртку из некрашеной холстины. В дорогу так одевается кто угодно: бродячий мастеровой, небогатый купец, даже мелкий чиновник. Но монета, которую получил приказчик, нездешняя и явно древнего чекана, вызывала подозрения. В глазах приказчика мелькнула искра, он попытал монету на зуб и постно ответил:

— Трудно сказать. Я человек маленький, мне приказывают, я исполняю приказы. Иной раз, конечно, услышишь не предназначенное твоим ушам, так это лучше забыть. Опасно раздражать сильных мира сего.

— Может быть, это прочистит твою память? — спросил Ист, подавая вторую монету.

— Говорят, хозяйка якшалась с колдунами, — невпопад сообщил распорядитель, — а колдуны народ злопамятный, можно пострадать.

Ист достал третью монету.

— Если и она не поможет тебе вспомнить, я поищу иной способ освежить твою память.

— Что вы, почтеннейший!..— всполошился старик.— Я всего лишь прошу, чтобы вы не говорили другим, откуда вам стало известно...

— Я не скажу.

— Мне довольно вашего обещания. Куда уехала сама госпожа никто не знает, а вот ковры, редкости и картины были еще до нападения пиратов переданы купцам, отправившимся в Соломоники. Понимаете? Еще до нападения.

— Нет, не понимаю,— сухо произнес Ист.— И тебе я тоже советую забыть, что ты мне наболтал.

Четвертая, притягательная, но явно чародейная монета весомо подкрепила последние слова.

Так Ист попал в древний город Соломоники, о котором столько слышал, где даже учился, но въявь еще ни разу не бывал.

Город удобно лежал в долине, где степенный Артонум принимал в свои волны сбегающую с предгорий светлоструйную Валику. Две реки орошали поля и множество виноградников, взползавших едва ли не к самому хребту, откуда брала свое начало Валика. Город был богат: с севера по Артонуму сгоняли барки с хлебом, шли табуны ахидских коней и бесчисленные гурты овец, в горах плавил серебро и тягучий свинец, а снизу по реке доходила до Соломоник и морская торговля. И эта жемчужина принадлежала двум шкодливым парням, потасканным жизнью и озабоченным, кажется, только как бы похитрее досадить друг другу.

Изображения ветреных братьев встречалось здесь на каждом углу. Важный пышнобородый Нот и юный красавец Зефир с детской улыбкой на пухлых губах. Каменные и вырезанные из светлого явора боги ничуть не напоминали самих себя в натуре.

И лишь потом Ист заметил, что не так велика власть слабосильных братьев. Слишком часто среди каменных домов в самом городе и в окрестностях, привыкших не опасаться чужеплеменных набегов, попадались капища, храмы и базилики, посвященные иным богам, порой таким, чье имя Ист прежде и не слыхивал. Кажется, не было такого бога, божка или духа, которому бы не поклонялись в Соломониках. Может быть поэтому веротерпимые жители и выбрали в покровители себе братьев, которые, хочешь-не хочешь, вынуждены были терпеть всех прочих богов. А возможно, дело обстояло еще проще: ведь непостоянные ветры покровительствовали не только мореходам, развратникам и ученым, но также вора и торговцам.

Ист прибыл в город в разгар весенних сатурналий, когда не только общедоступные девы, но и всякий благополучный человек теряет голову и совершает такие поступки, о каких потом и самому неловко вспоминать. И хорошо, что принято в эти дни ходить в масках и наряжаться арапами, иноземцами и лесными духами, чтобы потом, когда вновь настанет время носить коричневое сукно, никто не мог сказать,

будто видел тебя среди непотребного скакания в местах недостойных доброго семьянина.

Разумеется, безнадежно искать в городе человека во время карнавала, но зато не бывает более удобного случая, чтобы осмотреться и понять, куда попал. Какую бы глупость ты по незнанию ни совершил, — маскарад все спишет и скроет среди своих безумств.

В такие дни томные монашки из печально знаменитого монастыря, обычно предающиеся своему служению под строгим присмотром анак-тотелестов, выходят на улицы, и многие добродетельные девы, юные жены и матери семейств, скрывшись под пестрым домино, стараются превзойти их в изощреннейшем разврате, столь милым сердцу мудрых покровителей города.

Хотя до вечера было еще далеко, а весной темнеет поздно, на улицах уже вовсю трещали факелы, на перекрестках дымным пламенем разгорались бочонки со смолой, и отчаянные чумазы и прокоптелые мальчишки на спор прыгали через гудящее пламя. Где-то глухо рокотали литавры, стонала волянка и тянул надрывную песнь монохорд. Улицы быстро заполнялись разряженным народом, глаза призывно блестели сквозь прорези масок, улыбки на пунцовых от вина и похоти губах выдавали ожидание стыдной радости и чувство удивительной легкости и свободы, которое иначе было бы невозможно испытать. Сегодня дуют все ветры, и в умах смятение.

Ист постоял неподалеку от ворот монастыря, но зайти внутрь не решился. Здесь начинаются чужие владения, туда открыт путь всем, кроме него. Девственные потаскушки в белых, алых и лимонных платьях выходили за ворота, направляясь в город. Цвет платья указывал, какую именно форму разврата предпочитает девственница. Лица красавиц были скрыты масками, но мыслей они скрыть не умели, Ист ощущал чувства каждой проходившей мимо блудницы: истеричную радость, подогретое вином оживление и вялые скудельные мысли, какие только и остаются у шлюх, занявшихся своим ремеслом в слишком юном возрасте. Кажется, если сорвать маску с любой монашенки на выбор, под черным шелком откроется лицо безнадежной идиотки с пустыми глазами, капризным ртом и струйкой слюны, стекающей по подбородку. Впрочем, Ист уже знал, что добрую половину послушниц ожидает в будущем дом скорби.

Ист развернулся и круто пошел прочь. Разумеется, здесь Роксаланы быть не могло. Теперь Ист ясно понял, что она имела в виду, признаваясь в ненависти и вражде ордену девственных блудниц. Всякой нормальной женщине проще иметь дело с законченной и прожженной проституткой, чем с таким невинным созданием.

По дороге к Исту не меньше десятка раз приставали разряженные девушки. Когда это оказывались окрестные крестьянки или меща-

ночки из предместий, ждущие легкого флирта или в крайнем случае тревожащего и притягательного любовного приключения, Ист отзывался на их заигрывания, произносил двусмысленные комплименты и, отшутившись, шел дальше. К истеричным призывам профессионалок Ист оставался глух, они не вызывали у него ничего, кроме тягостного недоумения и рвотного привкуса в горле.

В самом городе было не меньше полутысячи каменных домов, и по меньшей мере столько же в предместьях и окрестностях. Осмотреть все это за один день просто не представлялось возможным, но Ист продолжал бродить по переулкам и площадям, не оставляя надежды. Он проходил улицу за улицей, сворачивал в тупики, заглядывал в крошечные дворики, отмечая те дома, что были заперты и тихи. Ясно ведь, что Роксалана не станет принимать участия в играх. Потом, когда праздник пойдет на убыль, надо будет всего лишь еще раз обойти молчаливые дома. Те из них, в которых объявятся купеческие конторы и многодетные семьи, можно будет откинуть, и тогда останутся лишь те особняки, которые и в будни и в праздники живут жизнью скрытой от посторонних глаз.

В какое-то мгновение в голову Исту пришла шальная, недостойная мысль, что, быть может, все его построения не верны, и вовсе не потому Роксалана враждует с монастырем, что сама она добродетельна. Ведь он не знает о ней ров-

ным счетом ничего. Знает лишь, что она богата, а богатство так просто не дается. Знает, что были у нее счеты с храмом Гунгурда, а это тоже недоступно простому человеку.

Ист затряс головой, стараясь изгнать отвратительные рассуждения. В конце концов, учитель открыл, что в ее душе были страх и любовь, но не было обмана. А Хийси каждого человека видит насквозь, и он не станет лгать ни из ложной жалости, ни ради высокой цели. А то, что Роксалана... то есть Рита изменила свое имя, так сперва она не знала, насколько можно доверять Исту, а потом ей, должно быть, стало неловко признаваться...

Додумать мысль до конца Исту не дали.

На этот раз к нему пристала не искательница пикантных приключений и не одуревшая от разврата и листьев коки монашенка. Иста ухватил за руку мужчина, прекрасно одетый, завитой и напомаженный, в легкой маске, которая не скрывала лица, а лишь обводила большие карие глаза траурной каймой. Одет волоокский незнакомец был излишне тщательно, незаметно перейдя ту границу, за которой модная изысканность превращается в свою противоположность.

— Юноша,— проникновенно зарокотал он,— вы приезжий, не пытайтесь скрыть. Вы благородны, богаты, вы любимец фортуны в самом высоком смысле этого слова, но ваша любознательность выдает вас. Это не слова осужде-

ния, избави меня мудрый Нот! Город и праздник воистину достойны вашего благородного внимания! Но позвольте предупредить вас: для чистой юности здесь расставлено немало ловушек. Вы можете обмануться в своих ожиданиях и сохранить прескверные воспоминания об этом дивном празднике. Если вы согласитесь, я был бы счастлив стать вашим проводником в сладостном лабиринте весенних мистерий.

— Но я не собирался...

— Понимаю! — вскричал лощеный. — Понимаю и целиком поддерживаю! Эти потаскухи воистину омерзительны и могут отвратить от радостей любви даже метельщика, не говоря уже о человеке утонченном, ценителе прекрасного. Но я собираюсь предложить вам нечто иное. Никакой грязи, уверяю вас! Наслаждения, которые вам станут доступны, не имеют никакого отношения к вульгарной пошлости, клянусь бородой премудрого Нота!

Ист усмехнулся, вспомнив голую прыщавую мордочку бога, чьей бородой клялся чичисбей, и, развернувшись, хотел отойти в сторону. Однако лощеный совершил какое-то неуловимое движение и уже вновь стоял перед ним, проникновенно глядя коричневыми глазами, в которых светилось одно лишь искреннее желание услужить клиенту, облагодетельствовать его, пусть даже против воли.

— Вы можете провести вечер в обществе несовершеннолетних красавиц, которые никогда

в жизни не видели мужчины и даже не знают, что это такое! Понимаете? Никогда в жизни! Они покорны, послушны и прекрасно воспитаны. И сегодня вы сможете делать с ними все, что угодно, хотя бы это и запрещалось установлениями богов. Вы поразили меня в самое сердце своим благородством, так что ради вас я готов нарушить любую присягу и клятвенное обещание...

Ист задержался, пытаясь высвободиться из клейких объятий незнакомца. Тот не отпускал.

— Сегодняшний вечер не будет стоять вам ни обола...— журчал он.— Ведь сегодня карнавал, самый его пик!

— Я не хочу...

— Вы абсолютно правы... ваша бесподобная деликатность, истинная жантильность, в жизни я не встречал никого разумней вашей светлости! — захлебнулся восторгом самозванный гид.— но все же послушайте совета: не отвергайте моего предложения. Вас ждет тихая изящная музыка, ничуть не напоминающая терзающую слух какофонию улиц. Изысканная кухня и неповторимый аромат благородного общения умных людей...

Ист осторожно попытался проникнуть в мысли нежданного собеседника, и это удалось удивительно легко. Но там действительно не было ничего, кроме восторженного обожания клиента и желания угодить ему любым способом. Лощеный несомненно был сводником, но сводни-

ком странным, каких не знал ни один бордель мира. Неужели правда все то, что рассказывают о тайных наслаждениях монастыря девственных блудниц? Ист не верил.

— ...вы тот, кого я всю жизнь мечтал встретить. Такой человек, как вы, не может быть клиентом, я вижу в вас друга. Юноша, вы подлинное произведение искусства, и мне хотелось бы подобрать вам достойное обрамление. Как бы вы отнеслись к тому, чтобы провести пусть не весь вечер, но пару часов в одном из лучших особняков города, куда закрыт вход непосвященным и где...

Настойчивый собеседник безумно тяготил Иста, но избавиться от него не было никакой возможности, тот держался цепко, как репей. В лесу Ист просто свернул бы на одну из тайных троп, так что удивленному своднику почудилось бы, что Ист попросту бесследно растворился в воздухе. Но тут был город, с безжизненными булыжными мостовыми, не умеющими хранить память о прошедших по ним. В городе всюду была одна тропа — та, что заставляла кружить по городу. И эту тропу пронырливый служитель священного вертепа знал досконально, словно постель любой из своих нимфеток.

Положение складывалось не опасное, но абсолютно безвыходное и напроць дурацкое. Ист уже не вертел головой, ища путей к отступлению, а начинал серьезно подумывать, не стукнуть ли приятного собеседника по макушке, и

не сбежать ли, пока тот будет собирать рассыпанные чувства. Все-таки здесь не храм, и вряд ли это можно будет считать объявлением войны. Хотя, в любом случае, такой поступок не прибавит ему любви хозяев засахаренного молодчика. Очень не хотелось всякое дело начинать с побоища. И на этот раз Исту удалось избежать рукоприкладства. Словно день назад, на последнем уроке старого Хийси, Ист увидел дорогу. Два пути — верхний и нижний — оставались и здесь, распластанный по земле город не сумел затоптать их! Секунду Ист боролся с безумным видением, будто неотвязный анакготелест последует за ним по дороге богов и будет хватать за локоть, неумно льстить, упрашивать и унижаться, и придется бить его кулаком в чистый безмысленный лоб, чтобы честные карие глаза перестали смотреть на него с таким хищным обожанием.

Однако все обошлось. Ист шагнул на тропу и, еще стоя в городе, наблюдал, как замер на полуслове лощеный, как он таращит зенки, пытаясь осознать, что же произошло, и как, поняв в чем дело, с неслышным стоном вцепляется в скользкие напomaженные волосы и терзает их, калеча безукоризненную куафюру. В его жестах и лице сквозило такое неприкрытое отчаяние, что Ист в недоумении замер. Неужто все те слова, что говорил сводник — истинны?

Ист еще раз попытался проникнуть вглубь пустодельных мыслишек своего недавнего собесед-

ника. Теперь ему никто не мешал, и Ист почувствовал, что под налетом внешних благоглупостей лежит еще что-то, плотно и умело скрытое.

И только тогда Исту открылась тайная подоплека произошедшего.

Пора, наконец, забыть недавнюю спокойную жизнь. Он больше не мальчик Ист, неприметно живущий в берлоге старого Хийси. Он бог, и весть о том, что явился новый бог, уже, конечно, облетела и бессмертных, и их служителей. Можно представить, какие силы пришли в действие, какие планы строятся, какие завязываются интриги!.. Вряд ли его выследили, Хийси говорил, что это невозможно, но братья-ветры видели его возле источника, знают его истинный облик, который он не потрудился изменить, рассчитывая, что в Соломониках его никто не узнает. И, скорее всего, кто-то из мелких магов, служителей Нота и Зефира, признал неосторожного растяпу. Трудно сказать, что ждало бы Иста в тайном притоне, скорее всего, жрец не лгал, и все было бы именно так, как обещано, но шкодливые братья обрели бы над ним какую-то лишь им ведомую власть. «У них свои хитрости»,— учил Хийси, и этот урок не следует забывать. Хвала богам,— Ист усмехнулся неожиданной странности этих слов,— что на этот раз здравый смысл не подвел его. А то бы увяз коготок не пойми в чем,— и... прощай птаха.

Взламывать мысли мага Ист не стал, тот несомненно почувствовал бы, что с ним происхо-

дит. Ист всего лишь пожал плечами, повернулся к городу спиной и сделал второй шаг по тропе.

На этот раз Ист попал на тропу, ведущую вниз. Ист не выбирал ее специально, просто на нее оказалось легче шагнуть. И теперь он без тени колебания направился вперед. Все равно когда-нибудь туда придется сходить, хотя вряд ли судьба дарует ему там что-то вовсе неожиданное.

Идти было удивительно легко, то ли оттого, что Ист уже выдержал испытание, то ли потому, что под горку вообще катиться легче. Хотя и здесь дорога казалась прямой и единственно возможной. Мир точно так же свернулся в трубу, а потом раскрылся, явив полянку, дерево, родник и стража с кнутом из кожи гиппопотама. Ростом и фигурой Кебер был идеально схож с братом, одинаковы были и лица, и лишь волосы различали их. Кебер был белокур, а недлинная борода густо кудрявилась на щеках. Ист поздоровался и, не дожидаясь напоминания, отдал меч.

Источник меж корней дерева бил ровно и сильно, также плясали на дне песчинки и ползали закованные в собственные жилища ручейники. Ист коснулся воды пальцами... никакого эффекта, вода как вода, с виду чистая. Разумеется пить Ист не стал: тело эта водица, конечно, не сожжет, а вот душу...

— А что, пил кто-нибудь отсюда? — спросил Ист, повернувшись к стражу.

— Мокрида пила,— отвечивал тот.— Брюхо лечила.

— И как?

— Говорит, сладкая. А брюхо и впрямь прошло. Здешняя вода от ожогов хороша.

— А яблоки?

— Их многие ели и с собой уносили, людей кормить.— Кебер был нескрываемо обрадован, что гость разговаривает с ним на равных. Очевидно, стражу было очень скучно тысячелетиями торчать здесь в одиночестве.

— Сам-то их пробовал?

— А как же! С древа мудрости да не откусить!.. Вот только кислые они — оскома кишки сводит. Зато как разжуешь — легкость в мыслях появляется необычайная и начинаешь такое говорить, что и пьяному не померещится. И главное — все понимаешь, будто там смысл сокровенный лежит.

— Это как?

— Да попросту становится очевидным, что динамизация и секуляризация детерминируют вектор освобождения от апории ставшей фактором бурной пессимистической иррационалистской экспансии,— с готовностью отстрелил воин.

— Теперь — ясно...— протянул Ист.— Адиафорические и азоогенические науки! Я-то гадаю, откуда они берутся!.. А они возле источника лжи самостийно произрастают. Ты смотри, осторожнее с этой штукой.

— Да уж знаю. Ежели их переест — служба на ум не пойдет. Станешь исключительно акидопейрастикой интересоваться.

— Чем?.. — не удержался Ист.

— Наука такая. Повествует о приложении акупунктуры к диагностике.

— Боюсь, ты уже этой пакости переел, — покачал головой Ист.

— Никак нет! Службу помню.

— Ну, помни... — Ист склонился над источником. Там, в прозрачной, дивно чистой глубине четко, словно на картине придворного живописца, вырисовывались ворота. Вернее, не сами ворота, а лишь их отражение. Створки, сработанные из витого рыбьего зуба и мутно-прозрачного рога, вздымались к опрокинутому небу, очевидно ненужные здесь, поскольку стояли среди пустого места, и, существуя они не в воображении, а на самом деле, всякий мог бы обойти их хоть справа, хоть слева. Однако реальная поляна была пуста, лишь из источника дразнило изображение ворот — костяных и роговых в одно и то же время.

— Что это? — спросил Ист.

Кебер неспешно подошел, взглянул на ворота, скрытые лживыми глубинами, и сплюнул в родник.

— А бес его знает... Виднеется, а что — никто не ведает. Болтают всякое, да ты, небось, и сам подобные байки слышал. А я так скажу: на то он и источник лжи, чтобы показывать то,

чего нет. И долго в него смотреть тоже не надо. От этого ложные мнения появляются и большие фантазии.

Ист согласно кивнул и отвел взгляд от водной поверхности, под которой как бы подразумевалась ложная глубина. Фальшивые видения источника еще блазнили взгляд, и в первое мгновение Ист не сообразил, что на поляне, кроме него и Кебера, стоит еще один человек — девушка лет семнадцати. На ней был легкий праздничный наряд, странный и неожиданный, подходящий для танцев в блестящем обществе, а никак не для прогулок по лесным полянам. Девушка смотрела на Иста и улыбалась. Неожиданно для самого себя Ист отметил, что улыбка у незнакомки радостная и очень добрая. Девушка не казалась ни удивленной, ни испуганной, она глядела на Иста, как смотрят на старого друга, которого очень рады видеть. Это было тем более удивительно, что Ист совершенно твердо знал, что прежде они с юной красавицей не встречались.

Девушка порывисто шагнула вперед, на мгновение замялась, а потом решительно произнесла:

— Здравствуй, молодой бог. Меня зовут Амрита. Надеюсь, ты знаешь, кто я такая. Я хотела тебя видеть, и я тебя нашла. Я рада тебе, честное слово! Как я могу тебя называть?

Еще бы ему не знать, кто такая Амрита! Последняя из великих богинь, которую равно по-

читают во всем мире. Учитель, рассказывая о новых богах, частенько упоминал ее имя, повторяя, что из всех богов только трое по-настоящему могли бы померяться с ним силой — это Гунгурд, тяжкодумный Фран, который никогда и ни во что не вмешивается, и богиня любви Амрита. Недаром именно с Амритой договорился Хийси поставить стражей у источников, чтобы не случилось свар в обители богов. Вот, значит, какова Амрита... тысячелетия не оставили на ней следа. Хотя, так и должно быть, недаром во все времена и у всех народов покровительница любви юна и прекрасна. Должно же хоть что-то в людских представлениях оказаться правдой!

— Меня зовут Ист... — смущенно выдавил юноша.

Амрита звонко расхохоталась.

— Чудеса! — воскликнула она. — Мы стоим у источника лжи и при этом умудрились до сих пор не произнести ни одного слова неправды! В таком случае мне остается признаться, что ты мне нравишься. Можешь не верить, но это тоже правда.

Ист сдержанно поклонился. Он решительно не знал, как вести себя с сумасбродной богиней. Амрита оказалась вовсе не такой, как представлялось ему, когда Ист слушал рассказы, мифы и легенды множества народов.

Амрита решительно уселась на землю, опустила ноги в родник.

— Шустрый ты,— сообщила она.— Знаешь сколько я за тобой бегала? А здешняя вода и усталость умеет обманывать. Пусть ноги отдохнут, хоть и не по-настоящему, а все приятно.

Ист стоял, не зная, как себя вести.

— Да ты садись.— Богиня хлопнула ладонью по траве, совершенно тем же движением, как снегардские девчонки хлопали по скамье, разрешая знакомому парню присесть рядом.

Ист устроился поблизости, шагах в двух. Ноги, прямо как были, в несуществующих башмаках, он сунул в воду. Прикосновение родниковой струи было ласковым и совершенно не холодным. Неожиданно Ист сообразил, что богиню его призрачный наряд ну никак не может обмануть... И хотя он понимал, что богиня видывала и не такое, но чувство неловкости залило его лицо пунцовым цветом. Ист наклонился, пытаясь прикрыться от понимающего взгляда Амриты.

— Все-таки, ты еще почти человек,— нежно произнесла богиня.— Не бойся, здесь источник лжи, здесь можно обмануть даже бога. Я ничего не вижу. Жаль, что в этой малости ты все-таки обманываешь меня, но я не в обиде. Любовь — это всегда немножко обман, любящий знает, что его подруга вовсе не тот ангел, что представляется ему, но он хочет обмануться, и он обманывается. Если тебе стыдно быть со мной самим собою, то мы будем встречаться только здесь. Правда, тут нельзя говорить о

делах, а делать это нам придется. Жирномордый Гунгурд готов сожрать тебя живьем.

— Подавится,— многообещающе протянул Ист.

— Возможно,— уклончиво согласилась Амрита.— Я не знаю пределов твоей силы, хотя уже все бессмертные слышали, как ты поднимался по небесной тропе. Однако помни, что бессмертного все равно можно убить, а Гунгурд — великий мастер убивать. Я бы не хотела видеть тебя мертвым.

Одним неувловимым движением девушка скинула платье и, разбрызгивая солнечные искры, упала в родниковую ванну. Поднялась, дразняще и насмешливо глядя на Иста, ладонями провела от груди к бедрам, сгоняя капли лживой воды. Ист замер, стараясь смотреть только в лицо Амрите, не видеть божественно-молодого тела.

— Ты прелесть! — засмеялась богиня.— И я люблю тебя. Я влюбилась в тебя с первой минуты. Ты ведь не осуждаешь меня за это? Я Амрита, я не умею иначе.

— Как я могу... осуждать,— выдавил Ист.— Только... ты тоже не сердись, великая, но у меня есть любимая женщина.

— И только-то? — Казалось Амрита ничуть не была огорчена.— Неужели ты думаешь, что я могу ревновать к какой-то женщине? Мне больно огорчать тебя, мальчик, но ведь твоя любимая смертна. Нет-нет, я не знаю, кто она, но почему-то думаю, что вряд ли ты влюблен в

Мокриду. Люби свою красавицу, а с тобой мы будем друзьями. А потом я постараюсь помочь тебе, когда ты обнаружишь, что смертная женщина через двадцать лет совсем не та, что была в юности.

— Не надо,— тихо попросил Ист.— Лучше оденься, а то Кебер смотрит.

Амрита порывисто шагнула вперед, наклонившись обхватила ладонями голову сидящего Иста, прижала к своей груди.

— Спасибо, милый,— жарко шепнула она.— Если б ты знал, как я благодарна тебе за эти последние слова, хотя Кебер и не пытается подглядывать за нами, и не потому, что знает свое место, а просто, такой он человек. Но ты ведь на самом деле думал обо мне.

— Не надо,— повторил Ист, беспомощно стараясь отодвинуть лицо от девичьей груди, прижатой к самым его губам.

Он уже не надеялся, что страстная богиня отпустит его добром, но Амрита неожиданно отшагнула назад и прошептала совсем иным, успокаивающим тоном:

— Ну что ты, вот, гляди, я уже одеваюсь.

Легкомысленное платье, сброшенное минуту назад, словно само собой облекло фигуру бессмертной. Подол сразу намок в ручье, ткань потемнела. Отражение ворот задрожало, размазанное прикосновением ткани.

— Не обижайся,— вдруг попросила Амрита, хотя Исту казалось, что это отвергнутой боги-

не впору чувствовать себя оскорбленной.— Просто не думай, о том, что я тут наболтала. Я говорила искренне, но ведь здесь источник лжи, а мне так хотелось обмануться.

— Ты прямо на воротах стоишь,— произнес Ист, чтобы сказать хоть что-то.

— Пусть,— Амрита небрежно махнула рукой.— Я часто тут купаюсь и иногда мне кажется, что ворота сейчас распахнутся, и я проваляюсь туда. Хотя это тоже ложь, ворота не откроются.

— Тогда зачем они там?

Амрита, расплескав отражение, шагнула к другому берегу криницы, села так, чтобы можно было глядеть Исту в глаза.

— Ты хочешь правду или сладкую сказку о загробном мире, покорном богам? Этих сказок много, и все они родились здесь.

— Сказки я слышал там,— Ист кивнул в сторону тропы.

— Значит, здесь,— последнее слово богиня произнесла особым тоном,— ты надеешься узнать истину? Хорошо. Одна капля правды на океан сладкого обмана. Она придаст океану горчинку, пикантность, без которой нельзя настоящему радоваться жизни. Ложь без примеси горькой правды кажется слащавой и неубедительной. Ну так узнай горькую правду: там ничего нет! Люди умирают навсегда, и боги тоже навсегда умирают. Над ручьем нет дверей, никто и никогда не уходил туда. Жизнь только

тут, другой не будет. Ты не ожидал такого, молодой бог? Не предполагал, что именно здесь найдешь истину, способную перевернуть мироздание? Но если вдуматься, то так и должно быть. Иначе жизнь потеряет смысл, ненужной станет месть и ненависть, пропадет счастье и любовь. Всякое чувство ничто, если его длить вечно. Только сейчас, когда я знаю, что ни единого мгновения нельзя прожить заново, я могу любить по-настоящему, однажды и на всю единственную жизнь. Теперь ты мне веришь?

— Я тебе верю,— Ист отрицательно качнул головой,— только многого ли стоит вера, родившаяся здесь?

Оказывается, Амрита умела замечательно смеяться, весело и без малейшей фальши. Никто из магов так не умел, тайные мысли отравляли смех.

— Ты забавник! — отсмеявшись, воскликнула богиня и тут же, посерьезнев, спросила: — Это ничего, что я так о тебе?

— Ну что ты.

Амрита поднялась, перешла ручей.

— Я пойду,— сообщила она, словно самой себе.— Закачусь сейчас в какой-нибудь город побогаче, в самый шумный трактир, и такое там устрою! Влюблю в себя всех без разбора — и пусть мучаются. Что же мне — одной страдать?

— Прости. Я не хотел,— повинился Ист.

— Да, я знаю. Я знаю больше, чем тебе кажется. Думаешь я отпустила бы тебя так про-

сто? Но я ведь вижу, что ты на самом деле любишь свою смертную. А я не была бы богиней любви, если бы умела убивать чужую любовь.— Амрита наклонилась ко все еще сидящему Исту и доверительно мурлыкнула: — Это мой большой недостаток.

Ист поспешно поднялся, но Амрита уже не пыталась обнимать его. Она всего лишь протянула невесть откуда взявшуюся скорлупку каури:

— Если я тебе понадобится, зажми ее в кулаке и шепни мое имя. Я услышу.

— Это для смертных,— возразил Ист.— Я сумею позвать тебя и так.

— Боишься, что я тебя выслежу? — Богиня ничуть не была обескуражена.— Но ведь ты влюблен, и значит, все равно чуть-чуть мой. Пока ты по-настоящему любишь, мне будет не трудно найти тебя. А если вдруг на твою долю выпадет разочарование, то, я надеюсь, ты вспомнишь сумасбродную девчонку, которой выпал случай влюбиться в тебя здесь, где самые искренние слова все равно оказываются ложью.

— Я не умею бояться.— Ист протянул руку, белоснежная ракушка легла в его ладонь. Амрита прощально улыбнулась, ступила на тропу.

— Только ничего мне не обещай!

— Не буду,— пообещал Ист.

Глава шестая ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

омой Торп возвращаться не стал — что там делать, в бывшем доме? — а пошел напрямик через Стылую Прорву, направляясь во вражеский Ансир. Ему и прежде приходилось хаживать по считавшемуся непроходимым болоту, в Ансире можно было легко продать незаконно добытую куницу или бобра, а потом потратить денежки в кабаке или в постели у сдобной вдовицы. Однако на этот раз он не задержался во владениях повелителя огня, а быстренько перебрался в вольный Хольмгард, где, нанявшись гребцом, переправился через пролив в знаменитый своими винами Монстрель. Не хотелось оставаться в северных краях, где в любую минуту скверный случай мог свести с бывшим повелителем. Неважно, что лесной дух снял с него княжий ошейник, для

дер Наста Торп отныне дезертир, и их первая встреча несомненно станет для беглого мужика последней.

Неделю Торп батрачил на сборе винограда, потом сумел сговориться с мельником и нанялся в работники. Не так это было и трудно — сговориться; что мукомол, что кузнец — все люди прóклятые, якшающиеся с черной механической силой. Люди богобоязненные таких мест сторонятся. Кто на мельнице без дела час проведет, тот разом тридцать три греха на душу принимает. Те мужики, что позажиточней, старались сами на мельнице не появляться, просили, чтобы за хлебом приезжал работник, и муку по амбарам тоже развозил специальный человек. Эту несложную работу мельник и поручил исполнять пришлому батраку.

Торпу на мельнице понравилось: место неуютное, почти как дома. Вода журчала в коузах, падая на колесо, постукивала крупорушка, бегуны шуршали и поскрипывали о поставы. Звуки все дельные, а пустой болботни кругом не водится, не с кем язык мозолить. Постепенно Торп приобвык к неумолчному машинному разговору, как до этого был привычен к шепотливой лесной тишине. Понемногу и к мельнице стал руки прикладывать. Жернова старался не трогать, а по деревянной части — все мог, даже шестерню вырезать из светлой дубовой древесины. Старый Пехле

одобрительно поглядывал на молчаливого работника и как-то даже обмолвился, что будь у него дочка...

Все бы хорошо, но по ночам Торпа то и дело душило воспоминание о железном подарке кёнига. Душило в буквальном смысле слова, стягивая шею и не давая продохнуть. Торп крепился, обматывал горло вязанной шалюшкой, растирал бобровым салом — ничто не помогало, ночи обратились в сплошной кошмар. Подумывал уже к знахарке идти, но все не выпадало случая. А потом и не нужно стало — сам узнал причину беды.

Подошла весна, и ночи стояли светлые, почти как в родных краях. Может, это и помогло проснуться, когда на уставшего Торпа напал очередной кошмар. Торп захрипел, забился и открыл глаза. Маленький человечек в потрепанном камзольце немедленно отпустил Торпа и скакнул в сторону.

— Тебе кто позволил? — пискляво закричал он. — Спи немедленно!

— Эх ты!.. — просипел Торп, держась за истерзанную шею. — Я тебе всякой еды оставлял, а ты душить. Такого среди домовых не водится. Совести у тебя нет.

— Какой я тебе домовый! — Коротышка затопал ногами и замахнулся на Торпа выхваченной откуда-то палкой. Не бывает на свете домовых, суеверие это! Я великий волхв, маг и ворожей Сатар!

— Ежели ты волхв,— сказал Торп, прикидывая, чем бы запустить в незваного гостя,— то что тебе за дело до моего кадыка?

— Как это нету дела? Тебе что велено было? Счастья искать! А ты что вытворяешь? На поганой мельнице засел и в ус не дуешь! Только от меня не скроешься, я все знаю, мне каждый шепоток слышен. Да будь моя воля, я бы тебя давно удушил. Хитрый какой, под жерны заполз, думаешь тебя тут никто не достанет?

Торп оставил мысль ушибить обидчика, просто сидел всклооченный, привычно растирал больную шею, разглядывал злобного карлика. Гном, что ли? Или эльф? Уши, вон, что у лисицы. Кто ж знал, что такие тут водятся? В родных местах ничего похожего Торпу не попадалось. Иной раз мелькнет шишига, или кикимора выползет на тропу. А чтобы в дом впереться, это только шуршавчики могли. Так они ж безобидные, шуршавчики-то...

— Так, значит, тебя Хийси послал?

— Меня никто не посылал! — задохнулся гневом карлик.— Я великий чародей, а не мальчишка! А из-за тебя должен бродить здесь, где моя сила вянет. Чтоб завтра тебя здесь не было! — Великий кроха Сатар вновь замахнулся палкой, и на этот раз Торп понял, что в руках у гнома не просто клюка, а витой посох мага. Неужто — действительно колдун?

— Уйду я,— сдался Торп.— Соберусь и завтра уйду.

— Сегодня!

— Хорошо, сегодня. Вообще отсюда уйду. Во Францию подамся или, вот, Монстрель тут не подалеку.

Сатар злобно засмеялся и по-мышьиному юркнул в сено.

* * *

Медное зеркало, начищенное до нестерпимого сияния, такое, что в жаркий день пускает отраженный луч на тысячу шагов, стояло на столе. В металлической глубине зелеными сполохами играло пламя свечи. Ясное зеркало, правдивое. Медь не станет лгать, она не приукрасит правду подобно серебру, не промолчит заносчиво, как золото, не ускользнет от вопроса, как умеет ускользать бегучая ртуть. Зеркало предков, в которое смотрелись красавицы Вавилон и Ниневии, а перед ним тонкая свеча из воска диких пчел.

— Зеркало, скажи, где мой любимый, куда ушел от меня?

Гладкая медь молчит. Она может найти любого человека, живого или мертвого, но тот, о ком спрашивает хозяйка,— не простой человек, и он закрыт от всякого, вздумавшего наблюдать за ним. От кого он скрывается, от врагов или от страдающей хозяйки волшебного зеркальца? Скажи, честная медь!

Зеркало молчит.

Роксалана толчком отодвинула волшебную вещицу, со стоном опустила голову на руки. Все напрасно, не помогло даже гадание, к которому так не хотелось прибегать. Что же делать? Охотница попала в собственный капкан, и теперь хоть свою душу рви зубами, лишь бы освободиться от нестерпимой тяжести в сердце. Что с ним? Быть может, он в беде? Гунгурд не простит оскорбителя. А тут еще этот учитель... Ни один из великих магов, ни тем более богов ничего не станет делать просто так. Значит, мальчик зачем-то нужен. Что они вытворяют с тобой, Исти?

Ни малейшего шороха не раздалось в комнате, но что-то заставило Роксалану выпрямиться и быстро оглянуться. Сзади стояла укутанная в темное покрывало женщина.

— Слушаю, госпожа,— Роксалана согнула в поклоне гордую шею.

— Я вижу, ты занялась гаданием,— усмехнулась гостья.

— Иногда это приходится делать.

— От тебя кто-то сумел уйти?

— Нет, госпожа, такое было лишь однажды, но то был повелитель мечей дер Наст, а сейчас встречается одна мелочь. Жить становится скучно, госпожа.

— А куда подевалась твоя помощница?

— Вы говорите о Линте? Она никогда не была помощницей, а недавно совершила кряду две грубых ошибки, упустив верную добычу и

заставив меня взяться за зеркало. Линты больше нет. Да она и не умела ничего, в ней только и было, что нюх на деньги. Не стоит о ней жалеть.

— И все-таки, за кем ты так страстно охотишься?

— Пустяки, мелкий деревенский колдун. Меня просто взяла обида, и я решила во что бы то ни стало отыскать его. Соломоники старый город, но в его домах не встретить толкового привидения. Пусть появится хоть одно.

— Ты всегда была охоча до деревенских мальчиков. Боюсь, однако, что тебе придется оставить на время твоего пастушка. У меня есть для тебя настоящая работа. Впрочем, утешься, это тоже деревенский мальчик. Только учти, тебе не удастся набить из него чучело, он нужен мне целым. Мальчик влюблен в какую-то дуреху, влюблен настолько, что умудрился отказать мне. Ты должна осторожненько раздавить эту любовь, закружить парня, а потом бросить, не слишком разочаровав в жизни. Понимаешь? За утешением он должен прийти ко мне. Впрочем, не мне тебя учить.

— Да, госпожа, я знаю свою работу.

— И повторяю, не вздумай коснуться его магии, она тебе не по зубам. Мальчик нужен мне целеньким.

— Я должна буду с ним переспать? — В голосе ведьмы промелькнуло нечто, заставившее Амриту удивленно приподнять бровь.

— С каких пор тебя волнуют такие мелочи? Это я оставляю на твое усмотрение. Мне ни к чему его невинность, мне нужна его магия.

— Я все поняла, госпожа. Где я найду его?

— Если бы я знала...— в голосе богини проскользнуло что-то похожее на растерянность.— Его любимая живет здесь, в Соломониках, но о ней я тоже ничего не могу сказать. Будем надеяться, что она не имеет отношения к храму.

— Мне не впервой сталкиваться с храмами, госпожа.

— Да уж, знаю. Кстати, как-нибудь расскажешь, что стряслось в Норгае. Чует мое сердце, там не обошлось без твоих нежных ручек.

— Не без того, госпожа. Но я вышла из последней истории чистой. Меня никто ни в чем не подозревает.

— Что-то мне кажется, ты стала слишком самостоятельной. Впрочем, об этом после. Сейчас ты должна найти пастушонка и его девку. Запомни его хорошенько, чтобы узнать сразу, едва увидишь.

— Да...— Роксалана покачнулась, словно обмотанная тряпками булава рухнула ей на затылок.

— Эй, что с тобой? — Амрита шагнула вперед.— Ты меня слышишь?

— Простите, госпожа. Просто слишком яркий образ. Я не успела сосредоточиться.

— Ну смотри.— Укутанная в покрывало фигура заколебалась, готовая исчезнуть.— Ищи как

следует и помни, ты не Линта, у тебя не появится случая сделать две ошибки кряду.

— Да, госпожа. Я помню.

Видение богини медленно растаяло, а Роксалана еще долго стояла, уронив бессильные руки. Медное вавилонское зеркало тускло поблескивало на столе. Спрашивать его было незачем.

* * *

Прежде всего, надо было найти место, где можно безопасно жить. Сам Ист спокойно уснул бы под любой корягой, но Роксалана явно привыкла к комфорту, ее в лес не приведешь. И покуда в Соломониках догуливал свое безумный карнавал, Ист вновь отправился в Норгай. Выбор был прост: раз Роксалана жила здесь, значит, город ей нравится. К тому же молодому богу вторгнуться в город — значит поссориться с его покровителем, а то и вовсе попасть в зависимость от него. Этого Ист никак не хотел и, ожегшись в Соломониках, решил действовать наверняка. Все равно громовержец Гунгурд не простит мальчишку, значит, с ним можно не церемониться. К тому же за Норгай злой бог не станет слишком крепко держаться, ведь храм разрушен, и сам Гунгурд говорил, что его уже не восстановить.

В Норгае Иста ждал неприятный сюрприз. Казалось бы, что может измениться за три дня, однако, изменения случились. Как и прежде в городе пахло краской и влажной штукатуркой, но рабочих на лесах почти не было видно. Зато чер-

ные от дыма стены храма были как муравьями облеплены трудящимся народом. Чудилось, будто весь город, позабыв о собственных делах, бежался поднимать пострадавший от пожара храм. А по ночам городские кварталы обходили не просто привычные караулы. Во главе каждого патруля кошащей поступью двигался храмовый служитель в коротком кафтане, круглой стальной шапочке и с кривым клинком на поясе. По всему было видно, что храм помирать не собирался.

Помрачневший Ист направился к мастерским, сгрудившимся на далеких окраинах. Здесь тоже царило оживление. Хибары кузнецов, ткачей и красильщиков не тронул ни огонь, ни вражеская рука, однако, было видно, что весь мастеровой люд согнан на работы. Над кузнечной слободой расстился дым, drobный перестук молотов терзал слух. Но не было видно оживленных лиц, какие бывают у людей, получивших большой заказ. Не нужно быть волшебником, чтобы понять — работа идет подневольная, не за совесть, не за деньги, а всего лишь за страх.

В мрачной безрадостной толпе трудового люда особо выделялись праздные фигуры соглядатаев. Они как бы ни во что не вмешивались, но их гнетущее присутствие ощущалось каждую минуту. Серые, неприметные людишки, не маги, не служители, не воины... Шпионы. Храм ненавидел городские предместья и боялся их, но уже не мог без них обойтись и потому следил за ними пристально и ревниво.

Мгновение Ист колебался, затем, неприметно для посторонних глаз, вернул себе настоящий облик и решительно направился к знакомой мастерской, где не так давно чинил меч Гунгурда, еще не зная, чем закончится поход в храм.

Кузнец узнал Иста с первого взгляда, да и трудно было бы не узнать человека из-за которого в медной бороде владельца мастерской прибавилось немало серебра. Вместе со всеми жителями славного Норгая ходил мастер смотреть на своего знакомого, заключенного в волшебный кристалл. Как и все в городе, слушал передаваемые шепотом невероятные рассказы об освобождении пленника, доходили до него и фантастические домыслы, всевозможные предположения: кем бы мог быть неведомый юноша. Говорили, что это юный Жель — бог покровитель стад, наказанный старшим братом, болтали о могучем чародее, вздумавшем низвергнуть богов, выдумывали еще невесть что. Кузнец слушал, тряс головой и молчал, хотя ему было чем взбудоражить любопытство соседей. Однако и в бреду не вздумал бы умный коваль болтать на запретную тему, а, слушая чужие измышления, истово мечтал, чтобы впредь боги, колдуны и прочие, недобрые к мастеровому люду, повелители обходили стороной его дом и весь город Норгай.

Бессильно стукнув, опустил молот. Мастер разжал клещи и выпрямился. Железная поло-

са, из которой надлежало творить фрагмент узорной решетки, чернела на наковальне, теряя жар. Кузнец ждал, безучастно глядя на подходящего Иста, и так же терпеливо ожидал молотобоец, испробовавший в прошлый раз силу Истовой руки.

— Добрый день, мастер! — поздоровался Ист, шагнув под навес.

— Здравствуй и ты.— Кузнец, видимо, решил не отказываться от старого знакомства, тем более, что человечиска неумело переодетый в рабочее и бездельно ошивавшийся поблизости, тихо отлепился от забора и, съезжившись, заспешил по проулку. Терять было нечего, и кузнец спросил, глядя в глаза пришельцу: — Все-таки решил сжить меня со света? Ну давай, чародей, говори, зачем явился?

— Хочу спросить: ты так и будешь гнуть спину перед бездельниками, умеющими только жрать чужое? Если храм столь могуч, как это говорят, почему он сам не кует украшения своих стен и оружие своих воинов? А если он не может обойтись без тебя, почему ты, выходя в город, должен рисовать на щеках черные полосы в знак того, что ты как бы и не человек, а чудище, проклятое богами?

Бугристая рука, сжимавшая клещи, напряглась, однако кузнец промолчал.

— В прошлый раз ты говорил, что тебе не за что любить богов, так почему же ты работаешь на них? — настаивал Ист.

— Стража уже спешит сюда,— глухо промолвил кузнец.— Я верю, что ты расшвыряешь их голыми руками и уйдешь, а мне уходить некуда. У меня семеро детей, и минуту назад, заговорив со мной, ты убил их всех.

— Их убил ты, когда впервые начертал на своем лице позорные знаки! А я хочу спасти их для новой жизни.

— Спаси сначала свою жизнь,— угрюмо усмехнулся кузнец, кивнув в конец улицы. Там, дружно пыля сапогами, бежали с полдесятка стражников из поспешно набранной городской гвардии и несколько храмовых смотрителей, прежде надзиравших за ходом работ.

Ист повернулся к вооруженным людям, поднял руку.

— Вы мне мешаете,— произнес он.— Я хочу говорить с этим человеком без вас.

Бегущие остановились, с недоумением глядя на Иста.

— Как ты думаешь,— спросил Ист кузнеца,— к какому делу их приспособить?

— Они ни к какому делу не способны,— беспешанно отозвался кузнец, успевший сообразить, что перед ним творится неведомое волшебство, и, значит, караульные в драку не полезут.— Это же говно, а не люди.

— Ну тогда...— Ист на секунду задумался,— одолжите бочки у городских золотарей и вычистите все выпребные ямы в слободе. Когда выполните, доложите вот ему, а он укажет,

что вам делать дальше.— Ист указал на кузнеца, который со злобным весельем внимал крамольным речам.

Стражники послушно развернулись и молча поспешили в сторону городской свалки, возле которой искони обитали золотари, крючники и прочая норгайская сволочь.

— Ты кто? — спросил кузнец, когда взгляд Иста вновь коснулся его.

— Я человек.

— То, что ты делаешь, под силу только богу.

— Вот что...— Ист шагнул ближе.— Слушай и запоминай. Нет на свете никаких богов, есть лишь обманщики, присвоившие это имя. И есть прогресс, который рано или поздно отменит всех богов. А вы все, мастеровые люди — служители прогресса. Вы вращаете колеса, куете металл, рубите корабли. На вас держится мир, а они пытаются вогнать вас в ничтожество. Вон храм Гунгурда — почему вы позволили ему придавить весь город? Гоните их прочь!

Кузнец слушал молча, лицо его было темно. За спиной хозяина сопел молотобоец, и сразу было видно, что этот парень пойдет за своим мастером, куда прикажут, и станет делать, что велят. Год за годом бить тяжелой кувалдой вслед за молотком хозяина, не рассуждая, зная лишь одно — хозяин лучше понимает, как сковать вещь; такое не проходит даром. И так ли велика разница между фанатиком, бьющим

поклоны в храме, и этим парнем, слепо верящим, что мастер знает куда надо бить?

Ист вскинул голову, отгоняя несвоевременную мысль, и в этот момент кузнец повернулся к подмастерью и приказал:

— Беги по слободе, собирай народ. Будут спрашивать: «Зачем?» — отвечай: «Истинное слово есть».

Парень прислонил молот к стене и побежал, загребая башмаками пыль.

Весть о возмущении кузнечной слободы облетела город в полчаса. Причем рассказы были изукрашены такими подробностями, что в них никто не поверил бы, если бы городские обыватели самолично не увидали гвардейский патруль и храмовых надзирателей дружно катящих парашную бочку через центр города к мятежной слободе. На расспросы добровольные золотари не отвечали и лишь сопели от усердия. Тут уж приходилось верить в любую чертовщину, и когда слухи донесли, что возмущенная толпа направилась к храму, город обуяла паника.

Храмовую дружину мастерские встретили почти у самых стен. Ист, идущий в центре толпы, издали учуял, что на этот раз к ним приближаются не просто воины. Все волшебники, что еще остались в храме, сейчас были здесь. И вновь, как всегда, впереди шагал верховный жрец с витым посохом в руках. Две смерти за полгода ничему не научили твердолобых жре-

цов: раз в канонах записано, что верховный идет в бой впереди всех, то верховный будет идти первым, хотя бы это и стоило ему жизни. Гунгурд — бог-воитель, он не потерпит уклоняющихся от сражения.

Вот только на этот раз впереди отряда был не старый Протт, умевший повелевать стихиями, и даже не богохранимый Кайрус, убитый злым северным магом. Новый первосвященник хотя и был чародеем, но не мог и сотой доли того, что умели его предшественники. Слишком большие потери понес храм во время двух великих разорений. И все-таки это была сила. Люди остановились, кто-то попытался.

Ист, борясь с желанием достать меч, шагнул вперед, протянул руку с раскрытой ладонью, требовательно произнес:

— Дай сюда!

Ничего не скажешь, даже этот жрец был недурным воином. Вместо того, чтобы покориться приказу, он попытался ударить. Человека он, конечно, сумел бы достать, но Ист легко уклонился от неповоротливого жезла, а потом вырвал символ верховной власти из ладони противника.

— Кому сказано — дай!

Небрежным движением, каким крестьянин ломает хворост на костер, Ист переломил витой скипетр о колено и зашвырнул обломки далеко в поле. По толпе прошел единый мно-

гогрудый вздох. Кажется, равно напуганы были и храмовые служители, и их противники. Однако бунтовщики опомнились раньше. Из толпы вылетел пущенный меткой рукой булыжник, и верховный жрец упал с расколотой головой.

Этой единственной смерти хватило, чтобы окончательно сломить дружину, идущую за легкой победой. Служители бежали, побросав ритуальное оружие. Кто-то из мастеровых кинулся было вдогонку, но Ист остановил самых горячих, и толпа вновь направилась к храму.

Бронзовые ворота оказались заперты, но, конечно, не смогли удержать людей. В храме Ист наконец вырвал из ниоткуда меч, и вновь, как когда-то, засветились остальные одиннадцать клинков Гунгурда.

Ист понимал — еще минута и люди, собравшиеся вокруг, попадают на колени, поэтому он немедленно двинулся к алтарю, смахнул на пол загоревшее железо и громко приказал:

— В переплавку! На гвозди пустить. Хватит, навоевались!

Затем, видя, что никто не решается коснуться пылающих мечей, спрятал свое оружие. Сияние вокруг мечей немедленно потухло.

Знакомый кузнец снял кожаный фартук, сложил его вчетверо, собрал мечи в охапку, перетянул поверх сложенным фартуком и, поднатужась, взвалил железную вязанку на спину.

— Сделаю в лучшем виде! — пообещал он и, тяжело ступая, вышел из храма.

Толпа с шумом растекалась по закоулкам бывшей святыни. От города алчно бежали опоздавшие. Начинался грабеж.

Секунду Ист раздумывал, надо ли вмешаться и останавливать бессмысленный разгул, а потом махнул рукой и исчез так, чтобы этого никто не заметил. Жаль, что прекрасное здание сейчас превратится в развалины, но если оставить его целым, то через год здесь будет храм бога Иста. Меньше всего Исту хотелось становиться в людских глазах каким-то там богом. Крепко помнились слова Хийси: «Бог — тот же человек, только поганей...»

Уходя, Ист видел, как над городом появляются думы, словно викинги дер Насти снова высадились у портовых причалов. Нескоро успокоится славный Норгай, нескоро Роксалана сможет вернуться в свой разграбленный дом. Остается утешаться тем, что Гунгурд сюда тоже больше не вернется. Ты хотел войны, рыжебородый бог? Ты ее получишь.

* * *

Значит, он жив. Он на свободе и ищет ее. Он даже был здесь, совсем рядом. Он знает, что она в Соломониках, и придет сюда снова. Одна беда, теперь по ее вине Истом заинтересовались бессмертные. Роксалана пристально оглядела стены потайной комнаты, где она раз-

говаривала с богиней. Что ж, значит она выступает против бессмертных богов. Рано или поздно это должно было случиться.

Бронзовый таз наполнился родниковой водой, палочки бесценного сандала закурились по восьми сторонам света. Бегучая вода символизирует время, а остановившаяся означает прошлое. Недаром стоячие болота есть средоточие всего древнего.

— Дух былых времен, тебя зову!..— Никто из живущих магов не владел этим заклятием, да вряд ли и боги знали его.

Вода застыла, обратившись в окно, за которым Роксалана увидела святилище Гунгурда, нескрушимый кристалл слез, заключивший Иста, и себя саму, бьющуюся о ледяную поверхность. Вот она уходит... о боги, как тянется время... сейчас появится Учитель... Изображение разом исчезло, словно кто-то ударил по тазу ладонью. Вода, взбурлив, плеснула Роксалане к лицу.

Чародейка ничуть не была обескуражена. Это только кажется, что колдовство не удалось, на самом деле она узнала если не все, то самое важное. В храм вошел не просто волшебник, а кто-то из бессмертных богов, и человеческое волшебство сгнуло, не сумев показать его облик. Вот только, кто из богов осмелился войти в храм бога-воителя? Ведь это объявление войны... Жаль, что бессмертные не делятся планами даже с ближайшими помощниками. Может быть, война уже началась, и люди

просто до поры ничего не знают? Надо проверить, что произошло в мире.

Новые талисманы легли на стол, забормотали, загукали на разные голоса. Роксалана слушала, стараясь среди отзвуков чужой беды найти подтверждение начавшейся на небесах свары. Потом смела умолкшие талисманы прочь. Ничего серьезного, лишь в бесконечно далеком Раджпуре землетрясение разрушило капище местного божка, какого-то обезьяньего царя. Но не обезьяний же царь поднял руку на всемогущего Гунгурда!

Перламутровый веер очертил круг на стене. Сквозь открывшееся отверстие Роксалана смогла увидеть внутренность плетеной хижины и скуластого человека, безмолвно сидящего на циновках.

— Приветствую тебя, Жен,— позвала Роксалана.

Желтокожий колдун не ответил, казалось, он был полностью погружен в себя.

— Как поживает твой хозяин? — спросила Роксалана, ничуть не обеспокоенная холодным приемом.

— Как всегда,— не открывая глаз, произнес маг.

— Я долго не занималась делами и теперь хочу знать: что творится в мире?

— Как всегда. Творится мир.

— Жен, ты случайно не знаешь, кто такой обезьяний царь?

Желтокожий прервал медитацию и приоткрыл один глаз.

— Я полагаю, это повелитель макак и мартышек.

— Спасибо, Жен. Как всегда, ты мне очень помог.

Легким движением Роксалана закрыла проход. Вот и еще кое-что выяснилось. Сонный господин премудрого Жена не имеет к происходящему никакого отношения, иначе Жен не был бы столь благодушен. А обезьяний бог, чье святилище уничтожила катастрофа, скорей всего, просто фантом. В мире много храмов несуществующим богам. Хотя никто не знает наверняка, сколько в мире богов и каковы они.

Оставалась еще одна возможность. В минуту Роксалана собралась и вышла на улицу.

Знаменитый карнавал в Соломониках клонился к концу. Уже не было сил предаваться разврату или просто веселиться. Народ устало расползлся по домам, лица у всех были серые и одутловатые. Пьяные и нанюхавшиеся датуры валялись вдоль стен. Утренний ветер перегонял по брусчатке конфетти и ленты серпантина. Казалось, у всего города болит голова. Это был лучший час для охоты, когда никому нет дела ни до кого, час, когда ослабевает самая изощренная защита.

Среди редких прохожих Роксалана безошибочно выбрала парня лет двадцати в желтой

крылатке и птичьей маске, поднятой на лоб. Казалось, он ничем не отличается от остальных искателей приключений, но усталость на мгновение заставила его приоткрыться, и колдунья успела понять, что перед ней один из служителей монастыря, к тому же владеющий основами волшебства. Именно такая добыча и была в эту минуту нужна ведьме. Роксалана подошла к парню, жестом, никого не удивившим в этот час, положила руку ему на плечо:

— Идем, мальчик.

Как ни был истощен и опустошен служитель развратных девственников, но от этого прикосновения он задрожал и покорно пошел следом за охотницей. Роксалана, не оглядываясь на затенетанного парня, вернулась в дом. Парень заворуженно шел следом. Окованная дверь захлопнулась за ними, отрезав зарождающийся снаружи день. Роксалана поднялась в потайную комнату, медленно повернулась к ждущему парню, обхватила руками его голову и поцеловала долгим холодным поцелуем.

— Рассказывай,— приказала она, когда губы наконец разомкнулись.

— Слушаю, госпожа,— невыразительно произнес служитель.

— Что нового в монастыре? Каковы распоряжения высокого синклита?

— Нам не позволено рассказывать об этом никому.

— Я и не прошу, чтобы ты рассказывал кому-то. Ты расскажешь только мне.

— Хорошо, госпожа.— Юнец уже ничего не соображал и, словно укушенная пауком муха, не мог даже биться.— Всем анактотелестам приказано искать какого-то молодого человека. Нас предупредили, что он искушен в колдовстве, и брать его силой бесполезно. Его надо каким-либо образом уговорить и привести в одну из монастырских кумирен.

— И тогда?..

— Не знаю, госпожа. Я никогда там не был.

— Дальше.

— Вчера брат Лингам встретил этого человека, но тот вырвался и исчез, хотя, по-моему, вырваться от брата Лингама просто невозможно. Престоятели были очень недовольны, брата Лингама увели в комнаты для экзекуций и оттуда он не вышел.

— Дальше.

— Больше я ничего не знаю. Только боюсь, что встречу его и тоже не смогу остановить.

— Не бойся, ты его не встретишь,— пообещала Роксалана.

Она шагнула вперед, вскинула руку с растопыренными пальцами. В глазах парня впервые мелькнул живой испуг.

— Между нашими повелителями нет вражды...

— Вот именно, дорогой. Вражды нет и не должно быть. Поэтому я и не хочу, чтобы ты

вернулся и доложил высокому синклиту обо мне. А если никто не будет знать, что с тобой приключилось, то некому будет и мстить.

Ладонь волшебницы легла жертве на лоб.

— Один поцелуй...— умоляюще прошептал парень.

— Обойдешься,— В голосе ведьмы звучало злорадство.— Мне и так от твоих слюней неделю отплевываться.— Пальцы с острыми, ярко накрашенными ногтями вонзились в виски. Парень дернулся, застыв словно кукла. Несколько секунд он стоял так, потом бесформенной грудой повалился на пол.

Роксалана с отвращением отвернулась. Ее мутило. Чужое волшебство, отнятое у неудачливого жреца, действовало подобно дрянному вину, заставляя заплетаться ноги, сжиматься желудок и болеть голову. Завтра все пройдет, но покада Роксалане было дурно. И еще эта пададь на полу... Зря она все же убрала Линту, приживалка мастерски умела прятать нежелательные трупы.

Роксалана, покачиваясь, вернулась в спальню, упала на кровать.

Ох, Исти, чем приходится заниматься, чтобы избавить тебя от беды! Видно и впрямь ты непростой человек, раз столько богов желают заполучить тебя в свои руки. Но я все равно не отдам тебя им. Ты нужен мне не для того, чтобы отнять или использовать твою силу. Ты нужен, потому что после бесконечных лет на

службе у богини любви я впервые узнала, что такое любовь.

Дребезжащий звук донесся из потайной комнаты. Для постороннего слуха он был неощутим, но Роксалана прекрасно различила его. Засушенное заячье ухо, висящее на стене, расслышало что-то важное и оповещало свою хозяйку. Роксалана поднялась, провела ладонями по лицу, сгоняя мусть и усталость, и направилась в потайную комнату. Тело монастырского служки она перешагнула, как незначущую помеху.

Дела действительно творились небывалые. В солнечном Норгае, где она прожила столько времени, вспыхнул бунт. Почему-то ухо предупредило об этом не сразу, так что Роксалана застала лишь самый конец возмущения. Озверевшая толпа громила храм Гунгурда. Стража, великие и малые жрецы давно разбежались или были убиты. В бушующей толпе, где преобладали многочисленные норгайские мастеровые, то и дело повторяли странное небывалое имя: Прогресс. Кто это, вождь восставших или новый бог — Роксалана понять не могла. Но в одном сомнений не оставалось — без посторонней помощи безоружный люд не сумел бы взять обороняемую магами твердыню. Значит, между богами началась война. Скорей всего, неведомый учитель Иста, видя, что ссоры не избежать, решил напасть первым. Ну не повелитель же бабуинов сводит счеты с непобедимым богом войны!

Не меньше часа Роксалана пристально наблюдала за грабежами и бессмысленным буйством черни. Очень хотелось взглянуть, как все началось, но дважды за один день вызывать заклятие прошлого было не под силу даже ей. К тому же Роксалана резонно полагала, что вновь получит в лицо пригоршню холодной воды, а возможно, последствия будут и более тяжкие. Нельзя безнаказанно соваться в дела бессмертных.

Зато одно известие поначалу несказанно обрадовало Роксалану. Лохматый мужик, вооруженный ковшом водовоза, азартно втолковывал своему напарнику:

— Говорю тебе, тот самый человек, что в храм ворвался, он еще потом под стеклом был... Вот он и говорит: нет, значит, бога, кроме Прогресса!

— Сам-то он кто таков? — выпрашивал напарник.

— А бес его знает... Пророк, наверное. Гвардейцев, видал, как заговорил? Жрецы так не умеют.

Сомнений не оставалось — Ист был среди тех, кто повел отверженных на штурм храма. А это значит... — Роксалана задумалась, — значит, он один из ближайших подручных неведомого бога. Ой, дура, дура, по себе ли дерево ломить? Но ведь Амрита предупредила, что Ист действительно и по-настоящему влюблен, а госпожа в таких вещах разбирается. Кем бы ни

был таинственный бог Прогресс, вряд ли он сильнее богини любви.

Значит, надо найти Иста прежде, чем с ним случится что-либо непоправимое. А уж после, вдвоем, мы сумеем сделать многое. Как бы богам не пришлось потесниться — Роксалана недобро усмехнулась, бросив взгляд на тропу, уводящую из ее спальни напрямик на небо. Эта тропа есть всюду, надо лишь уметь видеть ее и посметь шагнуть в небеса. Немногие видят эту дорогу, почти никто не осмеливается ступить на нее и лишь единицы проходят путь до конца. Старый Протт умел видеть небесный путь, но он трезво соразмерял свои силы и знал, что не дойдет. Но Протт умер и теперь, кроме нее, никто из смертных магов не знает, как рождаются боги. Придет время и тайну узнает Ист, это будет ее подарок любимому. Лишь бы с ним ничего не случилось в бунтующем Норгае. Конечно, Ист — повелитель мечей, война его стихия, но никакой меч не спасет ставшего на пути смертоносного Гунгурда.

Роксалана оторвала взгляд от волшебного окна. Если бы она могла, то немедленно отправилась бы в проклятый Норгай. К несчастью, долгая ворожба измотала ее, даже окно Роксалана удерживала с трудом. Говорят, есть колдовство, позволяющее пройти во всякое место прямым путем, но только где взять подобное заклинание? Боги, конечно, умеют так делать, и неразумная лесная нежить — тоже. А еще,

может быть, заклинанием владеет Ист. Ведь он только вчера был здесь, а даже при самом благоприятном ветре до Норгая плыть две недели. Значит, остается ждать и надеяться, что Ист вернется и отыщет ее.

Роксалана вышла в спальню, тщательно скрыв секретную дверь, отгородилась шторами от лучей давно вставшего солнца и упала в измятую, но так и не разобрannую постель.

Проснулась она часа через три, ощутив настойчивый и мягкий толчок. Сомнений не оставалось — Ист сумел перешагнуть море и теперь был неподалеку отсюда. Он думал о ней и искал.

Роксалана вскочила, заметалась по комнате, плеснула в лицо воды из бронзового таза, чтобы хоть немного остудить пылающие щеки, а потом, как была, в мятом платье, выбежала из дома. Последней трезвой мыслью было: «Ну право, хуже чем девчонка перед первым свиданием».

***

Последнее время корноухий кёниг дер Наст постоянно ощущал чье-то пристальное и недоброжелательное внимание. Начать с неудачного норгайского похода, когда ценой всей добычи с трудом удалось спасти город и замок. В первое время дер Наст грешил на обиженную ведьму, подозревая за случившимся козни Роксаланы, но несчастья были слишком разнообраз-

разны и сыпались со всех сторон. Кёниг Ансир, прежде такой смирный, теперь окончательно обнаглел и преследовал людей дер Наста всюду, где только мог. За год в Снегарде случилось пять пожаров, причем в последний раз выгорела целая слобода. Разбушевавшееся море разрушило в Маженице верфи, где взамен погибших строились новые корабли. Чересчур много бед на один год.

Еще больше беспокойства вызывало воспоминание о непокорном хуторяnine. Не то беда, что Торп не явился на господский двор, беда, что он при этом остался жив. Доверенные люди рассказали, что видели Торпа в Ансире, а потом в Хольмгарде, и никакого ошейника на беглом мужике не было.

Разгневанный кёниг хотел было пустить по следам ослушника железного червя, но потом передумал. И без того верное колдовство уже дважды подводило хозяина. Дважды, потому что самозванный племянник тоже был жив и на свободе. Дер Наст плохо умел смотреть вдаль, но в те места, где ему удалось побывать, заглянуть мог. Через месяц после возвращения из норгайского похода, когда наконец выпал свободный час, кёниг вздумал полюбоваться залитым камнем племянником, но вместо того увидел, что кристалла слёз нет, а из разговоров служителей сумел понять, что Ист исчез из храма в тот самый день, когда дер Наст громил изнеженный южный городишко.

Худо, когда в душу заползает сомнение в собственных силах. Дер Наст положил в душе не вспоминать о тех событиях и с удвоенной энергией занялся устройством домашних дел. Укреплял город, а пожары уничтожали его, строил корабли, а ураганы расшибали их в щепы, прежде чем суда коснулись воды.

Длиннобородый Парплеус ежедневно волховал в своей келье и уверял, что полностью оградил сеньора от вредного влияния ущербной луны и умыслений медиумических духов. Дер Наст мрачно слушал обещания и, наконец, когда ученый чародей объявил, что собирается прибегнуть к методам каллопедии, кёниг не выдержал:

— Я не сомневаюсь, что ты мастер агглютинации,— произнес он, и Парплеус вздрогнул, услышав из уст неуча столь изысканное слово,— но сейчас мне нужно дело.

— Именно это я и предполагал! — вскричал чародей.— Методы каллопедии я изучал у друидов Бэра...

— Что-то я не заметил, чтобы после тебя в замке появились красивые дети,— кёниг пропел эти слова почти нежно, а в следующее мгновение Парплеус схватился за рассеченное ухо.

— Ваша милость, вы же обещали!..

— Ты тоже много чего обещал. Давай, чародей, метни в меня молнию, преврати в мокрицу, ухвертку, паука. Что же ты, я жду...

Парплеус стоял замерев, словно лягушонок, увидевший голодного полоза. Струйка крови сочилась между пальцами.

— Трус! — в голосе дер Наста звучало презрение. — Трус и бездарность. Все твои премудрости происходят из одной великой науки — дактилософии!

— Ваша милость, такой науки нет, — посмел возразить Парплеус. — Есть дактилономия, дактилография, даже дактилология есть, а дактилософии нет и никогда не было. Да и что могла бы изучать подобная наука?

— Плохо же ты знаешь себя, — дер Наст улыбнулся, обнажив тридцать два крепких зуба. — Дактилософия — наука о том, как высывать мудрость из пальца.

Парплеус жалко выпрямился, стукнул в половицы жезлом:

— Нет такой науки! — тонко закричал он.

— Вон отсюда! — взревел в ответ дер Наст.

Где-то, осыпаясь, зазвенело стекло, пламя на свечах качнулось, а рык повелителя мечей вынес Парпелиуса из комнаты и заставил кубарем скатиться по крутой деревянной лестнице. В четверть часа, даже не перевязав обидной раны, мудрец собрался и, оседлав лошадь, на которой обычно сопровождал кёнига, покинул замок и негостеприимный город Снегард. В спешке Парплеус забыл, что лошадь принадлежит не ему, и, значит, в глазах окружающих он навеки останется конокрадом.

Кобыла, испробовав шенкелей, сходу взяла в галоп, поскакав по привычной тропе к заповедному лесу, куда обычно выезжал на охоту кёниг вместе со своей свитой. Опомнился Парплеус только через час, когда под копытами лошади заиграли прогнившие бревна гати.

— Ты куда меня везешь, шваль проклятая? — завопил колдун, но памятуя, как тонул в этих местах, повод трогать не стал. Животное, в силу своего неразумия, лучше знает, как ходить по болотам.

Шумно фыркая и трясая головой, лошадь выбралась из топи на крепкое место и пошла в гору. Подъехав к заброшенному Торпову жилищу, Парплеус спешил. Неодобрительно оглядел корявых идолов, потом толкнул дверь и сунулся в затхлый полумрак хибары.

Сначала показалась, будто огромная крыса сидит на столе, и лишь затем отшатнувшийся чародей сообразил, что перед ним не зверь, а махонький человечек с лисьей мордочкой.

— Сгинь! — возопил Парплеус, пытаясь вспомнить давние уроки демонологии.

— Сам сгинь! — парировал малютка и без запинки выпалил замысловатый экзорцизм.

— Коллега?.. — изумленно протянул маг. — Вот уж не ожидал встретить в этой глуши образованного человека!..

— Что поделаешь, — вздохнул Сатар. — Судьба, козни завистников...

Через полчаса они были закадычными друзьями и даже чуть было не затеяли спор о значении слова «диафания» применительно к проблеме сверхчувственного восприятия. Однако голод и боль в покалеченном ухе заставили Парплеуса опомниться.

— Как бы отсюда в город попасть? — спросил он робко.

— В город мне нельзя, — рассудительно произнес Сатар, — разве что совсем ненадолго, по делам. А вообще, тут Снегард неподалеку.

— А вот в Снегард нельзя мне, — признался и Парплеус. — Даже ненадолго и по делам.

— Тогда Ансир. До него подальше, но тоже дойдем.

— Там же болото! — перепугался мудрец. — Прорва непроходимая!

— Стылая Прорва фактор, конечно, фрустрирующий, но не фатальный, — заметил Сатар.

Знакомые, привычные слова успокоили измученную душу, и двое магов, взгромоздившись на кобылу, отправились в путь по бездонным топям. Уже в дороге Сатар понял, что там, где пройдет он, далеко не всегда будет пропущен всадник. Коротышка пригорюнился было, потом повеселел, решив, что ежели коллега потонет, то, значит, такая его судьба. Однако случилось так, что доброе расположение светил позволило им ступить на одну из волшебных троп, и к вечеру путники узрели неприступные частоколы Ансира.

Воспрявший духом Парплеус, стараясь заглушить сосущее чувство в пустом желудке, громогласно рассуждал о сути природной магии и о непонятном отсутствии магических потоков в данной местности. Сатар, некогда на своей шкуре испытывавший силу этих потоков, помалкивал и лишь у самого города, сползши с конской шеи, произнес:

— Друг мой, хотите небольшое пророчество? Запомните: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Это нехорошее место, силы зла властвуют здесь безраздельно.

— Я запомню ваш совет и буду по возможности всегда следовать ему,— поблагодарил Парплеус.

* * *

Покинув взбудораженный Норгай, Ист самой прямой дорогой вернулся в Соломоники. Здесь едва наступил полдень, жаркий, как всегда в это время года. Однако улицы были пусты, даже уборщики не вышли на работу, приходя в себя после безумной недели. Завтра город, зевая и постанывая, примется за будничные дела, а сегодня все спят.

Тихие дома остались, как и прежде, тихими. Где искать Роксалану? И еще надо помнить, что тебя знает всякий прихлебатель ветреных братьев, и, значит, придется скрывать свой настоящий облик.

Ист медленно брел по мостовой одного из университетских кварталов. Здесь не было купеческих контор, не было и притонов. Здесь жили профессора, ученостью сравнимые лишь с мудрым Парпляком, магистры и бакалавры, мечтающие о научной карьере, насквозь пропыленные библиотекари и архивариусы, студенты, предпочитающие ученый диспут бездельному сидению в кабаке. Оно и неудивительно, в кабаке надо платить, а во время защиты диссертации соискатель кормит и поит всех участников диспута бесплатно. Короче, здесь проживал благоприличный люд, и даже бордели здесь были свои, исполненные чинного спокойствия.

Сам Ист принял облик глубокого старика, не то нищего, не то впавшего в ничтожество наставника. На такого здесь никто не обратит внимания. Гнать его не за что, замечать — незачем. Постукивая клюкой, Ист выбрался на перекресток. Вот кряду несколько домов, не пылавших огнями во время праздника. У них и сейчас, несмотря на яркий августовский день, закрыты ставни. Кто там живет? Простая природная магия не позволяла взглянуть сквозь кирпичную стену, разве что прежде развалив ее. Прав был учитель, проклятое место — город. Может быть, любимый человек в двух шагах, а ты его не слышишь!

Потом Ист увидел Роксалану. Она выбежала на перекресток, растрепанная, в измятом

платье, заметалась, не понимая, куда спешить дальше. В это мгновение Ист ясно и отчетливо увидел, что она прибежала сюда, потому что сквозь мертвый кирпич и убитое дерево сумела расслышать его зов. Ист шагнул навстречу, неосознанно возвращая себе первоначальный облик. Он не заботился о том, что может подумать случайный свидетель, и чем обернется дело, если этим свидетелем окажется кто-то из прислужников Нота и Зефира. Единственное, что его беспокоило — не испугать молодую женщину своим неожиданным превращением.

Впрочем, этот страх оказался беспочвенным. Роксалана громко всхлипнула и уткнулась лицом в грудь Исту. Они замерли так, обнявшись, стоя на самом перекрестке и не видя никого. Ранний прохожий — старичок-прозектор, поспешавший в анатомический театр, чтобы по ходу занятия заняться жертвами праздничного буйства, лишь покачал головой неодобрительно и проворчал в пожелтые усы:

— Ишь как обвились, скальпелем не разнять. Карнавала им не хватило, не натешились.

Ворчания ученого старикашки никто не слышал. Ист и Роксалана вообще не видели и не слышали ничего и совершенно не думали о том, что целоваться на перекрестке — самая дурная примета, поскольку там легче всего попасть на глаза страшной ведьме-разлучнице.

* * *

Дом Роксаланы действительно оказался одним из тихих домов, хотя именно его Ист стал бы проверять в последнюю очередь. В Норгае Роксалана занимала шикарный особняк в центре города, а здесь поселилась в скромном домике на окраине. Но главное — Ист издали почувствовал, что дом этот неблагополучен. От него пахло тайной и смертью. На мгновение Иста кольнула мысль, что, возможно, и норгайский дом был таким же, просто сам Ист в ту пору еще многого не знал и не умел. Пришлось сделать ощутимое усилие, чтобы отогнать эту мысль. В конце концов, в этом доме Роксалана живет еще так недавно, и кто знает, что здесь было в прежние времена?

— Что с тобой? — тревожно спросила Роксалана, на секунду отпустившая руку Иста, чтобы закрыть дверь.

— Этот дом, — тревожно произнес Ист, — он давно твой? В нем звучит эхо беды.

— Исти, — Роксалана обернулась и пристально поглядела молодому богу в глаза. — Я не стану притворяться, да ты и сам, наверное, видишь, что я не простая женщина. Я такая же волшебница, как и ты. Будь иначе, что за счета могли бы у меня быть с храмом Гунгурда и здешним монастырем? Но сейчас я не об этом. Исти, тебе грозит опасность. Монастырские анактотелесты охотятся за тобой, точно так же, как гонялись за мной прислужники Гунгурда.

И ты совершенно прав, этот дом пропитан смертью, хотя мне он принадлежит давно. Там, на втором этаже валяется мертвым один из слуг Нота и Зефира. Мне пришлось убить его, потому что он слишком близко подобрался к тебе. Ты зря отпустил живым брата Лингама, теперь все Соломоники — один капкан, настоящий на тебя.

— Вот как...— Почему-то Ист только сейчас понял, насколько очевидно было сказанное Роксаланой. На секунду в памяти мелькнули слова Хийси: «У них свои приемы»,— но Ист отбросил их, даже не возмущившись. Ясно же, что все это не имеет отношения к Роксалана. Ведь это Роксалана, и больше тут нечего сказать. А то, что его любимая оказалось чародейкой, так ведь и он не просто мальчишка, а, смешно сказать,— бог! Однако слова об убитом прислужнике бесмертных братьев заставили его беспокоиться.

— Зря ты это сделала,— Ист покачал головой.— Никто из этих лакированных молодчиков не сможет мне навредить. От брата Лингама я просто ушел, и думаю, что не испугался бы и этого колдуна. Где он?

Не дожидаясь ответа, Ист поднялся наверх, склонился над смятым телом, заглянул в пустые глаза.

— Ему уже не помочь. Надо что-то делать с телом. Как ты думаешь, у него есть родные?

— Он же чародей...— Роксалана была искренне удивлена.— Откуда у него родственники?

— Тогда прощ — Ист провел ладонями над телом и оно исчезло. Негромко плеснула вода, запах тины на мгновение заглушил аромат волшебных снадобий.

— Что ты с ним сделал? — испуганно спросила Роксалана.

— Сбросил в Артонум. К вечеру его найдут и решат, что он утонул, перебрав гашиша или датуры. От него за сто шагов несет наркотиками.

— Удивительный ты человек, — протянула волшебница, — не знаешь самых простых вещей и делаешь такое, что под силу лишь величайшим из магов. Чтобы повторить то, что ты сделал сейчас, мне понадобилось бы все мое умение и помощь амулетов.

— Амулеты только мешают, — рассеянно произнес Ист.

Он прошел в потайную комнату, словно не заметив запрещающего заклятия, которое не позволило бы никому не только войти в открытую дверь, но и попросту увидеть этой двери. Оглядел разложенные по столам и развешанные на стенах предметы, понюхал полусожженную палочку сандала, бросил в бронзовую лохань. Провел пальцами по шерстке на заячьем ухе.

— Сколько лишних вещей... Если хочешь, я научу тебя делать все это безо всяких заклинаний, надо лишь быть самой собой и смотреть на мир открытыми глазами.

— Исти,— прошептала Роксалана.— Прежде я бы душу отдала, чтобы научиться такому. Но сейчас мне нужен только ты.

Ист встретил ждущий взгляд, подхватил женщину на руки и из комнаты, пропахшей благовониями и смертью, шагнул на цветущую поляну где-то на другом краю земного круга. Здесь был вечер, солнце только что упало за горизонт, ночные фиалки наполняли воздух певучим ароматом. Прежде в мире не было такой дороги, Исту пришлось проламывать ее силой, что непросто даже для бога, но Ист справился с этим шутя, а Роксалана попросту ничего не заметила. Глаза ее были закрыты, а лицо совершенно счастливым.

Глава семьмая

РОЖДЕНИЕ БОГА

В Норгае Исту волей-неволей приходилось принимать свой истинный облик. Взбудораженный город требовал присмотра, иначе восстание черного люда могло превратиться в обычную резню, после какой, как известно, ничего хорошего случиться не может. Однако появление Иста на беспокойных улицах заставляло даже самых остервенелых мародеров помнить об осторожности. К тому же власть в городе получили люди хозяйственные, мастера, умельцы, кормившиеся от своего ремесла, а не от бездельного буйства. Купечество, недовольное пошлинами, которыми их облагал храм, тоже поддержало переворот и, таким образом, жизнь в городе быстро стала входить в нормальную колею. Только место жрецов в городском собрании заняли выборные от мастеровых, чего

прежде не бывало нигде и никогда. До сих пор всякий инструмент посложнее топора считался вещью мерзкой, и обитатели кузнечной, кожевенной, ткацкой и иных слобод числились отверженными. Даже друг с другом они общались редко, опасаясь навлечь на свою голову еще и соседское проклятие.

Но теперь все в одночасье переменялось. Бог Прогресс объявил рабочий люд под своим покровительством, а всякое рабочее мастерство — угодным себе. И неважно, что вслух говорилось, будто нет такого бога: чудеса, им совершенные, видели все, а бог, умеющий защитить своих избранных, все равно останется богом, даже если его и нет. К тому же кто-то из затесавшихся в город вольных магов поспешил объявить, что несуществующее божество является богом вдвойне, ибо по собственному желанию может существовать или не существовать. Понять этого не умел никто, но объяснение звучало внушительно. Храма Прогрессу ставить не смели, но фигурки бога-кузнеца в домах появились уже через день после начала возмущения.

Иста в городе узнавал всякий, но подойти не смел никто, кроме, пожалуй, кузнеца, того, что первым признал в мальчишке великого мага. Кузнеца звали Ынтид и, хотя он не был коренным горожанином, его единодушно ввели в городское собрание, и мнение его было веским. Еще бы — не слушать человека, пустившего в переплавку мечи Гунгурда!

Ист отчасти и сам позаботился, чтобы ему не слишком мешали. Несложное заклятие отбивало охоту у праздношатающихся подходить к человеку, который еще недавно был выставлен в храме, плененный торжествующими жрецами. И все же, на второй или третий день заклятие не сработало. К Исту подошел человек с высоким пастушьим посохом и в двойном плаще — зеленом сверху и коричневым с изнанки. Такой наряд яснее слов говорил, что его обладатель не просто пастушок, а деревенский заклинатель, из тех, кто отводит падеж от стад и тшится вызвать дождь, когда засеянные пшеницей поля начинают изнывать от жажды. Ревнивые храмовые служители не позволяли заклинателям появляться в городе. Во всяком случае, прежде следовало переодеться, чтобы не маячить в колдовском одеянии на глазах у горожан. Однако теперь некому было следить за выполнением старых правил, и деревенский ведун заявился в город с изогнутой клюкой и в двуцветном плаще.

— Приветствую тебя, брат! — неожиданно густым басом прогудел заклинатель. — Я должен сказать нечто, не предназначенное для глухих ушей.

— Говори, — разрешил Ист, без труда сообразивший, что еще кто-то из бессмертных начал свою игру, и сейчас выяснится, кто стоит за спиной заклинателя, который сам по себе, несомненно, был полнейшим ничтожеством, не-

сравнимым даже с привязчивым братом Лингамом.

Колдун застыл с полуоткрытым ртом, глаза его остекленели. Одновременно Ист почувствовал, что рядом сгущается серьезная, недоступная смертным магия. Мгновенно Ист изготавился к борьбе, но нападения не последовало, лишь из воздуха ступила на утоптанную городскую землю фигура высокого юноши в двуцветном плаще заклинателя.

— Приветствую тебя, собрат! — повторил он звонко. — Я бы хотел говорить с тобой. Прости, что мне пришлось ловить тебя таким образом, но Амрита, хотя и обещала передать тебе при случае мои слова, разумеется, не стала бы держать слово, данное возле источника лжи. Я — Жель, покровитель стад и нив.

— Здравствуй, — ответил Ист. — Ты собираешься говорить со мной здесь?

Ист понимал, что ни единый житель города не сможет увидеть двух беседующих богов, но разговаривать, стоя посреди улицы, казалось странным, и к тому же хотелось посмотреть, куда пригласит его владыка стад.

— Я бы не хотел здесь, — Жель полупрезрительно сморщился. — Кругом слишком много железа. Но ты, вероятно, не захочешь отправиться ко мне, хотя, видит источник, я не собираюсь устраивать на тебя ловушки. Я не Гунгурд, не Мокрида и даже не Басейн, мне не нужны свары и битвы.

— Тогда, пойдем к источнику,— предложил Ист.

— К которому из двух?

— К верхнему.

— С Амритой ты беседовал у другого источника.

— Она сама отыскала меня, и мы говорили там, где встретились. К тому же я не договаривался с ней ни о чем, а ты, кажется, хочешь настоящего разговора.

— Пусть будет по твоему,— произнес юный Жель, не двигаясь с места.

Ист понимающе улыбнулся и первым ступил на небесную тропу. Жель шагнул следом. Пастуший колдун, которого отпустила наконец наведенная повелителем одурь, недоуменно затряс головой, стараясь понять, как его занесло в нелюбимый и попросту запретный город. Затем он подхватил полы двуцветного плаща и поспешно затрусил к городским воротам.

Ист шагал не оглядываясь. Он не боялся удара в спину, не потому, что верил новому знакомцу, а поскольку был готов отразить любой удар, откуда бы его ни направили. Выйдя на уже знакомую поляну, Ист отдал ожидающему Гавриилу меч и лишь затем оглянулся на своего спутника.

Желя не было. Вернее, он был, но изменился разительно. Вместо юного красавца, стоял невысокий чернявый человечек с незапоминающимся лицом. Губы кривились скучающей

складкой, глаза смотрели холодно и неприветливо. Оружия у пастушьего бога видно не было, однако, Гавриил стоял, загораживая проход и требовательно протянув руку.

— Сейчас...— недовольно проскрипел Жель в ответ на молчаливое приказание и, отвернувшись, принялся рыться за пазухой. Покуда он искал свое неведомое оружие, Ист успел рассмотреть подлинный облик бога.

Должно быть, в те давние годы, когда Жель еще не ступал на небесную тропу и считался смертным магом, он жил в окрестностях Монстреля или чуть южнее, возле Лютеции или Соломоник. Хотя в те годы ни Монстреля, ни Лютеции, ни даже Соломоник, скорее всего, еще не было. Это Хийси мог называть новых богов мальчишками, а для людей две или три тысячи лет — непредставимо большой срок. Видимо, как и многие другие маги, был Жель местным властителем, жестоким к врагам и недобрым к подданным. Да и себя, должно быть, не слишком жалел, потому и смог перешагнуть черту, отделяющую человеческое могущество от божественного. А с тех давних времен пастуший бог сохранил любовь к свободным одеждам из некрашеной шерсти, каких уже много поколений никто не носит, и к жирным блюдам, щедро заправленным чесноком, которым разило от господя весьма ощутимо. Впрочем, Ист тоже не был привередлив в еде и таких ароматов не боялся.

— Что, не ожидал? — с вызовом спросил Жель, усаживаясь на бережок напротив Иста.

— Не ожидал,— Ист пожал плечами и, в свою очередь, тоже задал вопрос: — Это что же, все боги в обычной жизни себя приукрашивают?

— Не все,— коротко ответил Жель, и лишь тогда Ист понял, что задал глупый вопрос. Сам-то он без нужды облик не менял, а Хийси и вовсе всегда ходил в подлинном обличье. Так что, ответ Желя было несложно предугадать.

— И что ты хотел сказать мне, покровитель стад и нив?

Жель поморщился, но, помня, где сидит, вымученно проговорил:

— Вообще-то нивы принадлежат лежебоке Франу, а мне только стада и пастбища. А вот луга и... эти, клеверища! — они спорные. Я бы давно этот вопрос решил, да разве с Франом договоришься... От него никакого ответа не добиться. Вроде и дела ему до покосов нет, а чуть что — мое! Дрянной божишко.

— В этом вопросе я судить не могу.— Ист выдержал паузу и добавил умное слово: — Не компетентен.

— Я, собственно, не из-за этого тебя искал.— Жель почесал указательным пальцем нос.— Мы тут кое с кем беседовали и решили, что твои споры с Гунгурдом касаются только тебя и Гунгурда. Другие боги не будут вмешиваться в это дело.

— Вы очень добры,— заметил Ист.— Только я хотел бы уточнить: когда ты обмолвился, что вы «тут» беседовали, следует ли это понимать, что вы разговаривали возле источника правды? Только что ты упоминал совсем другой источник.

— Именно так и следует понимать,— сухо ответил Жель.— Сначала мы разговаривали здесь, потом, когда все самое важное было решено, перешли туда. Здесь удобно работать, там отдыхать. Но я еще не кончил рассказывать о главном. Тому из нас, кто встретится с тобой первым, поручено передать, чтобы ты больше не говорил таких слов... ну тех, что произнес, когда поднимал народ против храма. С Гунгурдом у тебя война, и ты можешь делать с ним, что угодно. Ты отнял у него Норгай — один из лучших городов мира, и мы готовы признать Норгай твоим. Но говорить, что кроме тебя нет никаких богов — не надо. Ты, видимо, произнес эти слова в запальчивости, однако впредь... ну, ты понимаешь. Я уже говорил, войны и свары меня не радуют. Я, конечно, не прочь, если другие боги сцепятся друг с другом, но участвовать в этих делах самому — увольте! А ведь твои слова можно расценить как объявление войны всем богам одновременно. Странно, что ты не понимаешь таких простых вещей.

— Теперь понимаю,— кивнул Ист.— Просто я слишком недавно стал бессмертным и еще не привык соразмерять силу сказанного. Постарюсь больше не говорить опрометчивых слов.

— Я хотел бы добавить кое-что от себя,— быстро произнес Жель, видимо опасаясь, что Ист сейчас исчезнет.— Рядом с Норгаем расположен один из моих оракулов, народ на поклонение ходит, особенно в праздник стойл...

— Понятно. Я не полезу туда без достаточно веской причины.

— Ты замечательно формулируешь свои обещания,— Жель кисло улыбнулся, рассматривая Иста холодными глазами.— Теперь я склонен верить рассказам сплетников, которые говорят, будто ты, как и старый Харги, способен пить из источника.

Ист покосился на струящийся родник, покачал головой.

— Я не пробовал пить оттуда, но думаю, что не смог бы.— Он коснулся ладонью воды. Вода была горячей, почти кипятком.

— Надеюсь, мне не надо макаться туда? — с тревогой спросил пастуший бог.— Я старый грешник и слишком поздно понял, что врать без нужды не следует. А эта водица не знает разницы между вероломным обманом и дружеским розыгрышем,— лицо бога исказилось, и он быстро добавил: — Похоже, опять заврался. Строгий ручеек, не люблю здесь разговаривать.

— А как ты стадам покровительствуешь? — спросил Ист, стараясь не замечать корчи собеседника.

— Да никак. Поклонение принимаю. Иной раз, когда молитвы ослабевают начинают, па-

деж насылаю — ящура или сибирскую язву. А когда людишки страху хлебнут, избавление даю. Еще праздники во имя мое устраиваются, тоже полезно. Мои праздники мирные, бесхитростные, людям в радость. Где народ буйный, там бараньи бои предпочитают или корриду, а возле твоего Норгая — ярмарка бывает, сырная. Сыровары съезжаются отовсюду, целую неделю народ одним сыром питается. Мне в жертву тоже сыр приносят. Терпеть не могу сыра, особенно овечьего. А норгайская кухня как раз им и славится. Там Индия неподалеку, так мяса едят мало, больше молоко. Вся моя сила в тех краях держится на молоке да на сыре.

— Горожане будут ездить на ярмарку,— пообещал Ист,— и будут есть столько сыра, сколько захотят.

— Благодарю! — Жель вскочил, отряхивая одежду.— Я знал, что мы сумеем договориться.

— До встречи! — Ист тоже поднялся.— Желая тебе удачно оттягать у лежебоки Франа спорные клеверища.

* * *

В городе Монстреле на самом берегу широкого залива Ист начал строить дом. Он выбрал этот город отчасти потому, что там не было знаменитых храмов и ученых монастырей, которые всегда привлекают внимание мелких колдунов, не опасных, но способных испортить существование кому угодно. То есть, оракул,

конечно, был, и паломники стремились туда широкой рекой, но располагалось все это за стенами, а в самом городе служители Басейна не появлялись, власть здесь была светская. К тому же Роксалана обмолвилась, что прежде в этом городе не бывала, хотя слышала о нем достаточно много. В Монстреле располагалась резиденция герцога Лиезского, дальней родней которому приходилась плененная некогда супруга дер Насти. В Снегарде о Монстреле рассказывали множество небылиц, представлявших южного соседа местом несказанно богатым и населенным исключительно дураками и ротозеями, которых сам Хаймарт велел ошипывать, едва на гузке у них проклюнется хоть какое-то подобие пуха.

Неудивительно, что у Иста сложилось подспудное убеждение, что Монстрель — место, где мечтает жить каждый. А Роксалана была готова жить где угодно, лишь бы рядом с Истом. Словно отыгрываясь за многие годы, когда она разрушала чужую любовь, ведьма-разлучница торопилась вырастить свое чувство и взять от него все, что можно. Когда по утрам Ист уходил по своим неведомым делам, Роксалана металась по старому дому, не находя места. Ни разу она не пыталась подглядеть за Истом, догадываясь, что может навлечь на любимого беду. И лишь вечером, когда Ист появлялся, тихо спрашивала:

— У тебя все в порядке?

— Конечно, я же люблю тебя,— отвечал Ист и целовал ее.

Странно устроены люди. Одним и тем же словом они называют множество самых разных чувств. Мучительную неразделенную страсть, когда человек, не находя спасения, сгорает в одиночку, радостное предчувствие любви, состоящее, кажется, из сплошных вздохов, томлений, нежных улыбок и прочих прелестных глупостей, злую муку, вызванную неоправданной ревностью — все люди равно зовут любовью. А на самом деле, любовь — это совсем просто. Встретились двое и припали друг к другу, срослись, что и ножом не разъять, как заметил умудренный жизнью телослов из города Соломоники, где знают толк и в анатомии, и в любви.

Двое припали друг к другу и не думали ни о мстительном Гунгурде, ни о требовательной Амрите. Комната гаданий пребывала запертой со всеми своими амулетами, лишь вавилонское зеркало, древностью способное поспорить с богами, было повешено в спальне и безучастно отражало в полированной глубине картины короткого человеческого счастья. Волшебная медь много повидала на своем веку и могла бы кое-что рассказать о любви, если бы ее захотели спросить.

Частенько и днем мятежный Норгай оставался без присмотра, и тогда полные сутки Ист с Роксаланой не разжимали рук, даже если, устав от страсти, покидали пропахший фимиама-

ми дом и отправлялись бродить по свету. Когда впервые Ист, выбравшись с Роксаланой за городские стены, подвел ее к истией тропе, чуть видной в пригородном лесочке, Роксалана остановилась и испуганно попятилась.

— Стой! Ты хоть знаешь, что это такое?

— Это начало одного из лесных путей,— честно ответил Ист.

— Туда нельзя: шагнешь — назад не выберешься! Никто и не узнает, что с тобой случилось, заплутаешь вконец. Это та магия, о которой все знают, но никто не смеет прикоснуться. Лесная нежить бродит по этим путям, потому что ей никуда не надо.

— Я бегаю по этим тропам с двенадцати лет,— успокоил подругу Ист,— и покуда еще не заплутал. Эти тропы куда понятней, чем дороги людей. Они идут так, как хочется им самим, и потому всегда ведут к цели. Бороться с ними — все равно, что плыть против течения, тебя захлестнет и утопит. Гораздо умнее — довериться текучей воде, тогда тебя легко вынесет на нужный берег. Не бойся, идем.

— Я и не боюсь...— прошептала Роксалана и, отчаянно зажмурив глаза, крепче сжала руку Иста и шагнула за ним следом.

Где-то в глубине опьяненной души у нее оставалась трезвая струнка, и там родилась и запомнилась мысль: «Теперь ясно, почему боги охотятся за этим мальчиком. Умеющий с детства ходить земными путями, когда-нибудь смо-

жет пройти и по небесной тропе. Коснувшийся природной магии и не сожженный ею, легко способен сравняться с богами».

«А не околдовал ли он и меня? — мелькнула другая, недостойная мыслишка, но тут же Роксалана успокоила сама себя: — Ну и пусть околдовал, зато сегодня я счастлива».

Она так и не смогла понять, как Ист ходит по своим дорогам, каким чутьем выбирает ту стезю, что в три шага приведет к цели, но верила ему, доверяла и была спокойна, если крепко держалась за руку любимого. Что делать, даже ведьма иногда может вновь стать девчонкой.

Они любили друг друга под черным бархатом южного неба, по которому жемчугом выложен звездный крест; а бывало, что постелью им служил глубокий снег, а над головами беззвучно развевались лучистые полотнища полярного сияния. На экваторе их не тревожили москиты, на полюсе не касался мороз. Мир пребывал в безмятежности, и лишь в глубине души порой начинала вибрировать трезвая струна, напоминая, что время идет, скоро явится госпожа и спросит, как выполнила задание ее покорная служанка.

Иногда Роксалана все же пугалась или начинала выпрашивать, что творится с теми, кто по глупости или незнанию ступил на волшебные дороги. Тогда Ист привел ее в тундру, где уже близилась зима, хотя Соломоникам предстояло еще два месяца летней жары.

Здесь ковром лежал колючий олений мох, расцвеченный ягодами клюквы и серебрящийся по утрам инеем. Жидкие кусты стлались по земле, так что подберезовики с легкостью перерастали березы. Здесь покуда царствовал вечный день, солнце лишь ненадолго ныряло под кромку горизонта. Роксалана удивилась, вспомнив, что дня три назад побывала в царстве вечной ночи. Неужто на земном круге есть место, где беспросветная тьма владычит в то время, когда на дальнем севере не закатывается солнце?

Роксалана хотела спросить об этом Иста, но забыла о своем недоумении, потому что в это время из-за груды замшелых валунов вышел белый зверь. Это был волк небывалой величины, которому желтые степные волки не доставили бы и до плеча. Зверь зевнул, продемонстрировав сияющие ножи клыков, а потом произнес свистящим, осипшим голосом:

— Тебя давно не было, любопытный мальчик. Я вижу, ты нашел себе подругу.

— Да, Белый,— ответил Ист и уселся в мох, так что лицо человека пришлось напротив морды зверя.

— Твоя подруга не из наших,— сообщил волк, клацнув зубами на невидимую мошку.

— Она человек.

— Она не просто человек. От нее пахнет чужой силой.

— Я знаю. Но она любит меня, а я люблю ее.

— Это я тоже чую. Любовь легко заметить, она сладко пахнет.

— Как твои дела, Белый?

Волк вновь зевнул, тонко проскулив от наслаждения. Потом некстати произнес:

— Меня прогнали из стаи.

— Кто?

— Родился там один молодой, почувствовал себя сильным — и прогнал меня.

— А ты уступил?

— Ага. Я мог бы перегрызть ему горло, только зачем? Молодому тоже надо похвалиться силой и оставить волчат. А потом, через несколько лет, я вернусь и загрызу его.

— Тогда, зачем вернешься?

— Чтобы он навсегда остался молодым. Старым быть плохо: запах течки уже не возбуждает, волчата не вызывают гордости, а свежее мясо лишается вкуса.

— Ты говоришь о себе? Но ведь ты один сильнее всей стаи. Ты белый, но не седой.

— О себе я не говорю. Я умер так давно, что плохо помню, как это — быть живым. Просто случилось так, что меня некому загрызть.

— Скажи, Белый, тебе плохо?

— Мне никак. Волки слишком заняты собой, мне скучно с ними. Все, что у них может быть, у меня уже было. А то, о чем рассказывал ты, мне непонятно и ненужно.

— Ты волчий бог? — тихо спросила Роксана.

— Я волчий труп.— Белый зверь улегся мордой на лапы и закрыл глаза.

Ист коснулся локтя Роксаланы.

— Пойдем отсюда. Незачем зря мучить его.

Он повернулся к зверю. Казалось, волк спит, но в ответ на улыбку острые уши немедленно насторожились.

— Прощай, Белый. Что передать от тебя волкам Снегарда?

— Ничего. Они все равно не поймут.

Взявшись за руки, Ист и Роксалана пошли прочь. Волк не открыл глаз, но чудилось, будто он провожает их взглядом.

— Никто не знает, что случилось с этим зверем,— Ист словно думал вслух, а не говорил с Роксаланой.— Никто не знает почему или за что он получил роковой дар слова, а вместе с ним и неспособность умереть. Неведомо и когда это случилось. Кажется, белый волк жил в тундре всегда. В Норгае о нем тоже слышали и зовут Лунным волком, хотя при чем тут луна, я не могу сказать. Таких как он на свете немного, большинство проклятых теряет облик и мается бесплотными призраками. Говорят, в городах такие тоже есть.

— Есть,— покорно отозвалась Роксалана.— Это души магов, убитых своими братьями или погибших от того, что пытались сделать нечто запретное.

— Вот видишь.— Ист замолк, вспомнив скорченный труп на пороге спальни, потом пробормо-

мотал, словно прощения просил: — Невеселая у нас получилась прогулка.

— В Индии и южном Намане,— осторожно начала Роксалана,— почитают какого-то обезьяньего царя. Называют его богом, а это, наверное, такое же несчастное животное, не понимающее, что с ним стряслось.

— Нет,— поправил Ист.— Это человек. У него хватило сил остаться человеком.

— Тогда, не надо говорить о нем,— побледнев, прошептала Роксалана.

* * *

Они лежали в постели, обнявшись, Ист спал, уткнувшись Роксалане в плечо, и в эту минуту трезвая струна в душе умудренной ведьмы звучала громко, ничем не заглушаемая. И дело не в том, что выяснилось наконец, кто таков таинственный учитель Иста, в конце концов, толком она не узнала ничего: зачем обезьяньему царю ее мальчик?.. Чего ради бессмертный из далекой Индии развязал войну с одним из великих богов?.. Как сумел победить его, или, во всяком случае, изгнать из царственного Норгая?.. А впрочем, это так неважно. Ист верит, что учитель не станет вмешиваться в его жизнь. Не станет, как же... почему тогда Ист через день пропадает в этом самом Норгае, который принадлежит уже не Гунгурду и даже не обезьяньему царю, а неведомому богу Прогрессу? Хотя это как раз по-

нятно. Если у простого волшебника встречается до десятка имен, то что говорить о богах. Обезьяний царь Хануман, он же — бог мастеровых, по прозвищу Прогресс. Нехорошее имя, брякающее железом и пахнущее окалиной.

А бывают ли хорошие имена у богов? Людям может казаться, будто господь благостен, но тот, кому приходилось встречаться со всемогущим, знает, что всемогущество не считает нужным видеть ничтожное и соразмерять свои силы.

Однако сейчас Роксалану мучило иное. Вчера, когда Ист ненадолго покинул ее, случилось то, чего волшебница ждала и боялась. Оставшись одна, Роксалана распахнула окна, открыв доступ прохладному ветру с Артонума. Дом за долгие десятилетия крепко пропах ароматическими притираниями и курениями: сандалом, душицей, лавандой, розовым и жасминным маслом. А Ист привык к чистому воздуху, это Роксалана поняла сразу и теперь всякую свободную минуту проветривала некогда наглухо запечатанные комнаты. Жизнь в Соломониках давно вошла в привычную колею, ничто не напоминало о недавних безумствах, девственные проститутки предавались своему служению в стенах монастыря, и с улицы доносились самые привычные, мирные звуки: кто-то разговаривал, звенели ведра водовозов, шершавым звоном пел круг точильщика ножей, раз в неделю об-

ходящего со своим непригожим инструментом окрестные дома.

Потом, бестревожный шум на одно мгновение был перекрыт тонким вскриком, с каким лопается струна на лютне бродячего менестреля. Никто на улице не обратил внимания на мелодичный звук, но Роксалана, мгновенно побледнев, захлопнула окно и, нетвердо ступая, направилась в комнату для гаданий, заброшенную в последнее время. Там, касаясь пальцами пустого стола, стояла Амрита.

— Здравствуйте, госпожа,— слова с трудом протиснулись сквозь помертвевшие губы.

— Я вижу, ты добилась успеха,— молвила богиня.— Однако, почему ты не позвала меня сразу? Почему я должна напоминать о себе?

— Госпожа, я еще не сумела выполнить ваше повеление.— Роксалана лихорадочно соображала, где и как соврать, но не могла придумать ничего толкового.— Я встретила его в последний день карнавала и сумела привести к себе. Но боюсь, мне не удалось влюбить его в себя. Он приходит ко мне, когда хочет, и уходит, когда ему вздумается. Это действительно очень сильный маг, у меня не хватило силы присушить его, и теперь я пытаюсь приручить его к себе, медленно, как простая женщина. Мне кажется, это единственный путь.

— Ты угадала, это действительно единственный путь,— ничто в голосе богини не выдавало ее

чувств,— но тебе совершенно незачем проходить все до конца. Вполне достаточно, что ты прогнала из его сердца ту девку. Кстати, кем она оказалась?

— Я не знаю! — отчаянно выкрикнула Роксана.— У меня не хватает силы проследить за ним. Может быть, он сейчас у нее, и они вместе смеются надо мной!

— Это не так,— успокоила Амрита служанку.— Мальчик не из тех, кто спит разом с двумя женщинами. Достаточно того, что он пришел к тебе. Не волнуйся, я довольна твоей работой. Теперь ты должна бросить его, холодно и равнодушно. Не обязательно даже исчезать из города. Просто потеряй к нему интерес. Займись, например, своим пастушком. Пусть мальчик увидит тебя рядом с другим мужчиной, пусть поймет, что никогда между вами не было никакой любви. Неужто тебя надо учить таким простым вещам?

— Я все поняла, госпожа. Завтра меня здесь не будет.

— Сегодня.

— Но я должна сказать ему о своих, якобы, планах. Если я исчезну так внезапно, то, возможно, он не станет искать меня...

— Станет. Это очень обязательный молодой человек. Действуй, дорогая. Вечером мальчугана должен ожидать неприятный сюрприз.

И вот настал вечер, и пришла ночь, а повеление госпожи не было выполнено. Ист спал,

уткнувшись в ее плечо, Роксалана смотрела на его безмятежное лицо и старалась ни о чем не думать. Но, видно, не так просто не думать в такую минуту, потому что Ист вдруг открыл глаза и, хотя Роксалана поспешно улыбнулась в ответ на ожидающий взгляд, спросил:

— Что случилось?

— Ничего, Исти. Спи спокойно.

— Я же знаю, у тебя беда. Настоящая беда. Неужели ты хочешь нести ее в одиночку?

— Исти, ты прав, действительно случилась беда, но мне не придется сносить ее. Я уже сделала выбор и вряд ли доживу до следующего вечера.

— Ну это мы еще посмотрим.— Ист сел на постели.— Твои неприятности из-за меня?

— У меня не может быть из-за тебя неприятностей,— ведьма провела пальцами по груди юноши и слабо улыбнулась.— Я ведь люблю тебя. Как странно, я всегда смеялась над этими словами. Не сердись, но я действительно была такой душой, что осмелилась не верить в любовь. Теперь мне придется платить за свой смех, но я все равно ни о чем не жалею. Вернее, жалею лишь об одном, что нам с тобой досталось так мало счастья.

— Оставь, у нас с тобой впереди вечность.

— Что ты знаешь о вечности? — мудро усмехнулась колдунья.— Даже бессмертные не знают о ней ничего. Впрочем, погоди. Пока у нас еще есть время, я хочу показать тебе одну

вещь. Кажется, я единственный человек на земле, который знает эту тайну, а ты — единственный, кому она может когда-нибудь пригодиться. Помнишь, ты водил меня по лесным тропам, а я, как слепой кутенок, не могла без твоей помощи ступить и шагу? Так вот, на свете есть еще одна истинная тропа. Она начинается во всяком месте земного круга и, не сворачивая, ведет наверх. Говорят, что Дундар Несокрушимый прошел этой тропой и явился в чертоги богов. Так вот, это не сказка, небесная тропа есть, и она действительно ведет в небеса. Надо лишь увидеть ее. Присмотришься, Исти, она есть даже возле нашей постели.

— Я вижу.— Ист не издал ни звука, но Роксалана услышала его и поняла.

— Какое счастье! — Роксалана откинулась на подушки.— Я верю, ты сможешь туда дойти, ты самый могучий чародей, из всех, кого я знала, и с каждым днем твоя сила возрастает. Если не ты, то туда не сможет подняться никто. Исти, хочешь, забери мою магию, все равно она мне больше не пригодится, а тебе поможет преодолеть дорогу к небесным чертогам. Забери, я научу, как это сделать...

— Не смей и думать об этом. Я не паук, а ты не муха. Конечно, паук думает, что он любит мух. На самом деле, он любит свой живот. Никогда я не смог бы отнять у тебя хоть каплю твоей сути.

— Тогда обещай мне, поклянись своей любовью, что, когда меня не станет, ты не ответишь взаимностью ни одной женщине до тех пор, пока не пройдешь этой дорогой. Это не ревность, Исти, если ты пожелаешь, я соглашусь делить тебя с сотней женщин. Но сейчас под видом любви на тебя расставлена ловушка. Я не могу сказать, в чем она заключается, но знаю, что она есть. А когда ты пройдешь наверх, никакая западня не сможет погубить тебя. Обещай мне, Исти.

— Да, но я...

— Клянись!

— Хорошо, я обещаю. Я клянусь не любить никого, кроме тебя.

— До тех пор, пока не пройдешь небесной тропой,— с жалкой и счастливой улыбкой добавила колдунья.

— Успокойся, родная. Мне не нужна ни одна женщина, кроме тебя, будь это хоть богиня.— Роксалана побледнела и схватилась за грудь,— Но если ты хочешь...— Ист легко поднялся и шагнул на невидимый путь.— Давай руку, мы пойдем туда вместе.

— Исти!..— отчаянно вскрикнула Роксалана.— Что ты наделал?! Ты же не сможешь вернуться, по этой дороге можно идти лишь наверх!

— Вот и замечательно. Давай руку.

Ист стоял в самом начале тропы. Отсюда ему хорошо была видна полутемная комната и мечущаяся Роксалана. Когда-то вот так же, стоя

на волшебной тропе, он разглядывал обезумевшего от страха брата Лингама. Но лощеный анактотелест не видел, куда исчезла намеченная жертва, а у Роксаланы достало умения не потерять Иста из вида. Несколько мгновений она заламывала руки, не зная, что делать, потом вдруг просветлела лицом, крикнула:

— погоди, я сейчас! — метнулась к стене, где, удерживаемое собственной силой, висело монашеское покрывало, то самое, в котором Ист впервые увидел Роксалану. Ведунья накинула покров, белая ангорская шерсть скрыла обнаженную фигуру. Легко ступая босыми ногами, Роксалана вспорхнула на воздушную дорогу, на мгновение прижалась к Исту.

— Вот и я! Ты прав, так будет гораздо лучше, нежели покорно ждать смерти. Я знаю, что не дойду, но ты все равно прав. Сама я никогда не решилась бы на этот шаг, а сделать его, оказывается, так легко! Пусти, я хочу идти первой. Дай руку.

Она проскользнула мимо удивленного и обрадованного Иста и двинулась в наполненный жемчужным сиянием тоннель. Ист поспешил следом, удивляясь, почему Роксалана так старательно тянет его за собой.

— Не торопись,— позвал он.— Собыешь дыхание.

— Ничего,— одышливо откликнулась Роксалана.— Главное, ты береги силы. А я, пока могу, буду помогать тебе.

Лишь теперь Ист понял, зачем Роксалана пожелала двигаться первой. Она боялась, что у Иста не хватит сил на долгий путь!

— Не надо! — воскликнул Ист, выдернув ладонь из пальцев женщины. — Иди не торопясь. С налету этот склон не одолеть.

Роксалана остановилась, обернувшись, двумя руками ухватила за Иста.

— Нет, не прогоняй меня, пожалуйста. Если тебе трудно, я пойду медленнее. Только не прогоняй меня.

— Что ты?.. — пробормотал Ист. — Только не беги так, ты же устанешь.

— Я не устану, — радостная улыбка на мгновение ослепила Иста. — Разве можно устать от жизни? Когда я встретила тебя, я узнала, что такое радость и что такое жизнь. Все, что было до того, не стоит даже воспоминания. Дай руку, хороший мой, и пошли. Нам еще долго идти.

Ист покорно вернул ладонь в жаркие объятия тонких пальцев, и Роксалана вновь двинулась в гору, слишком быстро и напористо, чтобы надеяться на благополучное завершение пути.

Через минуту дыхание ее сбилось, легкая походка стала спотыкающейся. С каждым шагом Роксалана двигалась все медленнее, лицо под белым покрывалом смертельно побледнело, но она продолжала из последних сил тянуть Иста за руку.

— Погоди,— вновь произнес Ист.— Не надо торопиться. Если устала — отдохни.

— Надо... торопиться...— одышливым эхо откликнулась Роксалана, не замечая, что повторяет только что сказанное.— Если остановишься, то скатишься вниз, а это смерть... Не отнимай руку, Исти, только если я упаду... Тогда иди дальше и не оглядывайся. Слышишь? Пока я могу, я буду тебе помогать. И не жалею, что я не дойду. Я обманывала тебя, Исти. Я много старше, чем кажусь... и я, когда мы впервые встретились, я еще не любила тебя. Ты был мне нужен, чтобы свести счеты с Проттом, и все... А если бы смогла, я бы просто похитила твою силу, а потом убила бы тебя. Видишь, какие мерзости я задумывала? Я полюбила тебя на самом деле гораздо позже. Поэтому не надо меня жалеть. Сейчас, пока я могу тебе помогать— береги силы, а потом — бросай меня и иди один. Я верю, ты дойдешь. А обо мне не думай.

— Мы пройдем вместе,— почему-то эти слова дались Исту с большим трудом,— один я там уже был.

— Ты...— Роксалана остановилась,— ты бог?..

— Да какой я бог,— досадливо отмахнулся Ист.— Я поднялся туда полгода назад. Именно поэтому, после того, как вы с учителем освободили меня, я исчез так надолго. Но ведь это ничего не значит; я по-прежнему люблю тебя.

— Значит, ты всю знаешь.— Казалось, Роксалана говорит сама себе.— Тебе просто захотелось посмеяться надо мной.

— О чем ты? — Ист остановился, схватил Роксалану за обе руки.— Я знаю одно: я люблю тебя, и мы поднимемся туда вместе.

— Ты бог,— бесчувственно твердила Роксалана.— Ты все знал с самого начала...

— Неужели ты думаешь, что я стал бы ломиться в твою душу, желая что-то разузнать? Если ты захочешь, ты расскажешь все сама. Сейчас ведь ты рассказала такое, о чем прежде молчала... Если хочешь, я даже не пойду следом за тобой к источнику. Там нельзя никого обмануть, а великая Амрита говорила мне, что любовь это всегда немножко обман.

— Не произноси этого имени... Как я его ненавижу! Я много лет была у нее в служанках, и только недавно сумела стать собой. Если бы ты знал, какая скверна — быть рабом божьим.

Ист вдруг понял, что Роксалана сейчас упадет, противодействующая сила, которой Ист не замечал, пригибает ее к земле, зовет опрокинуться, покатиться вниз по убийственно крутому склону.

— Молчи! — воскликнул Ист.— Береги силы. Или давай, лучше, я тебя понесу.

— Нет, я сама,— Роксалана выдернула руку из пальцев Иста, сделала еще один шаг и остановилась.

На тропе, загораживая проход, стояла Амрита.

— Исти,— произнесла богиня, не глядя на свою бывшую служанку,— ты попал в скверную историю. Но еще не поздно все исправить. Пойдем отсюда.

— Нет,— отрезал Ист.

Он попытался обойти Роксалану, но та, встав посреди тропы, не пропустила его. Волшебница, только что падавшая без сил, выпрямилась, глядя прямо в лицо богине. На мгновение они замерли, глаза в глаза, хотя Амрита находилась на два шага выше. Потом Роксалана безо всякого усилия преодолела пространство, отделявшее ее от госпожи, и крикнула:

— Убирайся отсюда! Слышишь? Он мой! Я нашла его без твоей помощи, и он только мой! Он любит меня, и ты не имеешь права отнимать его. Твое собственное могущество не позволит тебе этого. Сейчас против тебя любовь!

— Прекрасно сказано...— улыбнулась богиня, переводя взгляд на соперницу.— Я вижу, ты не зря была моей служанкой. Ты многому научилась, дорогая. Бросить вызов мне — это красиво. И ты совершенно права — пока он любит тебя, я не смогу его отнять. И я не стану этого делать, ибо любовь священна. Будь счастлива с ним. Но не обижайся, если я отниму у тебя свои подарки. Ведь они не имеют никакого отношения к чистой любви этого мальчика.

Сколько тебе лет, Роксалана? Скажи честно, а он пусть слышит.

— Сколько бы ни было,— голос волшебницы внезапно охрип,— но он любит меня, а я люблю его.

— Ты надеешься, что он сделает тебя бессмертной? Не знаю, сумеет ли он совершить такое, и, главное, захочет ли, когда узнает правду. Мы с ним договорились не лгать друг другу, поэтому я считаю себя обязанной открыть ему глаза. Я забираю свои дары. Стань собой, Дигди — старуха из Бэра!

Роксалана вскрикнула. Лицо ее дико исказилось, его прорезали глубокие морщины, побурела кожа, ввалился беззубый рот. Остатки пегих волос выбились из-под белого платка. Женщина, только что гордо стоявшая перед богиней, согнулась, придавленная к земле бесчисленными годами и тяжелым горбом.

Амрита звонко расхохоталась.

— Смотри! — крикнула она. — Вот твоя возлюбленная! Это Дигди, ведьма-разлучница. Ей восемьсот лет: она родила пятьдесят детей и давно потеряла счет своим любовникам. Но ты, молодой бог, оказался самой знатной ее добычей. Чтобы околдовать тебя, она надела монашеское покрывало, хотя, когда этот платок на ней, она старится, как все люди. Она и сейчас вырядилась монашкой — третий раз в жизни. Дигди, а хочешь я расскажу, как это было впервые?.. Или нет — когда что-

то случается впервые, это почти всегда смешно и глупо, но простительно. Поэтому вот другая история про твою любимую. Однажды ее одолело любопытство, эдакий зуд, а может быть, она просто слишком плотно поужинала, потому что на голодный желудок такое не сразу выдумаешь. Так вот, она отыскала одного из своих взрослых сыновей, а их у нее много, переспала с ним и в положенный срок родила мальчика, который приходился ей разом сыном и внуком. Не правда ли, забавно?

Ист пятился, отступая по тропе, а старуха, стоящая между ним и смеющейся богиней, захрипела, не то пытаясь что-то сказать, не то просто схваченная удушьем.

— Но это еще не все! — радостно воскликнула богиня. — Ребенок вырос и повторил судьбу своего папочки, став ее любовником. И она опять родила мальчика! Очевидно, Мокрида была добра к ней. Но самое забавное, что и с этим ублюдком твоя пассия умудрилась переспать и забеременеть от него! Дигди, расскажи, как это было? Где ты прячешь то, что выродила в последний раз? Ведь оно родилось живым и даже обладает магией. Дигди, скажи, ты кормила это грудью? Что ж ты молчишь? Два бога просят тебя: расскажи!

— Ты сама велела мне делать так!.. — прокаркала Роксалана.

— Теперь ты начнешь оправдываться,— покивала головой Амрита.— Не думаю, что это может.

— Убей меня...— с хрипом вырвалось из старческой груди.

— Ишь ты, о чем запела! — в голосе богини звенело торжество.— Только этого не случится. Ты будешь жить еще долго, очень долго тлеть дряхлой развалиной. Ты станешь проклинать меня каждый день и мучиться от бессилия своих проклятий. Я заставляю тебя существовать, покуда мне не надоест любоваться тобой, а такой красавицей можно любоваться вечно! Но этого мало! Взгляни, молодой бог, эта восьмисотлетняя гримза на самом деле влюбилась в тебя, словно малолетка после первой менструации! Уж я-то в этом понимаю, клянусь источником! Ах, как будет ее корезить, когда мы с тобой все-таки сойдемся! Мы вместе полюбуемся этим влюбленным лемуром...

— Этого не будет! — голосу Роксаланы вернулась звучность.— Ты убьешь меня прямо сейчас, я заставляю тебя это сделать!

Роксалана отступила на полшага и вдруг резко и зло плюнула в лицо богине. Возможно и даже наверняка, Амрита была защищена от любого нападения, ее не смог бы коснуться ни камень, ни металл, ни просто рука, но такого поворота богиня предвидеть не могла, и плевков достиг цели. Густая мокротная слюна заляпала нежную щечку.

— Теперь живи! — выкрикнула Роксалана. — И любуясь мною, вспоминай, как я харкнула тебе в глаза!

Секундная оторопь, овладевшая богиней, прошла, Амрита угрожающе вздела руку:

— Дрянь!

— Нет! — крикнул Ист. Он был готов отвести любой удар, но удара не последовало. Амрита не пожелала вступать в борьбу, исход которой был неясен. Но никто не был властен помешать ей забрать у своей служанки некогда дарованное долголетие.

— Дрянь! — повторила Амрита, глядя вниз. То, что лежало там, меньше всего напоминало человека; скорее — тленные и очень древние мощи. — Ей вечно не хватало вкуса, чтобы красиво довести до конца хоть что-нибудь.

Амрита шагнула по тропе и мгновенно скрылась из глаз. -

* * *

У этого острова не было даже имени. Морские пространства отделяли его неделями плаванья от ближайшего берега, и ни один корабль еще не коснулся заостренным носом пустынных галечниковых пляжей. Тысячелетние дубравы поднимались к вершине пологой горы и лишь там отступали, оставляя место камням и альпийским травам. На острове не было людей и даже дикие козы — гроза необитаемых земель, здесь не водились. Шустрые

крабы бегали вдоль линии прибоя, тюлени и котики, побитые в иных местах человеческой рукой, здесь чувствовали себя в безопасности. Лес обживали птицы. Многие из них, разучившись бояться, забыли о своей природе и бескрыло бегали по земле.

В приморских городах рассказывали, будто в море есть чудесный остров, на который дано ступить лишь праведникам, но мало ли о чем пустословят в приморских городах? Послушать людей, так во всяком озерце есть свой чудесный остров. А еще в портовых городках и рыбацких поселках верили, что прежде за морем был не просто остров, а великая земля, населенная сплошь чародеями и ночными некромантами. Однажды их злодейства переполнили чашу терпения повелителя морей пеннобородого Басейна, и волшебный материк провалился на морское дно. Шепотом и с оглядкой передавались известия, будто не все некроманты сгнули в пучине, кое-кто выжил на дне и в час недоброго моря выбирается на сушу, чтобы вредить людям.

Что в этих рассказах истина, что ложь, а что сказка — знает лишь источник правды.

Еще мальчишкой, едва научившись ходить по тайным тропам, Ист облюбывал необитаемый остров. Здесь было хорошо и по-настоящему безлюдно. Даже случайно сюда никто не мог забрести. Сейчас, когда душа была разорвана пополам, Ист уполз на склоны потухше-

го вулкана, как раненый зверь ползет прятаться в чащу. Думать он не мог ни о чем, просто перед глазами то вставал призрак Роксаланы — седой, беззубой, горбатой, то вспоминалась хохочущая Амрита. Мелькали воспоминания о недолгих днях счастья, а вслед за тем видение истлевших останков, накрытых упавшим монашеским платком. Иста трясло от омерзения к веселью богини и тут же начинало корчить при мысли, как возле источника правды он неизбежно увидел бы подлинный облик своей любимой. «Любовь это всегда немножко обман», — изрекла богиня нежной страсти. Нет, на самом деле все куда проще: «Любовь это сплошной обман». А ведь Роксалана... то есть, Дигди и впрямь любила его. Виновата ли восьмисотлетняя ведьма, что ее черствое сердце не устояло перед роковой заразой? Жаль было влюбленную старуху, и от этой жалости душу выворачивал приступ отвращения. И мысль о том, что Амрита, по сути, спасла его от вечного союза с чудовищной горбуньей, наполняла душу ядом ненависти к непрошеной спасительнице.

Ист метался, хрипя проклятия, крошил кулаком скалы, кажется, выл и плакал. А может быть, это лишь мерещилось ему, пока он сидел оцепенев, а мироздание рвалось вокруг отчаявшегося бога. Ломались тысячелетние стволы, дрожала земля, на склонах грохотали обвалы, дым поднялся над потухшим

вулканом... Ист ничего не замечал и не помнил.

Боль росла, становилась нестерпимой. Вселенная дрогнула, разламываясь с мучительным хрустом. Вздвигнувшаяся земля смяла зеленый покров леса, там, где недавно вздымался одинокий горный пик, взбухла палящая туча, пробудившийся вулкан взорвался, словно сердце, переполненное обманутой любовью. Смерч, напоенный огнем и пеплом, понесся по округе, море хлынуло в раскаленное жерло, ставшее на месте острова, и новый взрыв, сильнее первого, колыхнул океан.

В такой круговерти не только человек, но и бессмертный был бы испепелен за доли мига, но прежде чем такое могло бы случиться, непокорное тело само метнулось на волшебную тропу. Ист упал, покатился, попытался подняться и снова упал. С тропы он видел пламя, смешанное с водой, а на месте срытого острова — столб пара, дым и грязную серую пену поверх кипящего моря.

Ист не мог сказать, шел ли он по тропе, полз или бежал. Помнил лишь, что вывалился к источнику, ткнулся лицом в ручей, начал глотать студеную вкусную воду. Кебер с ужасом смотрел на происходящее, затем воскликнул:

— Ты с ума сошел! — и, ухватив Иста за плечи, дернул от родника. — Нельзя оттуда пить!

— Плевать!.. — простонал Ист.

Потом он вспомнил, как купалась в этом ручье Амрита, какая теплая вода была в тот раз, и его начало рвать.

— Так-то оно лучше,— заботливо проговорил Кебер.— На вот, зажуй,— он протянул яблоко.— И меч, кстати, отдай, а то, неровен час, увидит кто — беды не оберешься.

Ист сунул в руку стражу меч, бессмысленно глянул на протянутое яблоко:

— Не хочу.

— Да ты не бойся, это настоящее. Брат прислал.

Ист покорно взял запретный плод. Как яблоко с верхнего дерева могло попасть сюда, он не спросил; даже у мелких богов должны быть свои секреты. Терпкая, вяжущая кислота свела скулы и прояснила голову. Иста передернуло последний раз, следом навалилась усталость и апатия. Все в жизни было понятно, и ничего не хотелось.

— Здорово тебя,— уважительно протянул Кебер. Неведомо откуда он добыл мешок, звякнувший стеклом, распустил завязки, вытащил пушистый ком корпии и склянку с бальзамом, принялся смазывать ссадины на руках Иста.

— Не надо,— слабо воспротивился Ист.— Ночью само заживет.

— Что ж тебе, ночи ждать? — бормотал Кебер.— А у меня все равно бальзам пропадает, смертных тут не бывает, так кого мне еще лечить? Ты это что, с Гунгурдом так сцепился?

— С самим собой.

— С собой — это хуже. Себя так просто не поборешь. На-ка вот, еще одно яблоко. Сердце оно не успокоит, а мозги прочистит.

Ист взял второе яблоко и начал, морщась, жевать.

* * *

Болела голова. Ист впервые ощутил это прежде незнакомое чувство. И впервые в жизни он не мог вспомнить, где был и сколько времени прошло с тех пор, как кучерявый Кебер впихивал в него оскомные яблоки и мазал ожоги живичным бальзамом.

Здесь, где Ист осознал себя, была ночь, в другой части мира царил полдень, и это ничего не меняло. Время застыло навсегда в бессмысленном кружении. Это для человека оно идет — медленно ползет в часы ожиданий, несется свирепым потоком, в те мгновения, когда от него зависит жизнь, сладостно струится в минуты отдыха... для бога времени нет, время умерло вместе с последним человеческим чувством. Учитель говорил, что тяжелодумный бог Фран десятилетиями спит, не просыпаясь, и лишь людское поклонение питает его. Сейчас Ист, не раздумывая, поменялся бы с Франом сущностью. Больше всего не хотелось просыпаться к жизни.

Сдержав стон, Ист поднялся. Где бы он ни был, не стоит валяться вот так. Надо вернуть-

ся на свой остров, там, во всяком случае, никто не наткнется случайно на плачущего бога. А он теперь стал богом — как это погано, когда выжжена душа, и ты — бог!

Ноги привычно шагнули на тропу, и тут Ист остановился. Среди бесчисленного множества тропок не хватало одной, той, что вела к безлюдному клочку суши. Вернее, тропа была, волшебные тропы не исчезают, но она больше не вела никуда. Остров исчез.

Ист незримым духом парил над грязным морем. Там сплибались неутихающие валы, плавали горы пемзы, над которыми поднимался жаркий пар, в небе бесполезно рокотала гроза, вызванная вчерашним катаклизмом. И не было ни единого клочка суши — последняя часть древнего материка рухнула на морское дно.

Ист покачал головой. Хорошо, что остров был безлюден и никто не погиб. Незачем людям платить за беды богов. А ему впредь урок — не верить никому и... Ист застонал, пытаясь отогнать вновь вставшие перед глазами воспоминания. Куда теперь деваться? В проклятый Норгай, где все напоминает, как он встретился с Роксаланой? В трижды проклятые Соломоники — город шлюх и фальшивых мудрецов, где он был так искренне обманут? В ненавистный отныне Монстрель, где на самом берегу зеленого моря зачем-то строится дом...

Круто развернувшись, Ист шагнул на ближайший поворот. Сейчас ему казалось важным сделать так, чтобы дом в Монстреле не был достроен. И без того в мире слишком много склепов. Через пять минут нога Иста отпечата-ла первый след на выглаженном прибоем пес-ке на берегу моря у самой окраины Монстре-ля. И вновь, уже второй раз за сегодняшний день, Исту почудилось, что он сбился с пути и попал в какие-то незнакомые места. Не было строящегося дома, не было соседних домов, от-крытых солнцу и морскому ветру. Не было ничего, лишь груды развалин и обломки морс-кого судна, закинутые неведомой силой за две-сти шагов от уреза воды.

Ист кинулся в порт. Там всеобщий разгром еще сильнее бросался в глаза. Смытые лачуги, расщепленные корабли, вклиненные между по-косившимися домами, груды водорослей, сви-сающие из выбитых окон. Немногие люди, с ис-товой обреченностью разрывающие развалины в отчаянных поисках... чего?.. или кого? И странно-нелепой казалась на улицах разрушен-ного города фигура старика, прижимающего к груди точеный стул из дорогой ореховой дре-весины — единственное, что случайно уцелело от прошлой жизни.

— Басейн пеннобородый! — нараспев произ-нес старец и, установив стул на размытой мос-товой, уселся на него, словно сидел во главе стола в собственном богатом доме.— Басейн не-

терпеливый! О гневный Басейн, пришел час воли твоей, и нечестивые нашли конец в водах! Слава тебе, великий, ибо сегодня ты поквитался с недостойными, преумножив счастье верных!

Безумец не был священником, скорее богатым купцом, и не вязался вид и положение, в которое ввергла его злонравная судьба, со словами проповеди бурь, которую всякий житель веселого Монстреля слышал в храме своего грозного бога. Но сейчас, в минуту всеобщей беды, проповедь в устах сломанного несчастьем человека звучала как нельзя более уместно. Лишь теперь Ист почувствовал, какой страшный вал веры вздымается над городом. Он казался куда громадней той волны, что сутки назад снесла Монстрель с лица земли, оставив нетронутым лишь храм пеннобородого бога. Вся эта сила тянулась сейчас к храму, обращалась в волю и могущество повелителя пучин. Это была не просто сила, а сила морского бога, и потому, хотя самый воздух звенел от напряжения, Ист не смог сразу понять, что здесь не просто стонут и плачут люди, а творится великое богослужение. И старик, еще день назад ценивший серебряные грошени превыше всех богов, сегодня воспарил над источником правды, превзойдя великих жрецов.

— Волны — спины твоих коней, гривы их — пена. Будь благословен великий бог, сразивший

недругов! — Голос старика, сидящего на стуле среди развалин, задрожал: — всех своих недругов... Мику, Ярта, Акита и внуков моих... а меня одного не тронул... зачем? Слава тебе, повелитель глубин, губитель кораблей, акул и пастух, скачущий на крутой волне!

Ист представил, как наливается сейчас дольством бессмертный, которого в этих краях прозывали Басейном, а на родине Иста — Ньердом. Учитель лишь рассказывал об этом божестве, видеть его Исту доселе не пришлось, но он уже чувствовал, что ненавидит злобное божество всеми фибрами души.

А потом в голове что-то изменилось, толчком, вдруг, будто упала складная бумажная штора, какими разгораживали комнаты в восточном Намане, и Ист отчетливо понял, что бессмертный Ньерд не обрушивал свой гнев на неповинный город и сейчас лишь пользуется случаем, чтобы насытиться людским ужасом. С удивительной ясностью, рожденной кислыми плодами истины, молодой бог увидел, что послужило причиной небывалой беды. Далеко в океане взорвалась огненная гора, рухнул в пучину безлюдный остров, и весь земной круг содрогнулся в конвульсиях. Это он, Ист, ударил кулаком в сердце океана, породив волну, которая смела Монстрель и сотни мелких городков и деревень вдоль побережья, и опустошила приморскую часть Сенны, надолго отбив у дикарей охоту появляться на берегу, а на

другом краю земного диска хребет цунами столкнулся с каменным хребтом и умер, раздробив сотни скал, а заодно и скорлупки лодок, с которых краснокожие гарпунили морского зверя и добывали со дна мясистые морские ракушки.

И теперь весь земной круг замер перед мощью богов, всякий народ лежал ниц перед своим кумиром и безбрежный океан веры питал довольных бессмертных. Один лишь виновник катаклизма не знал ни о чем, и ничем не пользовался. Но в ту секунду, когда правда предстала его глазам, Иста захлестнул поток нечистой, мутной силы.

— О могущий! — тянул обезумевший старик. — Воля твоя непреклонна, и все неверующие наказаны. И двухмесячная Кейли тоже, ты знал, что делал, когда обрушил на нее крышу моего нечестивого дома! Так будет со всяким, усомнившимся в твоей благости и не исполнявшим твою волю. Хвала тебе, пеннобородый!

Ист бежал, но не было в мире такого места, где удалось бы скрыться от молитв, проклятий, отчаянных призывов, от исступленной, ненавидящей, отчаянной, безумной веры обезумевших людей. Только теперь, убив десятки тысяч и ужаснув миллионы человеческих существ, Ист понял, что действительно стал богом. Чтобы войти в число небожителей, мало подняться по небесной тропе, надо

еще приучиться, не замечая, топтать людей и в первую очередь раздавить человека в себе самом.

Дважды раздавленный человек Ист корчился, истекая болью, и не мог найти защиты от нестерпимого преклонения народов.

Так рождаются боги.

Глава восьмая БОГИ ВОЙНЫ

Хольмгард был самым богатым и спокойным из всех городов островного Норланда. На диком севере, в Снегарде и Маженице, власть железной рукой держал кёниг дер Наст. В центре страны в захолустном Ансире царил кёниг Ансир. В роду Ансиров тоже все были колдунами, так что мало находилось охотников посягнуть на кёниговский престол, а немногие претенденты умирали мучительно и разнообразно.

Зато в Хольмгарде кёниги менялись едва не через год. Удобная гавань и мачтовые боры, окружающие город, позволяли чуть не ежегодно снаряжать дальние экспедиции, поэтому в Хольмгарде всегда толклось немало любителей пиратских набегов. А в те месяцы, когда туманное море не давало кораблям промышлять у чужих берегов, ушкуйники были не прочь по-

буйнить дома. Случались драки: стенка на стенку, слобода на слободу, бывали и настоящие возмущения, когда город принимался гореть, а на мосту через реку, рассекавшую город на две неравные части, лилась кровь. Неудобных изгоняли, выбирали нового кёнига, а потом гнали и его.

В целом, однако, промышлявший разбоем город жил дружно, довольствуясь выбитыми в кулацких забавах зубами. Богов в Хольмгарде почитали всяческих, но не боялись никого, разве что Ньерда — бога ледовитых морей, хотя и ему щедрых жертв не несли, полагая, что Ньерд и так свое возьмет.

И Ньерд брал, черпал жизни щедрой рукой. Во всем городе не было ни одной семьи, где бы не поминали в начале лета родных, нашедших свой конец в студеных волнах. Ньерд — бог суровый, не чета слабосильному Басейну, которого почитают в южных краях.

Чаще всего налетчики тревожили континентальный Монстрель — столицу герцога Лиеского. По обе стороны пролива жили люди, говорившие на одном языке, схожие видом, а вот нравом различные, как только родные братья различаться могут. Хольмгард промышлял рыбой и разбоем, бил китов и снаряжал экспедиции на самый крайний север за драгоценным гагачьим пухом и моржовыми клыками, что дороже слоновой кости. В леса жители буйной республики заглядывали редко и жителей со-

предельного Ансира дразнили клюквоедами, почитая дикарями и чернокнижниками.

Монстрельцы, напротив, жили оседло, и, хотя то же море билось о такой же скалистый берег, рыбаков тут было не так много, да и те больше перебивались устрицами и многоногими омарами. На торговых кораблях, которым и в Наман случалось добираться, плавал всякий сброд, а коренные монстрельцы предпочитали крепко держаться за землю, по виду серую и бесплодную, но умеющую дарить земледельца и виноградом, и белой пшеницей, которые не родились по ту сторону пролива. Лесов здесь было немного, и все считались охотничьими угодьями гордого герцога Лиезского. Лишь на самом северо-востоке, где земля вздымалась каменным хребтом, начиналась Вальденбергская пуща. Леса продолжались и по ту сторону гор, в землях Северной марки, которая хотя и считалась продолжением герцогских владений, но на деле не принадлежала никому.

Всех своих северных и восточных соседей просвещенные монстрельцы называли дикарями, дразнили кого рыбоедами, кого лешаками, и относились к ним с опаской, считая колдунами. Хотя какие колдуны в Хольмгарде? В Северной марке еще есть кое-кто, а из Хольмгарда всякий, умеющий хотя бы письяк с глаза свести, давным-давно уплыл, кто в Лютецию и Соломоники, а кто и еще дальше. На юге жизнь сладкая, и чародеев там привечают.

Так и жил один народ, разделенный проливом и судьбой,— одни буйно, подвергаясь многим бедам и опасностям, но крепко держась за волю, а вторые куда сытней и безмятежней, но зато в вечной зависимости от защитника-герцога, облагавшего их такими податями, что разбойники, пожалуй, отняли бы меньше. Лишь одно сближало два города между собой, да и со всеми прочими городами, сколько их есть на земном диске. Мастеровой люд, те, что рубили корабли, плели канаты, ковали якоря и железные насошники, мололи зерно, давили масло и красили шерсть — считались людьми нечистыми. Им не дозволялось без очистительной жертвы приблизиться к требищу или храму, при встрече с мастеровым благополучный купец или добропорядочный крестьянин поспешно плевал через плечо и шептал охранительные заклинания. Мастеровых ненавидели, но уже не умели без них обойтись. Богопротивные слободы все плотнее обступали всякий город, и все больше людей, махнув рукой на благосклонность богов, принимались за хитрое механическое ремесло.

К тому же в последние годы объявились по городам проповедники небывалой ереси, говорившие, что людям до богов и вовсе дела нет, и если бессмертным худо от кузнечного дыма, то это должно волновать бессмертных, а никак не кузнецов. Говорили и о новом боге по имени Прогресс, который привечает мастеровой люд

и берет его под свою защиту. Кто вооружен копьем, тот приносит жертвы воинственному Гахаму, а кто это копье выковывает — молится Прогрессу. И какой из богов сильнее — еще подумать надо. Служитель Гахама — островитяне зовут этого бога Галахан — без копья от мужика ничем не отличается, а кузнец, ежели ему не по нраву копья и шелома ковать, может приняться за гвозди и убытку от того не потерпит. Вот и гадай: кто из богов главнее? И кто без кого обойтись сможет.

Особым успехом новая вера пользовалась в Хольмгарде. Сильной власти тут вовек не бывало, а корабельщиков, канатчиков, салотопов и углежогов хватало с лихвой. Скот на мелких утесах выгуливался плохо, хлеб на расчищенных делянках родился и того хуже. А ведь из трудового люда лишь пастухи и землепашцы угодны богам. Вот и шатнулся портовый город от старых обычаев к новым, от веры отцов к людским непотребствам.

Началось все, когда новым посадником стал не купец и не воинский человек, а корабел. Звали посадника Карсом, и корабли, срубленные его людьми, славились по всему северу. Никто и не понял, как случилось, что мастеровой народ, подлые люди, прежде не имевшие права говорить, перекричали на сходе добрых людей и посадили во главе города худого человечешку. Дела нет, что Карс богат, как не всякому купцу разбогатеть, и знаменит, что хоть кёни-

гу впору. Но раз тесло в руках держал и ква-чем днища смолил, значит — худой человечешко. А что дерево — материал чистый, еще ничего не значит, — главное, инструмент какой. Топор взять — полгреха, а бурав — полтысячи.

Собой Карс уродился на диво, выше всякого человека на две головы, силищи был несказуемой, медведю впору. А вот голос новый посадник имел тонкий и пронзительный, за что получил прозвище Свисток.

При Карсе отцовская мудрость прахом пошла. Корабли рубились все более ладные, со всякой хитростью и подковыркой. Плавали они все дальше, и уже у берегов сказочной Индии видали полосатый хольмгардский парус. А вот воинского дела стало меньше. И без грабежа суденышки возвращались до самых мачт груженные дорогим товаром и всякими редкостями. Конечно, мореходы и сейчас не стеснялись утопить встречного купца, однако оказалось, что торговать выгоднее. Как и прежде торговали пушниной, рыбьей костью, пахучей можжевеловой смолкой, горным льдом, что от страшных морозов обратился в камень-хрусталь. Но все больше было среди товаров железа — звонкого и такого твердого, что только наманские клинки могли с ним поспорить. Такого железа больше нигде не водилось, лишь на острове. И хотя во всех трех островных государствах железо было одинаковым, но по всему миру его называли хольмгардским. Бла-

городные кёниги, ревнуя за чистоту, держали по паре доменок, да по паре кузниц, а безбожные хольмгардцы поставили уже не слободу, а целый городок со своим валом и предмостными укреплениями. Хизнуло благочестие, и проклятые ремесленники до того обнахалились, что даже в городе стали появляться не в покаянной одежде, а просто как хорошие люди.

В прежние годы божий гнев не заставил бы себя ждать. Прилипчивая горячка, голод или небывало студёная зима живо проредили бы возомнивших о себе людишек, но теперь год проходил за годом, а Хольмгард процветал и никакая напасть его не трогала.

Один лишь Ист знал, чего стоило благополучие Хольмгарда и Норгая — двух городов, ступивших на путь, по которому прежде даже ползком ползти не позволялось. Хорошо еще, что никто из богов не вмешивался в его борьбу с Гунгурдом. Кебер как-то в душевную минуту рассказал, что шестеро бессмертных собирались возле его источника и думали, что делать с неумным мальчишкой. Решили ничего не делать. Скоро сила Иста будет подточена его собственными делами, и тогда его можно будет взять безо всякой борьбы. А куда пусть щенок потреплет спесивого Галахана, вреда от этого не приключится.

Ист пытался выпросить, кто именно совещался у источника лжи и был ли там Хийси, но на расспросы Кебер отвечал, что он сторож,

а не доглядчик. Гунгурда там не было, о прочем — сам думай. А не хочешь — не верь, много ли веры тому, что рассказано у лживого ручейка? Ясно лишь одно: Мокрида у источника была, а то от лихорадок, насылаемых многозаботливой старухой, Ист никого бы не сумел уберечь. К счастью, Гунгурд в таких делах не мастак — он больше действует огнем и сталью.

Набеги со стороны засевшего среди болот Ансира учащались, становились злее, но поукуда городская дружина отбивала наскоки бешеного повелителя огня. А тем временем в кузнечной слободе вагранщики отливали из мягкой меди что-то небывалое.

Сам Ист никогда в жизни не додумался бы до такого оружия. Мало ли чего ни напридумывали хитроумные алхимисты Лютеции и Соломоник — в их заумных построениях сам Парплеус не разберется. А дымными смесями, что они растирали в подвалах, разве что коз на лугу пугать. Однако кислое яблоко, которым когда-то Кебер попотчевал Иста, подсказало и иные способы использования огненного порошка, который щедро жгли во время карнавалов и мистерий. Норгайский кузнец Ынтид, давно уже не кузнец, а городской старшина, собственно ручно изготовил первую огненную машинку, и вскоре бюститители порядка уже щеголяли засунутыми за кушак пистолями: длинными и покороче, украшенными перламутром, лазуритом и слоновой костью.

Теперь это же оружие Ист решил испытать в Хольмгарде. Несколько оружейников согласились отправиться в далекий северный край. Они поплыли с тем большей охотой, оттого, что весь город знал: туманный Хольмгард — не просто город, где власть взяли мастеровые, а давний соперник диких племен, разоривших некогда Норгай. Хотя варвары и положили конец ненавистному владычеству храма, но город они сожгли считай до основания, и норгайцы были рады возможности досадить давним обидчикам.

Хольмгардские литейщики познакомились с действием пороха, но поступили по-своему — принялись мастерить орудия столь большие, что они должны палить не стальной стрелкой, а преогромным каменным шаром. В округе было набрано с полсотни валунов, и каменотесы уже трудились над ними, обкатывая базальт по размерам чудовищного жерла.

Всего было изготовлено три пушки. Их отполировали, украсили резьбой и чернью, установили на прочных дубовых станках на вершине земляного вала, одетого диким камнем. Пушки должны были прикрывать ворота — самое уязвимое место в городе. Все справили честь честью, не успели только испытать, как умеют палить медные чудовища. К городу подошел не просто отряд набегников, а вся дружина кёнига Ансира. Одновременно в морской дали объявились паруса континентального флота: герцог Лиезский, заключивший тайный союз

с кёнигом, блокировал город с моря. Монстрельское рыцарство и пехота высадились на берег, город был осажден со всех сторон.

Ист, примчавшийся в Хольмгард, обошел стены, постоял на торжище, слушая пересуды горожан. Болтали всякое, и было ясно, что если война окажется неудачной, то новой власти не устоять. В военной беде молва зорко провидела гнев богов. Защитники, впрочем, сдаваться не думали. Тревожились лишь по поводу фуэтов, которых на этот раз латники Ансира привели невиданное множество. По ночам лагерь осаждающих озарялся пламенными всполохами — это выдыхали жгучий огонь неуклюжие ящерицы, которых во всем мире почитали за драконов. Из всех смертных один только повелитель огня знал секрет многолетнего волшебства, позволявшего превратить робкую серую ящерку в неповоротливого огнедышащего гада. При взгляде на медленно шествующих зверей становилось ясно, что городские ворота не простоят и получаса, несмотря на железные бляхи и полосы, скреплявшие дубовые брусья. А потом, если сопротивление не прекратится, запылают дома.

Ист стоял на валу, неподалеку от того места, где работники в замаранных блузах устанавливали третью пушку. Отсюда лагерь Ансира был плохо виден, но подходить ближе было просто опасно. То есть Исту опасность не угрожала, если бы он захотел, то, вероятно, мог

бы прогуляться и по лагерю своих врагов, но человеку дальше пути не было, поэтому Ист тоже не собирался подходить ближе к позициям осаждающих.

Сзади слышалось тяжелое дыхание и хриплый кашель. Ист обернулся. На стену, опираясь на витой посох мага, поднимался Амадей Парплеус. За без малого двадцать лет, что Ист не видел чародея, Парплеус сильно постарел, но былой внушительности не потерял. Побелевшая борода была по-прежнему заплетена в косы, чрево выпирало вперед, берет малинового бархата надвинут на одно ухо.

— Любуетесь? — отдуваясь, спросил чародей. Иста он, разумеется, не узнал, хотя тот не потрудился изменить облик.

— Воздухом дышу, — честно ответил Ист.

— Эх, молодой человек, — судя по всему, Парплеус был не прочь побеседовать, — на вашем месте я бы не стал шутить. Конечно, город хорошо укреплен, дружина сильна, и дух горожан высок. Но подумайте о том, что под стенами стоит не просто враг. Противником командует один из искушеннейших чернокнижников мира. Ужаснейшие драконы, что подчиняются ему...

— Какие же это драконы? — перебил Ист. — Это не драконы, а фуэты. А драконов на свете не бывает. Если бы вы внимательно слушали лекции преподобного Лисимаха, которые он читал в университете Соломоников, то знали бы этот очевидный факт.

— Молодой человек! — гневно вскричал оскорбленный маг. — Светоч учености, преподобный Лисимах был среди моих учителей, и его поучения я слушал внимательнейшим образом! А вот вы не могли вкушать из источника его мудрости, поскольку Лисимах умер четырнадцать лет назад, когда вы еще разгуливали в одной рубашонке и без штанов!

— Прошу прощения у знаменитого мудреца, — улыбнулся Ист. — Увидав вас, я был столь поражен, что перестал понимать, что делаю и говорю. Честно говоря, я не рассчитывал встретить здесь столь знаменитого ученого.

— В этом нет ничего удивительного, — покивал Парплеус. — Я много десятилетий посвятил изучению северной ворожбы. Здесь, в Норланде, живут самые сильные из природных магов. Случается, что никому не ведомая крестьянка, сама того не зная, умеет повелевать стихиями. Что же говорить о здешних властителях? Много лет я прожил при дворе повелителя мечей Фирн дер Наста и без ложной скромности могу сказать, что постиг все глубины его волшебства. Ваше счастье, что дер Насты традиционно враждуют с Ансирами, будь иначе — Хольмгارد не простоял бы и дня. В смертельной рубке нет никого равного Фирну Глубокая Шапка.

— Почему же тогда он носит эту шапку? — не удержался Ист. — Говорят, однажды благородный кёниг лишился ушей и все великое искусство не помогло ему.

— Юноша! — вскричал убеленный маг. — За-
клиная вас, не произносите подобных слов
вслух! Вы касаетесь непростых взаимоотноше-
ний природной магии и магии природы, а это
просто опасно. Вот проблема, которой не жаль
посвятить всю жизнь без остатка!.. Как вы по-
лагаете, почему я здесь, а не в университете
Лютении, где мне предлагали любую кафед-
ру на выбор? Но могу ли я делиться своей
мудростью, если знаю, что в мире еще оста-
лись неразгаданные тайны? — Парплеус пони-
зил голос: — Знаете ли вы, что в мире есть че-
ловек, сумевший снять железный ошейник дер
Наста? Конечно, ошейник не золотой червь,
от которого вообще нет спасения, но и это
явление достойно самого пристального внима-
ния.

— Спасения нет только от смерти, все ос-
тальное исправимо, — процитировал Ист.

— Я вижу, вы умный, начитанный юноша, —
проникновенно произнес Парплеус, — но вы по-
детски несерьезно относитесь к столь важным
вещам. Это может дорого обойтись вам. Пора
взрослеть, молодой человек. Аксиомы акмео-
логии столь же верны, как и любые иные. Если
вы пропустите подходящее время, то рискуете
никогда не достичь мудрости.

— И все же, — спросил Ист, — почему вы так
уверены, что Ансир сумеет взять город? Фуэт —
волшебное существо, но его можно убить, как
и всякого зверя. Несколько лет назад под сте-

нами Снегарда Ансир потерял часть своих чудовищ и с тех пор и до сегодняшнего дня сидел смирно.

— Что вы знаете о тех событиях!..— саркастически воскликнул мудрец.— А я стоял на Снегардской стене, как теперь стою на стене Хольмгарда, и видел тех зверей так же ясно, как вижу этих. Поверьте, эти драконы или, если угодно, фуэты, гораздо страшнее тех, что были приведены под стены Снегарда. К тому же там был дер Наст, а здесь никто не защитит осажденных. Неужели вы надеетесь на эти медные болванки? Мастеровой еще никогда и никого не мог защитить. Завтра я предложу свои услуги городскому собранию для переговоров о сдаче города.

— Не думаю, что Карс согласится на ваше предложение,— заметил Ист.— Впрочем, это мое личное мнение, решать за посадника и лучших людей я не могу. А пока, хоть вы и не верите в силу пушек, я должен заняться ими. Завтра утром мы проверим, смогут ли медные звери защитить город от зверей огненных.

— Так вы один из норгайских мастеров?..— протянул Парплеус на южном наречии.— Никогда бы не подумал; вы так чисто говорите на здешнем языке, и у вас светлые волосы.

— Я тут родился! — крикнул Ист уходя.

— Я так и думал, что вся эта затея придумана мальчишками,— пробормотал Парплеус себе под нос.

* * *

На следующее утро начался штурм. Вернее, не штурм, а медлительное военное действие. Сначала воздух наполнил надсадный гудеж волюнок, затем слух был оскорблен ударами колотушек по пустотелым колодам. По этому сигналу к городским воротам двинулись первые фуэты. Они ползли под прикрытием бревенчатых щитов. Так Ансир намеревался уберечь своих питомцев от случайных ран и царапин.

На всякий случай городские ворота были до половины завалены землей, а люди укрывались уже за этим валом. Стоять прямо позади створок охотников не было, понимали, что смельчак разом будет зажарен, едва первый из фуэтов дыхнет на ворота негасимым огнем. На городской стене тоже ждали нападения. Черным дегтем курились котлы со смолой, угрюмые слобожане, чьи дома еще третьего дня попалила война, готовили рогатины, спихивать вниз лестницы и всех, кто по этим лестницам ползти вздумает. Но больше всего народу толклось вокруг пушек. Как-то покажет себя небывалое оружие? Ударит ли каменный шар в хребтину дракону или просвистит мимо? А может, и просто колдовское зелье разорвет медную трубу, поубивает всех, кто вокруг толчется, и проку со всей затеи не выйдет и на волос. Последняя мысль казалась все более верной, и к тому времени, как фуэты со всем своим обо-

зом показались из-за пригорка, возле пушек не было уже никого постороннего, только Ист и его люди.

Каждая пушка носила собственное имя, обязательно женское и ласковое: Свистулька, Сви-релька и Толстушка. Возле Толстушки, изготовленной последней, недвижно замер старый Истов знакомец — Торп. Увидав неделю назад Торпа на оружейном дворе, Ист немало удивился, хотя сразу почуял, что нелюдимый лесовик, которому по годам уже пора бы ног не волочить, несет на своей судьбе четкий оттиск старого Хийси. Потому и не стареет мужик, потому, должно, и сюда его занесло.

С Торпом Ист попытался осторожно побеседовать, но ничего не вызнал. Хуторянин вроде и не скрывал своего прошлого, но и в откровения не пускался. И что ему Хийси велел тут делать, Ист понять не мог.

Еще вчера вечером будущие пушкарки сумерничали в покойчике при оружейной палате, разговаривали ни о чем, стараясь не думать, что завтра, быть может, их судьба решится. Каждую пушку обихаживало по четыре человека, хотя канонир — тот, кто поднесет фитиль к запальнику, — был только один. Эти люди как бы и считались главными. Ежели пушка не выдержит и лопнет, остальные будут в сторонке, а канонир весь тут, ему прятаться негде. Тогда Ист и спросил как бы между делом:

— А сам-то ты из каких будешь?

— Из людских.— Торп пожал плечами.— Родом-то из недалних краев, из-под Снегарда. Только я оттуда ушел давно, считай в тот год, когда кёниг в твой Норгай плавал. Ты еще, поди, малый был, не помнишь, а у меня то время как на ладони. А потом куда меня только не носило. В Монстреле жил, в Лютеции. Всю Германию пешком исходил.

— Небось и в Намане бывал, и в негритянских странах...— поддразнил недоверчивый Вегел — канонир при Свирельке, самой легкой из пушек.

— Не, на юге не был. Ни в Провансе, ни в Соломониках, ни тем паче в Сенне. Не люблю я тех краев. Мне и в Лютеции не по душе пришлось. Летом жарко, трава колючая, словно в засуху. Сикорахи какие-то по ночам свиристят. У нас лучше. Лето хоть и недолгое, но радостное; душой отдыхаешь.

— Чего ж тогда бродяжить ушел? — спросил кто-то.

— Не я ушел, а меня ушли. Кабы меня кто спросил, так я, может, и с места не стронулся бы. Дома, одно слово, ласково живется.

— Поди, родители остались?

— Какие родители?.. Они уж сколько лет как померли. И жены не было. Кто ж ко мне на хутор пойдет бедовать? Я на островах жил навроде бирюка. Все хозяйство один держал. При прежнем кёниге можно было жить, а новый — Корноухий Фирни — меня по миру пустил.

— Тебя послушать,— перебил Вегел,— так тебе под семьдесят должно быть, а поглядеть, так не больше сорока. Если ты при старом кёниге своим домом жил, так сколько тебе лет?

— Может, и семьдесят,— спокойно отвечал Торп под общий смех,— кто ж в лесу годы считает? Живется, ну и хвала богам...— Торп потряс головой и спешно поправился: — то есть я хотел сказать: вот и хорошо.

Так Ист и не понял, зачем учитель прислал сюда Торпа да и присылал ли вообще. Может быть, того сюда случайно занесло.

Теперь Торп стоял возле своей Толстухи и пристально глядел на выползающую к городскому валу колонну. Должно быть, так же спокойно одинокий лесовик ожидал в лесных засидках, когда беспечная добыча коснется браконьерской снасти, чтобы не оставить осторожному зверю никакой возможности уйти от охотника.

— Давай! — выдохнул Ист и махнул рукой.

Одна за другой пушки подпрыгнули на своих станинах. Стремительный огонь рванулся из запальника и широкого дула. Клубы густо-черного, воняющего серой дыма заволокли стену, не позволяя противникам видеть друг друга. Хотя и без того, человеческий глаз не способен уследить за полетом пушечного ядра. Один Ист мог бы увидеть, что все три выстрела пропали даром: каменные ядра описали дугу высоко над головами атакующих и взрыли землю на склоне холма, так далеко от стен, что никакая ката-

пульта не смогла бы кинуть камень и на треть этого расстояния. Но неуживимому богу в этот миг пришлось всех хуже. Его не коснулся рвущий уши грохот, не заставила закашляться и зажмурить глаза удушающая сернистая вонь; однако близкий выстрел контузил его, как если бы каменное ядро ударило прямо в грудь. Недаром простонародная молва и изощренная схоластика сходились в одном: в мире может жить техника или волшебство, а вместе им не бывать. Недаром одичавший лесовичок Сатар и бессмертный Хийси в один голос твердили: наука или магия, а там, где они сходятся, не остается места ни волшебству, ни богу.

Впервые Ист оказался рядом со столь изощренной и сокрушительной машиной, и механическое действие, незримой силой заставившее камни улететь вдаль, с той же силой ударило по магическим способностям, сверхъестественным чувствам и нематериальной сути бессмертного. Не ожидавший удара Ист покачнулся и едва не упал. Никакие пинки, которыми награждал его Хийси, натаскивая для будущих бед, не могли сравниться с бездушным взрывом. Не будь взрыв рожден техникой, магия оградила бы Иста, но сейчас именно она оказалась под ударом. Теперь Ист знал, почему боги, стравливая людей в битвах, стараются в это время быть где-нибудь подальше, хотя, казалось бы, из гущи сражения легче полной мерой черпать силу.

Ист стоял, оглушенный, потерянный и не мог понять, отчего кричат сгрудившиеся на стене люди, ликут они или вопят от ужаса.

Между тем военные последствия выстрела оказались куда сильнее, чем могла бы предположить самая смелая фантазия. Если уж бессмертный бог не сразу сумел прийти в чувство, то что говорить про несчастных ящериц, существующих только благодаря изощренной, но слабой человеческой магии?

Неудержимо шагающие фуэты разом остановились, споткнувшись на ровном месте, по морщинистой шкуре прошла дрожь, и больше погонщики не дождались ни единого движения. Уродливые морды ткнулись во взрытую землю, дым, курившийся меж конических зубов, вытекал тонкой струйкой и вскоре иссяк. Фуэты были мертвы.

В ту минуту еще никто не знал, что после пробного залпа механических чудовищ сдохли не только те четыре фуэта, что попали под выстрел, но и все остальные — те, которых кёниг Ансир держал в резерве, и те, не вошедшие в полную силу, что выращивались в заболотном глухоманье, выкармливались кровоточащим мясом и горючей смолой под заунывное пенье ворожеев непобедимого Галахана. Никто покуда не догадывался, что с первым пушечным выстрелом мир стал иным и на полях сражений магия окончательно и бесповоротно побеждена новым, немагическим искусством.

А пока внизу оторопело молчали, будучи не в силах понять, что случилось, а на стенах вопили, размахивали руками и хохотали, искренне веря, что три каменных ядра действительно сумели убить четырех опасных зверей, которые только что по-хозяйски двигались к воротам.

* * *

После гибели нежно любимых чудовищ кёниг Ансир хотел немедленно снять осаду и скрыться за болотистыми пустошами, что искони охраняли его владения, но герцог Лиезский, никогда слишком не рассчитывавший на магические силы, не позволил уйти ненадежным союзникам. Война, тягучая и никому особо не нужная, продолжалась. Трудно было сказать, на что надеялся герцог: город был хорошо укреплен, и блокировать его с моря купеческими кораблями было бы безнадежным предприятием. Тем не менее войска продолжали стоять под стенами, сантонские бароны, закованные в латы, выезжали к стенам, вызывали подлых трусов на благородный поединок и, не дождавшись сатисфакции, возвращались в лагерь. Несколько раз по баронам палили из малой пушечки и наконец попали. Трехфунтовое ядро из Свирельки убило оруженосца вместе с конем, а благородного рыцаря скинуло наземь, заставив долго подниматься под свист и улюлюканье с городских стен.

— Не пойму, чего они ждут. Нас им не взять и за сотню лет. Мы живем в домах, они — в

шатрах и палатках. Подвоз продовольствия ничуть не затруднен, а герцог в части провианта полностью зависит от ненадежного союзника. В этой войне не будет ни славы, ни добычи — что ему нужно?

Ист стоял на бруствере, облокотившись на одну из пушек, посадник Карс, огромный, сухой как щепка и такой же просмоленный, стоял рядом и, казалось, не слушал, что ему говорят. Тем не менее, едва Ист умолк, бывший корабел покачал головой и негромко произнес:

— Что ему нужно — того не ведаю, а что они тут сидят — худо. Сам посуди — торговли нет, берег в блокаде, ни нам никуда не поплыть, ни добрым гостям на наш торг не попасть. Торговле от этого беда, а корабельному делу и того хуже. От войны только войне польза бывает. Так-то вот. Ты хоть лицом с нами и схож, а все не здешний, наших забот тебе не понять.

— Может быть, и не понять... — задумчиво протянул Ист, — но кое-что я понял. Значит, говоришь, от войны бывает польза только войне? А я-то гадаю, что происходит... Ну что ж, спасибо тебе. Я вот что подумал: а не послать ли корабли напрямик в Монстрель? Пощупаю, чем герцог жив.

— Верных людей у меня мало... — проворчал Карс. — Если сейчас ватагу на Монстрель послать, то как бы родной Хольмгард не проворонить. Те, что останутся, герцогу ворота не откроют, да боюсь, что и нам тоже.

— А если не ватагу посылать, а нескольких говорливых людей с подметными грамотами? Взбунтуем Монстрель, герцог здесь не долго усидит.

Карс задумался на пару долгих минут, потом с сожалением вздохнул:

— Ничего не выйдет. Это мы бунтовать горазды, а у них там оракул морского бога. С авгурами шутки плохи: разнесут недовольных — только перья полетят. Понимать надо, хоть мореходы и зубоскалят, что, мол, ихний Басейн супротив нашего Ньерда слабак, но у них настоящие волшебники, наши в том числе, а тут — никого.

— Об этом не думай, — успокоил Ист. — Оракул вмешиваться не станет. Слыхал, что в Норгае с храмом было? Вот и они слышали.

— Не нравится мне это! — Посадник в сердцах ударил кулаком по ладони левой руки. — Всюду боги, волшебники, тайны паршивые! Простому человеку повернуться некуда. Помоему, бог нужен, только чтобы ему в праздник жертвы приносить, а в остальное время хоть бы его и вовсе не было — не заплачу. Ну да что с тобой делать, — Карс наклонился к Исту, с высоты саженного роста заглянул в глаза, — пошлю людишек. Но ты помни, их головы в твоей руке. Сгубишь посланных — не прощу, найду хоть в Монстреле, хоть в Норгае. — Карс помолчал немного и добавил совсем тихо: — Не думай, я знаю, что творится в моем городе. И

что ты далеко не каждую ночь проводишь здесь, мне известно. То, что в Норгае ты делал, мне тоже известно. Надеюсь только, что у меня дома колдуну работы не найдется. А в Монстреле делай что хочешь. Сумеешь разбить оракул или уговорить его не вмешиваться — хорошо. Не сумеешь...— Карс круто развернулся и, не договорив, начал спускаться со стены.

Ночью три легких суденьшка убежали через пролив, а на следующий день на островном берегу высадилось пришедшее из Монстреля подкрепление. С купеческих карбасов сгрузили несколько закупленных в Лютеции баллист и начали подводить лагерь ближе к городским стенам. Работы продвигались медленно, осаждающие понимали, что если попросту поставить камнеметы напротив стен, то они в тот же день будут разбиты пушечными выстрелами. Молодецкий приступ грозил превратиться в многомесячное копанье в каменистом норландском грунте. Рыцари были недовольны: солдаты бузили и пьянствовали, а согнанный отовсюду подневольный люд неохотно ковырял землю, возводя вал, из-за которого баллисты могли бы безопасно швырять камни.

Пушки ударили, производя опустошение среди землекопов, но благородного герцога мало беспокоила гибель пленных простолюдинов, работы продолжались. Откуда-то стало известно, что баллисты собираются швырять не просто камни, от которых было бы не так много вре-

да, а горшки с горящим салом, а то и вообще с горным маслом, о котором рассказывали всякие чудеса. Горное масло, впрочем, до городских стен не доплыло, корсары Хольмгарда перехватили последний карбас, и огромный костер осветил ночное море, подтвердив слухи, что волшебное масло умеет гореть и в воде.

Ободренные удачей моряки высадились на берег и сожгли большинство вражеских судов, выгашенных на песок и как следует просохших к тому времени. Теперь герцогу оставалось во что бы то ни стало взять город штурмом — уйти от стен Хольмгарда он не мог, у него почти не осталось кораблей.

Больше всех был доволен случившимся Ист. Как бы в конце концов ни повернулось дело, но даже его противники, а значит, и сам Гунгурд были вынуждены во время большой войны пользоваться не столько магией воинов-жрецов, сколько запретной техникой. И, в конечном счете это была его победа.

Между тем землеройные работы были ускорены, самая большая из катапульт установлена позади насыпанного вала, и в городе начались первые пожары. Горело жарко и неугасимо, что и неудивительно, если рядом с катапультой стоит повелитель огня.

Покуда в Хольмгарде лениво шла столь милая сердцу Гунгурда война, Ист тайно отправился в Монстрель. Он не был тут уже много лет, с того самого дня, как чудовищная волна

смела с лица земли всю прибрежную часть города. Два слишком тяжелых воспоминания связывались у Иста со столицей герцогства. Впрочем, город, заново отстроенный, ничем не напомнил бывшего. К тому же в порту и в торговых кварталах Исту было нечего делать. На этот раз его путь лежал в святилище бога Басейна. Пора было вводить в игру третью силу.

Оракул располагался на вершине меловой скалы, откуда хорошо были видны волны залива, покрытые белой рябью барашков. Прорицатели, обосновавшиеся здесь, наблюдая полет морских птиц, предсказывали погоду и возможный улов рыбы. Гадали также по облакам и ветру. Каждое из этих искусств имело звучное название и своих адептов. Врали авгуры не более, чем все остальные пророки и гадалки, однако пользовались в западных землях немалой популярностью. Всякий морской путешественник считал своим долгом, очутившись в Монстреле, принести жертвы пеннобородому Басейну и, в надежде на удачный исход плавания, попытать судьбу, обратившись к одному из предсказателей. Местные жители, по большей части сухопутные, тоже не обходили стороной храм морского повелителя. Так или иначе — урожай зависит от погоды, и если натянет с океана хмарых туч да зарядит в начале лета безудержный холодный дождь — что тогда? А уж те, кто от моря кормится, на устричных отмелях и банках, те и подавно каж-

дый день на скалу оракула смотрят, пытаясь собственным умишком сообразить, хорошо ли кружат над святилищем крачки и бакланы. Птиц здесь специально прикармливали, и они неустанно кружили над внутренними двориками святилища.

Даже безбожные хольмгардские ватажники, когда им случалось поступать на службу к монстрельским торговцам, и то приходили поклониться владыке южных морей, про себя считая, что страшнее Ньерда в океане все равно никого нет. Впрочем, частенько в разговорах звучало правильное мнение, что и Ньерд, и Басейн на самом деле — один морской бог.

Так или иначе, город принадлежал Басейну, и Ист твердо вознамерился выяснить, по его велению ввязался в войну герцог либо же это просто досадная случайность, которой ловко воспользовался Гунгурд. Как можно встретиться с пеннобородым, Ист не знал и потому отправился напрямик к оракулу, понадеявшись, что такой поступок не будет расценен как вторжение и объявление войны. Поднявшись по серпантину, Ист прошел в распахнутые ворота. Здесь богомольцев встречал привратник. Магии в нем не было нисколько, держали мужика на службе за пеннобородость и зычный голосище.

— Чайки стонут перед бурей! — завел он, взвидев Иста.

Ист молча прошел мимо, на ходу бросив в плошку заранее приготовленный кёртлинг. Ми-

лостыню можно было бы и не давать, но Ист хотел показать, что идет сюда как гость, готовый подчиниться правилам обители, и милостынька как нельзя лучше подходила для этого. На пороге храма объявился еще один служитель. На этот раз в нем можно было различить следы магической сущности, и Ист решил заговорить с ним.

— Мне нужно побеседовать с твоим хозяином,— молча произнес он.

Служка вздрогнул, но, не осмелившись ослушаться, указал дорогу. Под запятнанной птичьим пометом колоннадой Иста и его проводника встретил еще один жрец:

— Кто ты, осмелившийся желать невозможного?..— загудел он. Звук был низкий и, казалось, шел из самого живота. Простой человек вряд ли выдержал бы это гудение. Он немедленно впал бы в смертную тоску и уже не желал бы ничего, кроме скорейшей смерти. Служитель, приведший Иста на ступени, быстро отступил, шепча охранные заклинания. Ист недовольно поморщился и, заглушая басовитого колдуна, повторил:

— Мне нужно побеседовать с твоим хозяином.

— Говори,— приказал авгур, мигом сообразивший, что перед ним путник, искушенный в волшебствах, которого на такой простенький фокус не поймать.— Перед тобой великий магистр консистории. Говори, но помни, что вся-

кое твое слово будет услышано, и берегись, если пеннобородый повелитель разгневается на твои слова.

— Я должен говорить не с тобой, а как раз с твоим повелителем,— твердо повторил Ист, отлично чувствовавший, что вокруг нет ничего серьезней людской магии. Да и та хилая, хотя перед Истом действительно стоял великий магистр. Очевидно, в этом святилище у морского бога не нашлось сколько-либо серьезных волшебников. Проще всего было самому пройти к оракулу и потребовать свидания с богом, но именно этого Ист и не желал. Нечего распоряжаться в чужом святилище: начав с применения силы, трудно рассчитывать на мирный исход переговоров.

Магистр кинул взгляд на кружащих в синеве птиц, но, не найдя там никакого совета, решился.

— Откройте адитум,— возгласил он, не глядя на младшего жреца,— и пусть гнев пеннобородого за то, что святилище открыто в неурочный час, падет на голову дерзновенного!

Жрецы в длинных одеждах забегали кругом. Всех прочих паломников, явившихся за простым гаданием или просто желавших купить немножко удачи, быстренько выдворили за пределы оракула. Ист отчетливо видел, что магистр не уверен в своих силах и не слишком надеется на то, что должно произойти у алтаря. Видать, не слишком часто пеннобородый

повелитель осчастливливал своим появлением знаменитый оракул. Но верховный авгур, даже не вступив в борьбу, убедился, что с Истом ему не совладать, и теперь надеялся на чудо. И чудо произошло.

Алтарь был выполнен в виде трона, на каком могли бы разом усесться человек восемь. Балдахин на столбиках из нарвальных клыков вздымался под самый потолок. Драгоценные кораллы, розовый перламутр и россыпи крупного жемчуга украшали святыню. Жрецы, собравшиеся полукругом за спиной Иста, завели мрачный мотив. Свет померк, тяжелый запах наркотических курений поплыл по помещению.

— Явился!..— ударил по ушам истерический вопль, и на пустом троне возникла великанская фигура. Могучий старец с бородой, водопадом низвергавшейся на грудь, возник на троне. И трон, рассчитанный на восьмерых, оказался ему в самый раз!

— Что нужно тебе здесь, о несчастный? — взревело под куполом.

И лишь спустя секунду Ист почувствовал, что призрак, созданный коллективным усилением собравшихся в святилище магов, наполнился действительной силой. Пеннобородый Басейн явился в свой храм.

— Ты знаешь, кто я,— по-прежнему беззвучно произнес Ист.— Я пришел говорить с тобой. Скажи своим слугам, чтобы они оставили нас. Лучше им ничего не слышать. Даже если ты

прикажешь им забыть все, слухи о нашей встрече все равно немедленно расползутся по всему миру. И почему-то все будут знать, о чем мы говорили.

Великан, сидящий на троне, приподнял кустистую бровь, и упавшие ниц прорицатели поспешно выползли вон, не смея разогнуться или хотя бы встать на ноги.

— Так что тебе нужно от меня, молодой бог? — спросил Басейн, наклоняясь над стоящим Истом.

Лицо Басейна мрачно светилось, словно натертое адепоцерой, голос бога гудел, и стены храма дрожали от его мощи, но Ист вдруг увидел за этой ширмой скорченную фигурку, примопившуюся на краешке необъятного трона. Верно, и впрямь повелитель океана был среди слабейших богов, поскольку мороки других бессмертных, с кем уже довелось встретиться Исту, казались ему истинным обликом. А может быть, просто, с тех пор как он был обманут кажущимся видом ведьмы-разлучницы, Ист стал зорче присматриваться к внешности собеседников, стараясь отделять истинное от кажущегося.

— Ты не мог бы уменьшить свои размеры? — попросил Ист. — Я привык разговаривать, глядя в лицо собеседнику, а сейчас не знаю, куда смотреть, то ли поверх твоей головы, то ли в промежность этому дуболему.

Басейн вздохнул согласно и покорно съежился, уменьшившись почти до своих настоящих

размеров. Впрочем, кучерявую бороду, суровое лицо и ледяные глаза он сохранил.

— Я хочу знать,— спросил Ист,— кому принадлежит этот город. Если он твой, то что делает герцог по ту сторону пролива?

— Город...— Басейн уже не грохотал, а скрипел ворчливо,— хотел бы я знать, кому он принадлежит... Хольмгард — это тоже мой город, меня там чтили превыше всего, а ты пришел и забрал! И здесь меня чтут, а Галахан явился и поднял герцога на войну.

— А ты?..

— А меня ваши войны не интересуют. Островитяне с материком всегда воевали, а я и тех и других топлю одинаково. Справедливость, понимаешь ли...

— Я так понял,— жестко проговорил Ист,— что тебя не волнует, кто стоит во главе города. В таком случае я рассчитываю, что ты не станешь вмешиваться, ежели здесь начнутся события.

— Как я могу не вмешиваться? Это мой город!

— В таком случае пусть герцог сидит здесь, а не под стенами Хольмгарда. Что предсказал ему твой оракул перед походом?

— Представления не имею,— совершенно искренне ответил Басейн.

— Вот как?.. Пусть будет так...— протянул Ист.— Но ты обмолвился, что герцог служит не тебе, а жирномордому Гунгурду... Почему же

ты не хочешь, чтобы власть герцога в городе пала?

— А если вместе с ней падет и оракул?..— ничуть не внушительно взвизгнул повелитель морских пучин.

— Оракул Желя в Норгае ничуть не пострадал, когда власть перешла ко мне,— напомнил Ист,— а сырная ярмарка во время праздника стойл стала знаменита, как никогда.

— Я не имею никакого отношения к сыру,— скривился пеннобородый.

— Но тебе никто не мешает учредить праздник в честь начала лова рыбы или добычи устриц и морских гребешков. И пусть весь город хоть целую неделю ликует в твою честь, я возражать не стану. Давай так: в конце ноября у берегов появляются первые торосы, пригнанные с севера осенними бурями. Горожане запасают лед, а море — штормит. Мне кажется, это самое время для почитания морского бога. Во льду свежие устрицы, освященные во имя твое, доедут до самой Лютеции, а ведь там тебя никто не почитает. Подумай, лучше мирная жертва, чем никакой.

— А что скажет Галахан? Да он желчью на меня изойдет!

— Тебя очень интересует пищеварение старого вояки? Я мог бы справиться с ним и без тебя, но мне не хочется разжигать лишнюю вражду.

— Без меня не справишься. Без меня ни единый корабль не дотянет до берегов континента.

— Я знаю, что ледовитый Ньерд — это тоже ты,— согласился Ист,— но я знаю и еще кое-что. Конечно, немало окрестного народа живет морем, но большинство все же ковыряется в земле и несет жертвы твоей супруге — Деметре. Забавно, не так ли? Мне казалось, что ни у кого из богов нет семьи. Ленивцу Франу нет дела, что его почитают под женским именем, но думаю, что от праздника в свою честь он не откажется. А бури, в том числе и морские, умеют умирять Нот и Зефир. Так что не надо переоценивать свои силы. Ты не единственный среди богов, и к тебе я пришел только потому, что твое согласие означает скорый мир. Ну так что, в честь нашей победы устроим ярмарку у подножия твоей скалы?

— Я не выступаю против Галахана,— в отчаянии прокричал подводный бог.

— Тебя никто не заставляет вступать в войну. Ты всего лишь, если кто-то обратится к оракулу, отвечай невнятно. И пусть ближайший месяц на море будет хорошая погода.

— Она и так будет хорошая. Сейчас море мутить — только пуп зря рвать.

— Вот и славно. Значит, договорились? Если птицеголовые авгуры не сунутся в Монстрель, то уже этой осенью жди новых жертв.

Ист вскинул руку в прощальном приветствии и ступил на верхнюю тропу. Уже стоя на волшебной дороге, он успел разглядеть сгорбченного карлика в засаленной мантии и колпаке

звездочета, который сидел на краешке трона и яростно терзал бороду, не зная, что предпринять в такой неудобной ситуации. Нехорош был вид пеннобородого Басейна, и не хотелось ему верить. Оставалось надеяться, что страх окажется благоразумным советчиком и он подскажет Басейну сидеть тихо и не вмешиваться в борьбу непреклонного бога войны с молодым, но слишком опасным выскочкой.

Покинув обитель анемографии, нефелологии и птероскопии, Ист напрямик направился в Хольмгард, откуда пришли странные вести. Оказывается, ночью кёниг Ансир со всей своей пехотой снялся и ушел через болота спасать родной городок, к которому с севера приблизилась рать дер Наства. Прослышав о возвращении недруга, снегардский кёниг не стал переть на рожон, а, разграбив несколько окраинных деревень, вернулся в родные пределы. Все происходило как в обычные годы, так что Ист не мог понять, просто так повелитель мечей решил пощупать оборону Ансира или к этому делу приложил волосатую руку старый Хийси. От учителя Ист уже пятнадцать лет не имел ни единой весточки.

Воспользовавшись отсутствием латников, Карс устроил вылазку и спалил с таким трудом доставленные баллисты. Земляные валы, прежде удачно прикрывавшие осадные механизмы от артиллерии осажденных, теперь не позволили действовать рыцарской коннице. Един-

ственные, кто пытался оказать сопротивление, был десяток арбалетчиков, охранявших скрипучие машины, но их смяли после первого же залпа, а затем хохочущие мастеровые жгли катапульты не торопясь и не опасаясь мести осаждающих. Более того, перед сожжением одна из катапульт была развернута, и десяток горшков с пылающей смолой улетел в сторону герцогского шатра.

А на следующий день юркое суденышко принесло весть: в Монстреле начались беспорядки. Теперь уже герцогу стало не до завоеваний. На немногих уцелевших кораблях, лодках и лодчонках, едва ли не на корытах монстрельское рыцарство устремилось к родным берегам. Исход был столь внезапен, что хольмгардский флот опоздал кинуться в погоню, тем более что корабли были отведены подальше от берега, где их не мог достать греческий огонь.

Случись в эту минуту даже не шторм, а просто небольшое волнение, и половина рыцарей не достигли бы родного берега, но пеннобородый Басейн честно держал свое слово, соблюдая нейтралитет, — водная гладь напоминала зеркало, и самый худой челнок в такую погоду мог пересечь пролив. Войско высадилось миль на двадцать севернее города и спешно направилось к дому, однако там их встретили закрытые ворота и камни со стен. Герцог попытался закрепиться в стенах оракула, который прежде и пикнуть не смел против его воли, однако

на этот раз ворота и здесь оказались закрыты. Напрасно герцог высылал гарольдов, требуя магистра для объяснений, авгуры на стенах не показывались, лишь пышнобородый привратник проревел мрачное пророчество: «Буря! Скоро грянет буря!»

Власть в Монстреле утекла из герцогских рук без кровопролития и даже без серьезных грабежей. Цеховые старшины с полуслова договорились с богатыми купцами, а гарнизон, узнав, что оракулу и его дружине до происходящего дела нет, в полном составе перешел на службу новой власти. Конечно, в городе оставалась и аристократия, и служители воинственного Гунгурда, но их было так немного, что они сочли за благо зайти или уехать в загородные имения.

Опасаясь распространения мятежа, сантонские бароны один за другим покидали сюзерена, спеша вернуться в имения. Вскоре у благородного герцога осталось не больше десятка рыцарей и личная гвардия под командованием непреклонного Вольдемара де Бейна. Штурмовать с такими силами многотысячный город было невозможно, и герцог, изрыгая проклятия в адрес предателей, отступил на юг в крошечный городок Лиез, где оставались преданные ему земли и откуда он намеревался начать страшный поход на еретиков, изгнавших своего природного господина.

В Норланде тем временем кёниг Ансир, попукаемый своим истинным повелителем, развер-

нул войско и попытался вернуться к Хольмгарду, однако на полпути был встречен городским ополчением. Часть латников и сам кёниг успели скрыться в лесах, однако большинство воинов Гахама нашли свой конец на вересковых пустошах.

Казалось, это была полная победа, но у Иста не шли из головы слова Карса: «От войны только войне польза бывает». Победенный ли, победитель — всяк благодарит воинскую удачу, принесшую победу или хотя бы просто позволившую остаться в живых. А значит, и побежденный, и победитель вливают новые силы в божественную суть великого Гунгурда.

Нужно было побыстрее заключать мир и устраивать обещанный праздник копчения сельди, лова ракушек или какого-то иного, но обязательно мирного занятия.

В положенный срок море заволновалось, пронзительный полуношник притащил с севера хрустальные льдины, и одновременно море возле Монстреля зарябило от полосатых хольмгардских парусов. Город обуял страх, и многие в эту минуту пожалели, что неосторожно изгнали герцога Лиезского. Однако корабли остановились посреди бухты, а к берегу пристал лишь один, самый большой, с которого сошел посадник Карс с золотой булавой в руках. Прямо на причале он обнял городских старейшин и объявил о мире на вечные времена. Городу были поднесены подарки и сре-

ди прочего — двести новеньких дубовых бочек, которые островитяне клятвенно обещали выкупить полными лучшего монстрельского вина.

Затем от оракула, прежде закрытого, двинулась процессия авгуров во главе с великим магистром, который обещал благоволение седобрадного Басейна всем, кто будет есть рыбу во время осеннего праздника. Великое множество селедок и пирогов с камбалой было съедено в этот день во славу морского бога.

Где-то в неведомых краях злобный карлик Басейн скрипел зубами, не понимая, в чем именно его обманули и почему так скверно на душе. Вроде бы все случилось, как договаривались: жертвы идут косяком, имя его поминается в каждом доме, а вот страха божия у людей не стало. Лучше бы Ист кораблекрушение какое пообещал или — как в прошлый раз — цунами устроил. Тогда было хорошо, а сейчас люди смеются и нет радости.

* * *

Несколько лет три мятежных города жили мирно, и слава о них расползалась по всему миру. Однако Ист понимал, что тишина обманчива. Потерпев военное поражение, Гунгурд ничуть не был ослаблен. Сила его даже возросла, Ист понимал, что в один неожиданный день все три города могут быть стерты с лица земли и удерживает Гунгурда лишь боязнь испор-

тить отношения с другими богами, чьи интересы завязаны на мятежные города.

Решив не ожидать, когда золотошивный Гунгурд нанесет следующий удар, который может оказаться более удачным, Ист сам принялся выбирать место для атаки. Обдумав все как следует, Ист остановился на святилище бога Гартулу в Сенне.

Сенна была самой дикой и неустроенной из всех стран земного круга. Здесь обитали настоящие дикари, ходившие голышом и пользовавшиеся камнем куда чаще, нежели медью и железом. Впрочем, эти чернокожие люди знали и медь, и железо, просто камень казался им привычнее и, во всяком случае, был гораздо дешевле металла.

Святилище змеерукого Гартулу с виду ничуть не напоминало величественный норгайский храм Гунгурда или уставленные замшелыми мегалитами капища Гайхана в Хольмгарде или Ансире. И все же это был один бог и одна вера. Змеерукого также называли богом-воителем, точно так же некогда он являлся людям, сокрушал чудовищ и обращал в рабство народы. Кроме того, он требовал возлияния на алтарь крови. Но если в Ансире в праздничные дни жертвовали бойцовых петухов, а в Норгае — готовых для случки баранов, то негритосы, словно в незапамятные времена, приносили на жертвенник людей. Впрочем, в Ансире в годы бедствий, тоже случалось, затаскивали в огражденный гранитны-

ми глыбами круг связанного пленника. В несчастливые годы люди вообще склонны быстро дичать и вспоминать, казалось бы, прочно забытое. В норгайском храме священных убийств не бывало лишь из-за того, что пролившаяся кровь разрушила бы тонкое заклятие медленных слез. Зато паломники, бывало, так истязали себя самобичеванием перед самым входом в храм, что жертвенная человеческая кровь ручьями стекала по ступеням.

Но самое большое сходство было в том, что спруторукий Гартулу, подобно его восточному и северному двойнику, сражался не как простой человек, а бился разом двенадцатью медными асsegаями, которые хранились в самом сердце святилища, в доме, построенном из ароматных сандаловых бревен. Тут уж не обманулся бы даже неумный. Дюжина изогнутых норгайских или прямых северных мечей не особо сильно отличается от двенадцати асsegаев. Гунгурд привык действовать единообразно.

Последнее время из жаркой Сенны доходили тревожащие вести. Что-то там творилось, являлись чудеса и знамения, приносились кровавые жертвы. Большинство поселков вдоль прибрежных мангровых болот были наглухо закрыты для магического взора. Можно было попытаться снять враждебные заклятия, но это значило на всю вселенную объявить, что злокозненный Ист заинтересовался городишками чернокожих и, значит, именно здесь его и сле-

дует ожидать. Ист решил сам потихоньку сходить в запретные места. В конце концов, если он не станет вылезать из чащобы, Гунгурду будет не так просто выследить противника. Леса издревна принадлежат Хийси, ну может быть, за исключением нескольких священных рощ, где поклоняются другим богам. К тому же кузницы, где редко можно встретить соглядатаев, стоят, как правило, тоже возле леса, а Ист привычно собирался узнать новости именно у местного кузнеца.

Ист вышел из зарослей как раз там, куда звали его частые удары молотка по горячей меди. Чернокожий человек, подогнув ноги, сидел возле небольшой наковаленки и старательно выковывал, а скорее чеканил медную подвеску — из тех, что носят в ушах молодые девушки. Даже сквозь удушливую мглу механического мастерства Ист учуял отчаяние, злость и горе, волной идущее от работающего. Странно было видеть за тонкой работой человека, которому впору хватать самую вескую из своих кувалд и спешить на расправу с обидчиками.

Ист подошел и присел рядом с работающим. На этот раз Ист принял облик могучего воина. Руки его бугрились мышцами, лоб и щеки покрывали серые рубцы шрамов. И хотя при себе у Иста не было никакого видимого оружия, он знал, что его выслушают и постараются ответить. В Сенне, как и повсюду в мире, уважали здоровяков.

— Что огорчило тебя, мастер? — без обиняков спросил Ист.

Кузнец поднял голову и, прекратив стучать, ответил:

— Как может огорчаться человек, на чей дом пал благосклонный взгляд Гартулу? Я счастлив, прохожий. Что бы ты хотел заказать у меня? Только учти, прежде я должен кончить работу над этими серьгами. Пусть все видят, что моя дочь не хуже других. На встречу с катаблефой она пойдет в красивом наряде и с украшениями, каких прежде никто не надевал.

«Забавно...— подумал Ист,— филологи Соломоник давно заметили, что у всех народов бытуют сказания о красавицах, которых собирались приносить в жертву всевозможным чудищам, но которые были спасены прямо с алтаря могучим героем. Премудрый Лисимах выдвинул гипотезу, что на самом деле все это отголоски одного давнего мифа. Сдается, однако, что Лисимах ошибался и среди аборигенов Сенны скоро появится легенда, схожая с прочими как две капли воды, но возникшая совершенно самостоятельно».

— Ты всерьез полагаешь, будто это причина для счастья? — Казалось, Ист просто размышляет вслух.— Я не знаю, кто такая катаблефа, но девушки не должны ходить на встречу с неведомым существом, носящим женское имя. Особенно если в этом деле замешан змеерукый.— Ист глянул в глаза кузнецу и добавил зна-

чительно: — Я не люблю тех богов, которые требуют, чтобы им приносили в жертву красивых девушек. Особенно я не люблю тех богов, по воле которых девушки достаются катаблефе — кем бы эта катаблефа ни была.

— Катаблефа — это невиданное чудовище, — пояснил кузнец. — Змеерукий послал его, чтобы оно охраняло наши города от набегов соседей. За это благодеяние мы каждую неделю отдадим ему одну из девушек. Пойти к катаблефе — большая честь. Моя старшая дочь была съедена катаблефой год назад, а сейчас настала очередь младшей. У меня всего две дочери, — брови негра поднялись в немом вопросе, — и у обеих такая завидная судьба! Почему-то богачи оказываются среди избранных гораздо реже, чем проклятый богами кузнец...

— Настоящие воины сами защищают свои города от набегов соседей, — поучающе изрек Ист, — а невиданных чудищ они убивают, а не отдают им своих дочерей.

— Как можно убить невиданное чудище, если его никто не видел? — удивился кузнец. — Говорят, всякий, увидавший катаблефу, превращается в камень.

— Убивать можно и не глядя. — Ист был непреклонен. — Слушай меня, мастер: скажи жителям своего города, что вместо твоей дочери на встречу с катаблефой пойду я. Я захотел убить невиданное чудовище. А если Гартулу, пославший его в джунгли, вздумает помешать

мне, то я убью и Гартулу. Я не люблю плохих богов.

— Ты странный человек, прохожий! — воскликнул кузнец. — Как можно любить бога? Можно любить дождь, но нельзя молнию, потому что она не для нас. Боги тоже не для нас, их следует бояться, но любить их не за что. И бороться с ними тоже нельзя — ты ведь не станешь сражаться с молнией или водопадом. Но если ты герой, не знающий страха, то можешь идти на битву, я дам тебе самое лучшее копьё и щит из кожи гишопотама.

— Я справлюсь так! — крикнул Ист, поднимаясь с пятак.

На следующее утро Ист появился возле наглухо заложённой ограды селения, которое его обитателями именовалось городом. Судя по всему, жители не слишком поверили словам подозрительного прохожего, за частоколом гудели тамтамы, несло дымом костров, люди готовились к еженедельному жертвоприношению. Ист усмехнулся. Даже если в зарослях прячется зверь, не имеющий никакого отношения к врагу, поклонение Гунгурду в этих краях резко пойдёт на спад.

Иста заметили, над частоколом появились кучерявые головы, словно насаженные на острые колья.

— Сегодня я увижу невиданное чудище! — закричал Ист, вздымая призрак копьё, — и убью его!

Чернокожие молчали, лишь тамтам продолжал жертвенную песнь. Ист развернулся и пошел к зарослям, начинавшимся сразу за неширокими полями, засаженными просом и кустиками маниока. Лес сомкнулся за его спиной, барабанный рокот сразу притих, словно город боялся оповещать джунгли о своем присутствии. Дорога шла под уклон, вскоре под ногами зачавкало: ротановые пальмы и раскидистые альбиции с шипастыми ветвями постепенно уступали место деревьям, окруженным уже не ветвями, а тугими побегами воздушных корней. Воздух стал душен, липкая влага оседала на лице, жирные пиявки падали с лаковых листьев, источавших горький молочайный сок. Мелкие полупрозрачные крабы ползали по стеблям лиан, напоминая издали небывалых пауков. Мутный запах гнили пропитывал каждую пядь этого леса.

Ист не любил влажные джунгли со всей страстью северянина, привыкшего к простору корабельных рощ. К тому же сейчас Ист чувствовал, что поблизости действительно есть кто-то, излучающий мрачное чувство опасности. Конечно, никакой хищник не сумеет причинить ему вреда, но то, что скрывалось в гнилом тропическом болоте, не было просто хищником. Присутствие чужой магической силы было невозможно спутать ни с чем, а это значит, что в самом сердце тропического болота притаился человек. Или бог, что еще хуже. Все странные

существа и невиданные чудища сразу и несомненно делились на тех, что сами родились в лесу, и тех, что были обязаны своим появлением недоброй воле. От этого пахло человеческим волшебством, и Ист приготовился к серьезной драке, тем более что катаблефа, судя по всему, уже обнаружила непрошеного гостя и приближалась, очевидно надеясь на легкую поживу.

«А ведь это придется убивать,— подумал Ист,— хотя оно, скорей всего, было когда-то человеком. Интересно, зачем Гунгурду понадобилось это чудище? Ведь оно в несколько лет обезлюдит все здешние деревни. Хотя, возможно, его создал и запустил сюда кто-то другой, а Гунгурд лишь пользуется тем ужасом, что внушает чудовище. В любом случае это придется убивать... лишь бы оно не было разумным, лишь бы оно не умело разговаривать. Совершенно не умею убивать того, кто только что беседовал со мной...»

Затем Ист замер на полушаге, и недодуманная мысль оборвалась. Перед Истом, загораживая дорогу, стоял Гунгурд. Вечный парчовый халат укутывал его грузную фигуру. Белозубая улыбка сияла в густой бороде, привычные ко всякому оружию руки прочно сжимали ассегай, точь-в-точь как те, что хранились в черном капище, хотя, возможно, оружие было не просто похоже на боевую святыню, а на самом деле один из священных ассегаяев в нужную минуту появился в деснице бога-воителя.

— Приветствую тебя, юный бог! — прогудел Гунгурд.— Не думал я, что мы встретимся так скоро. Вспомни, ведь я собирался распять тебя на камне, возле которого мы впервые встретились, а теперь мне придется всего лишь проткнуть в тебе дырку. Ты уж прости старика за назойливость, но куда ты полез? Забыл, должно быть, что мир уже поделен между богами. Ну так я тебе напомним, хотя это знание тебе больше не понадобится. Знай, дитя, что боги могут враждовать и сражаться без всякого вреда и ущерба для себя. Пока рушатся города и льется человеческая кровь, мы можем сидеть рядом и пить из одной чаши. Но самому соваться во владения соседа нельзя. А ты уже второй раз пойман на этом. Впрочем, первый раз ты считался ничтожным лесным божком, лизоблюдом старого Хуавы, и спрос с тебя был невелик. А теперь, прости, тебе придется отвечать собственной селезенкой. Именно ее я собираюсь проткнуть в первую очередь.

Ист ничуть не обманывался, глядя на болтающего старика, разодетого в блестящие тряпки. Повелитель мечей Фирн дер Наст тоже любил почесать язык перед боем, но еще никому не удавалось поймать его при этом врасплох.

«Интересно,— невпопад подумал Ист,— кому служит воинственный кёниг? Неужели Гунгурду? Ведь главный бог в святилище — Хаймарт, а это одно из имен Хийси. И заповедный лес

древнего бога тоже рядом, и прислужникам Гунгурда не удалось спалить его до конца...»

Ассегай в длани Гунгурда опасно дрогнул, мерцающее лезвие описало круг, словно очерчивая контур Иста,— убийца выбирал, куда нанести первый удар.

Неуловимым движением Ист вынул из воздуха скрытый меч и немедленно, без замаха обрушил его на древко негритянского оружия. Такой удар, пожалуй, мог бы перерубить волшебный посох первосвященного Протта. Но хозяину старого жреца он не нанес ни малейшего вреда. Если бы не улыбка, ставшая еще ослепительней и дружелюбней, можно было бы подумать, что воитель и не заметил атаки Иста. Ассегай продолжал вращаться, рассекая воздух с легким свистящим шорохом. Широкое медное лезвие размывалось, плавилось, превращаясь в мерцающий круг, но Ист, до предела напрягший божественные и человеческие силы, и всю свою магию, сумел разглядеть, что в руках у противника гудит уже не один, а два оружия. Потом их стало три, четыре... Гунгурд смеялся и, кажется, не намеревался бить, хотя ничье искусство не сумело бы отразить удар, направленный разом с четырех сторон.

«Вот, значит, как он сражался одновременно дюжиной мечей...» — не торопясь, подумал Ист. Затем он так же неспешно шагнул вперед, в самый центр гудящего круга и, как и прежде, без размаха ткнул концом меча в незащи-

ценную грудь старика. Когда-то таким приемом он сумел покончить с непобедимым Проттом и сейчас бил наверняка, вложив в удар нечеловеческую силу.

Однако Гунгурд и не пытался уклониться от сокрушительного выпада. Он продолжал чертить асsegаями бессмысленные восьмерки и даже глазом не покосил на оружие в руках Иста. Кривой меч пронзил парчовые одеяния и провалился в глубь тела, словно не встретил ни малейшего сопротивления, а просто упал в пустоту.

— Умница,— похвалил Гунгурд.— Бьешь красиво. Жаль, что ты не успел убить старого Хийси; полагаю, это было бы поучительное и на редкость увлекательное зрелище. Но сейчас зрелище будет не менее поучительным. Надеюсь, ты уже понял, что ничего не сможешь мне сделать, ведь я сам ковал этот меч, и мне он никогда не причинит вреда. Ну а теперь — моя очередь нападать: постарайся оценить, как красиво это будет... Сначала я бью одним лезвием...

Ист резко отпрыгнул в сторону, и медное жало мелькнуло у самого его бока. Одновременно Ист успел коснуться асsegая мечом и, услышав громкий скрежет, понял, что на оружие неожиданный запрет не распространяется: лишенный возможности нападать, Ист все же мог защищаться.

Следующий удар упал сразу с двух сторон, но Ист сумел отбить и его. К этому времени в

его левой руке возникла сделанная еретичными оружейниками Норгая пистоль. Гунгурд не мог не почуять страшного холода, которым тянуло от смертельной машинки. Лицо бога исказилось, улыбка застыла злобной судорогой, мышцы на руках вздулись, и все двенадцать лезвий ударили разом.

Секунда требовалась медлительной искре, сорвавшейся с кремня, чтобы достичь пороховой затравки, доли мига нужны были Исту, чтобы уйти от секущих воздух лезвий, но ассегаям, чтобы достичь жертву, казалось, вообще не требовалось времени. Но все же нашлось в мире нечто еще более молниеносное, нежели удар Гунгурда. Здесь лежал тот предел, когда движение начинает терять смысл, когда исчезает непрерывность и все свершается словно бы скачками, так что невозможно понять, как и откуда явилось то, что не позволило богу-воителю нанести удар. Ист просто увидел, что там, где только что стоял торжествующий враг, теперь возвышается нечто, не имеющее формы и вида, студенистое, дрожащее и едва ли не растекающееся зловонной лужей. Когда Гунгурд успел обратиться в подобного монстра, Ист различить не сумел.

Ист оторопело попятился, не сводя глаз со слизистого чудовища. По скользкому телу чудища пробегала дрожь, вздувались бесформенные бугры, ничуть не напоминающие конечности, медузоподобная плоть существовала само-

стоятельно, и оттого особенно дико было видеть маленькую человеческую головку, торчащую не-лепой бородавкой среди жирных гор тошнотворной плоти. Стертые черты невыразительного личика с крошечным вздернутым носиком и отвисшими губами идиота, водянистые, ничего не выражающие глазки, редкие пучки сероватых, засыпанных перхотью, волос, торчащие среди себорейных проплешин. Личико было обращено в сторону Иста, но, казалось, не видело его.

Потом полуразжиженная плоть разом вскипела, наружу вырвалось широкое медное лезвие, прочертило круг, разваливая ядовитый студень, и вновь скрылось в глубине. Лишь тогда Ист понял, что это не Гунгурд превратился в неведомое чудовище, а хозяин мангровой чащобы напал на бессмертного бога и сейчас решается, кто из них выйдет победителем в молчаливой схватке.

Норгайская пистоль в руке Иста грохнула, заряд, хлестко расшвыряв жидкую грязь, ушел в землю. Как всегда, выстрел болезненно отдался во всем организме, Ист, напружинивший магические способности, не был готов к происходящему. А вот кипящая куча слизи вроде бы и не заметила, что рядом творится запретное естественное волхвование. Головенка монстра продолжала раскачиваться на тонкой шее, удивленно морща безволосые брови, словно катаблефа удивлялась, какая беспокойная добыча досталась ей на этот раз.

Вновь, расплескав неуживимую плоть, выметнулись на воздух отточенные жала ассегаев. Один из них, даже не ощутив преграды, срубил крошечную головенку, и та, не меняя идиотски-меланхолического выражения лица, покатилась по истоптанной грязи. Бесформенное тело дрогнуло, выпустив наружу несколько гибких отростков, один из них нашарил на земле собственную голову, подхватил ее и приставил к первому попавшемуся месту на боку. Голова даже не приросла, а просто слилась с телом. Кровоточащий обрубок шеи свисал на сторону, но там, где прежде был лысоватый затылок, уже обозначилась новая шейка, такая же тщедушная, как и первая. Круглые, ничего не выражающие глаза остановились на Исте.

— Ты уходи,— произнесла голова бесцветным, скучным голосом.

Острая медь, сочно всхлипнув, расплескала плоть у самого основания новой шеи, но чудище, не обращая внимания на мгновенно зарастающие раны, продолжало рассматривать Иста, а неживой, лишенный модуляций голос, не прервавшись ни на миг, произносил слова:

— Этот, с железяками, он слишком сильный... Мне его никак не съесть. Он скоро вылезет обратно, поэтому ты уходи. Я бы и тебя съел, но мне мама велела тебя беречь. А я всегда слушаюсь маму. Поэтому ты уходи, пока он не вылез, а то он вылезет и дальше драться станет, а я уже устал его держать.

Ист пятился, стараясь не слышать этого голоса, но все же слова падали на него одно за другим:

— Ты потом скажешь маме, что я вел себя хорошо? Мама велела беречь тебя, и я не дал этому толстому тебя зарезать. Только ты не знаешь, куда она ушла? Ты не знаешь, где моя мама?

Ист бежал, не замечая, что под ногами уже не темная земля жаркого континента, а неведомые тропы дальних краев. Скрипучий голосок продолжал звучать в ушах, что-то спрашивать, с тупой назойливостью дурачка.

Так вот что за существо обитало в тропических дебрях! Сразу вспомнился хрип корчащейся Дигди и звонкий хохот Амриты:

«Дигди, расскажи, как это было. Где ты прячешь то, что выродила в последний раз? Ведь оно родилось живым и даже обладает магией. Дигди, скажи, ты кормила это грудью?»

Ист остановился, отер пот, зло, беспощадно улыбнулся.

— Ты сама велела мне делать так!..— прошептал он.

На следующую ночь в десятке городов по всему миру вспыхнули пожары. Горели храмы богини любви.

Глава девятая

СМЕРТЬ БЕССМЕРТНОГО

Несколько дней Ист ожидал ответного удара, но ничего не происходило. Верные люди — Ист не хотел называть их служителями — всюду, где только можно, толковали о том, что Амрита вовсе не богиня, а злобный демон, родная сестра горбатой Дигди, страшной ведьмы-разлучницы. Амрите приписывались все мыслимые злодеяния, а из разграбленных храмов извлекались ложные святыни и демонстрировались хохочущей толпе. Люди с великим удовольствием глумились над вчерашней верой и, лишь оставшись наедине с собой, вытаскивали сохраняемые дома фигурки, сокрушенно просили прощения у любовной богини, принося тайные жертвы, которые имели больше силы, чем любой явный культ.

Ист все это видел и молчал, не зная, что делать. Потом среди народа, а вернее — народов, ибо полмира оказалось затронуто новым безумием, родились слухи, будто бы мужчина, отринувший покровительство вечнодевственной богини, навеки лишается мужской силы, а женщина теряет способность радоваться любви и с этой минуты остается холодна. Ист не успел придумать, что предпринять в ответ, однако словно по команде почти во всех городах мира начались непристойные мистерии. Приапические атлеты, играя блестящими от масла мускулами, на глазах у оторопевших обывателей совокуплялись со страстно стонущими девицами, доказывая лживость тревожных слухов. За всей этой грязью с полувзгляда просматривались шаловливые ручонки бессмертных покровителей Соломоникского университета.

Всякий играл свою игру, лишь Амрита мертво молчала. В конце концов, именно это молчание больше всего стало тревожить Иста, и он даже обрадовался, когда однажды услышал, что снежно-белая, похожая на ушко свернувшегося грызуна ракушка, которую Ист когда-то получил от Амриты, тихо, но настойчиво поет.

— Здравствуй, Исти,— произнесла ракушка, едва Ист зажал ее в кулаке.— Я хочу говорить с тобой.

— Ты считаешь, нам есть о чем разговаривать? — спросил Ист.

— Да, я хотела бы поговорить с тобой. Легко начать войну, но достойнее сначала сделать все, чтобы войны не было.

— Хорошо.— Ист зло усмехнулся.— Я не хотел говорить с тобой, но я согласен. Сейчас я приду к источнику и буду ждать тебя там.

Когда Ист поднялся наверх, Амрита была уже на месте. Средних лет женщина, не пытающаяся скрыть ни одного прожитого года, сидела возле ручья, пристально разглядывая танцующие песчинки. Богиня была совершенно обнаженной, что ничуть не удивило Иста. В каком еще наряде ходить владычице плотской страсти? Ист лишь отметил родовые растяжки на дряблом животе и слишком толстые ноги, в бугорках подкожного жира. Ист ожидал увидеть что-то подобное, его разочаровало лишь то, что подлинный облик бессмертной Амриты оказался не так ужасен, как у ее бывшей служанки.

— И что ты хотела мне сообщить? — сухо спросил Ист, останавливаясь в трех шагах.

Амрита подняла взгляд на стоящего Иста. Казалось, сейчас она хлопнет ладонью по траве, приглашая усесться рядом, но богиня лишь вздохнула и спросила в ответ:

— Тебе не кажется, что произошла какая-то ошибка? Все эти годы я старалась не становиться на твоём пути, хотя ты играл в очень опасные игры. Другие боги злы на тебя, да и на Хийси тоже. Подумай, правильно ли ты дела-

ешь, развязывая эту войну? И, главное, зачем? Неужто из-за той истории с Дигди? Я думаю, за четверть века ты успел поостыть и сам теперь понимаешь, что я выгащила тебя из очень скверной истории, которая могла бы тянуться тысячелетиями. Тогда тебе было больно, и я бы поняла, если бы ты напал на меня двадцать пять лет назад. Но ведь сейчас все уже прошло.

Ист медленно покачал головой:

— Год назад я тоже полагал, что все прошло, но сейчас все обстоит иначе. Думаю, что причину этого тебе знать необязательно, тем более что это внешняя причина. Она лишь помогла мне понять, что такие, как ты, не должны жить на земле. Боги — это мерзость.

— Знакомая история... Когда-то я уже слышала эти слова.— Амрита усмехнулась.— А ты подумал, каково тебе будет одному, когда ты уничтожишь всех богов? Или для Хийси ты собираешься сделать исключение? Гильгамеш исключений не делал.

— Хийси не касается людской жизни.

— Это тебе кажется, мальчик. В одних краях старика чтут как доброго бога, но кое-где он весьма суров. И жертвы ему идут отовсюду. Всякие жертвы. Просто он не так явно пользуется людьми, он стар, скука больше не мучает его. Хотя, возможно, я не права — ведь зачем-то он воспитал тебя. Или ты считаешь, что он не коснулся твоей жизни, пока ты был человеком?

Ист молчал, не зная, что ответить.

— И еще, я бы хотела поинтересоваться у тебя,— продолжала Амрита, не глядя на Иста.— Предположим, ты сумел победить. Не знаю, как это возможно, но предположим. Однако всех богов ты при этом не уничтожишь. Ведь останешься ты, а ты тоже бог. И, если, как ты только что выразился, боги, это мерзость, то подумай, насколько гнусен будет единственный бог: всемогущий, вездесущий и всеведущий. Самим фактом своего существования он растопчет людей, превратив их в ничто. Сейчас тебе приходится считаться с нами. Богов незачем стыдиться, все мы давно забыли, что значит стыд. Но считаться с нами тебе приходится. А тогда ты и сам не заметишь, как перешагнешь все границы дозволенного. То есть я, конечно, неправильно выразилась. Ты не заметишь, как перешагнешь то, что сегодня считаешь границами дозволенного. Ты пока молод, даже по людским меркам, ты еще не достиг старости. Люди кажутся тебе более ценными, чем поденки или мотыльки. Но когда ты проживешь хотя бы тысячу лет, ты поймешь, что это точно такие же эфемериды. Ведь ты не мстишь мне, когда я вывожу термитов из своего дома. А меня не интересует, как ты обходишься со шпанской мушкой и другими кровососами, что встречаются в твоих краях. Почему же ты счел себя вправе мстить за людей?

— Потому, что они люди.

— Но ты-то не человек! Давай ты отложишь свою месть хотя бы лет на полтора. Думаю, этого ничтожного срока хватит, чтобы ты сам начал смеяться над своей сегодняшней закосностью. Я не хочу, чтобы ты погибал. Люди — это ничто, а нас так мало. Тебя убьют, и мне будет не с кем даже поговорить по-человечески.

— По-человечески?..— переспросил Ист.

Амрита улыбнулась, не Исту, а самой себе.

— Вот именно, по-человечески. Может быть, это и неправда, но сказано искренне. Иначе здесь невозможно. Ну так как, договорились?

Ист покачал головой.

— Что ж.— Амрита сразу стала серьезной.— Могу я хотя бы узнать, что именно послужило причиной такой ненависти? Тебе показались отвратительными человеческие жертвоприношения в храме Кибелы? Так ведь в капищах Ба-сейна, особенно на западном материке, крови льется куда как больше. Или тебе не понравились любовные ритуалы жителей Санны? Хотя с храмом девственных блудниц ты как-то миришься... Что тебя возмутило? Может быть, я могу исправить это?

Ист, не открывая рта, вторично покачал головой.

— Я вижу, ты уже все решил,— печально молвила богиня.— Зачем, в таком случае, ты согласился встретиться со мной?

— Я хотел посмотреть, какова ты без грима. Голос Иста был совершенно серьезен.

Амрита поднялась, привычно провела ладонями от обвисшей груди к бедрам. Спросила:

— Ну как, посмотрел?

— Да.

— В таком случае — прощай, Исти. Мне жаль, что так получилось. Возможно, мы еще увидимся, но это будет неудачный для тебя день.

* * *

Война возродилась внезапно, словно кто плеснул в пламя греческого масла. По всему миру прокатились кровавые расправы над поклоняющимися новому богу. Обрушиться на бунтовщиков всей сверхъестественной мощью боги не могли, ибо это означало бы конец мира, поскольку еретики встречались даже среди пигмеев, обитавших в чащобах Сенны, и между краснокожих дикарей, обживавших западный континент. Перебить всех мастеровых тоже не казалось возможным — комфортная жизнь, как и предсказывал когда-то Хийси, навеки положила и людей, и бессмертных. Оставалось лишь избивать самых непокорливых и угнетать всех, кто мог быть заподозрен в ереси. И уж конечно, первые удары упали на три города, где забрала власть апологеты нового учения.

Бури и ледяные туманы обложили Хольмгард, не позволяя судам выйти на промысел. В Индии объявилась чума и неудержимо двинулась к границам Норгая, обещая в полгода обезлюдить цветущую страну. Герцог Лиезский из

своего городишка обратился ко всем странам, призывая к священному походу против богопротивного Норгая. На этот раз призыв был услышан, поход начался.

Первыми, на свою беду, высунулись жрецы морского бога. Басейн наконец сообразил, как именно его обманули, и вывел авгуров вместе с монастырской дружиной против города. Сначала одно за другим были произнесены мрачные пророчества, затем дело дошло до открытой войны. В неуказанное время страшный рев обрушился на дома. Люди падали на улицах замертво, у некоторых шла кровь из ушей. Животные бесились и набрасывались на собственных хозяев. Одновременно монастырская дружина подошла к стенам Монстреля и воем бронзовых труб сокрушила одну из воротных башен. Более жрецы ничего сделать не успели, потому что со стен ударили пушки. Хотя со времен Хольмгардской обороны прошло не так много времени, это были совсем иные пушки. Мортиры картечью снесли явившегося врага, а длинноствольные кулеврины обрушили зажигательные бомбы прямо на крыши святилища. Великий магистр погиб под обломками, жрецы частью разбежались, частью разделили его участь. Оракул горел два дня, покуда от него не остались лишь закопченные остовы стен. Осиротевшие альбатросы и поморники еще долго кружили над развалинами, но их полет уже ничего не предвещал.

Впрочем, как ни странно, устричная ярмарка состоялась в свое время, и рыбы в эти дни было съедено ничуть не меньше, чем в прошлый год.

Между тем война неуклонно приближалась. На защиту низвергнутого герцога встали германские княжества и богатые города Лютеция и Соломоники. Войска собирались со всех западных земель, и даже вечный город Карфаген прислал дружину, ведомую магом и чернокнижником Дайсаном. Вся эта громада собралась в окрестностях Лиеза и кружным путем, через земли Северной марки двинулась к стенам Монстреля.

Как обычно, герцога сопровождала рыцарская конница и Сантонская гвардия, вооруженная преданными баронами. Были, однако, и новшества. Герцог не забыл, что единственные, кто во время осады Хольмгарда сумел противостоять вылазкам ушкуйников, были стрелки из арбалета. И хотя арбалет считался столь же скверной машиной, что и пицаль, но победа казалась важнее, и потому во главе войска двигался целый полк стрелков, посаженных на коней и вооруженных новейшими самострелами, которые можно было заряжать, не слезая с коня, с помощью специального крючка, приваренного к стремяни. Командовать конными арбалетчиками герцог поручил вернейшему из верных — Вольдемару де Бейну, который поклялся своей любовью к баронессе де Тренд,

что не успокоится, пока последняя арбалетная стрела не вонзится в тело последнего из еретиков.

Хольмгард и Монстрель вместе готовились отражать нападение. Было решено не подвергать разорению окрестные земли, а встретить противника на подходе, в землях Северской марки. В городе спешно лили пушки — небольшие бомбарды, которые можно было бы поставить на колеса, запасали третий порох, ковали кирасы, снаряжали ручные гранаты и готовили провиант. Из Норгая прибыл отряд добровольцев, а беженцы-мастеровые из окрестных городов составили отдельный полк.

Исту было тяжело находиться в городе, где все пропахло железом, но все же он ежедневно появлялся то в Хольмгарде, то в Норгае, но чаще всего в Монстреле. Случалось бывать и в других городах, где, несмотря на гонения, продолжалась работа в пользу мятежных городов.

В тот раз Ист очутился в Лютеции, где алхимики местного университета, сами того не зная, готовили зажигательные смеси для бомбард. Покинув провонявший аммиачными миазмами подвал, Ист вышел на набережную. Здесь снаряжали баржу, которая должна была спуститься к морю. Еще недавно все баржи были заняты спешащими на войну наемниками, а теперь единственным пассажиром оказался давний знакомец: убеленный сединами и мудростью Амадей Парплеус. Человек двадцать

студентов пришли проводить профессора, чьи лекции успели прославиться от Монстреля до самой Ниневии.

— Опять война! — говорил мудрец, вздымая худые руки. — Опять кровь, убийства и смертельная магия! Когда-то, в юности, я и сам участвовал в войнах, но за полторы сотни лет это занятие наскучило мне. Амузия — вот удел воина. Поэтому я уезжаю. Возможно, я отправлюсь в Индию, где помнят меня молодым, или в Наман, где еще остались не изученные мною тайны. Но в любом случае я поеду туда, где железо не касается человеческой жизни. Много ли радости приносит битва? Один знакомый мне мудрец изрек: «От войны бывает польза только войне». Поэтому — прощайте! Я вернусь не скоро...

Баржа отчалила, студенты закричали и принялись бросать в воздух береты, а Ист незримый стоял чуть в стороне, пронзительным взглядом окидывал разом десятки стран и видел, что престарелый мудрофил нечаянно попал в точку. Отовсюду к границам Монстреля шли люди, каждый из них мечтал о подвигах, но лишь немногие должны были остаться в живых. И тех, кто двигался навстречу им, ждала та же самая судьба. Близилась большая война, и никому, кроме горстки богов, не ожидалось от нее пользы. Победит Ист или победят сторонники прочих богов — от войны будет польза только войне. И войска уже не остано-

вить, даже если удастся замирился с Амритой и другими бессмертными. Нет способа остановить людей, когда они стронулись с места и пошли великим потоком.

Ист шагнул, в одно мгновение оказавшись за сотни лиг от Лютении. Он видел, что начавшуюся схватку не предотвратить, но все же искал выход. Ист бросился к войскам, входившим в Вальденбергскую теснину, соединявшую Северскую марку с приморскими землями. Здесь скрипели тележные и пушечные колеса, висела хрипая ругань и рассыпалась барабанная дробь. В двух днях пути отсюда ворочалось другое войско, столь же огромное и убийственное. Там царили те же звуки и те же мысли. И никакой бог уже ничего не мог изменить.

Ист повернулся и молча пошел прочь. Больше всего ему хотелось сказать, как когда-то в детстве: «Я не хочу быть богом».

Ноги сами вели Иста в далекий, полузабытый Снегард.

* * *

За последние годы Снегард изрядно изменился. Вокруг слобод, что прежде вольно рассыпались по склонам трех холмов, теперь вырос угрюмый частокол, и дома уже не выползали за стену — видно, и у северных жителей появилось что терять кроме жизни и свободы. Только кузнецы и углежог, как и прежде, стояли особня-

ком, с гордым презрением поглядывая на жмущиеся за оградой дома.

Обновился и город. Известняковые плиты на земляном валу, за которые город получил гордое прозвище «белокаменный», заменились массивной гранитной кладкой, лишь центральная башня, сложенная из негноймой лиственницы, оставалась прежней. Капище тоже изменилось: там, где прежде торчало полтора десятка идолов, теперь возвышался один всемогущий Хаймарт, вырезанный из цельного ствола, с ветвями и корневищем. Конечно, по домам у людей встречались куколки Амриты и многозаботливой Мокриды, по весне мальчишки от души пускали по ветру семена поседевших одуванчиков, что во все времена полагалось жертвой Ноту и Зефиру. Но нигде не было видно изображений огненного воина Галахана, а ведь некогда именно под этим именем чтили в Снегарде мстительного Гунгурда.

Ист усмехнулся. Значит, тут нейтральная территория, ведь изображений молодого бога здесь тоже нет и в заводе. А было бы забавно послушать, что могли бы рассказать о нем старухи, помнившие кухонного мальчишку Иста.

У реки, где прежде коптила небо лязгающая железом кузница, теперь располагалась целая слободка. Перестук молотков звонко разносился в морозном воздухе. Ист, не останавливаясь, прошел мимо. Здесь ковали по старинке, но все же это была техника, и воздух жег грудь частичками окалины.

Лес вдоль реки был сведен, кузни жадно жрали дрова, соперничая с целым городом, но дальше, за цепочкой сглаженных временем скал, оставался заповедный дернастовский бор, за единую щепку из которого кёниг самолично снес бы голову потравщику. Впрочем, ягоды и грибы снисходительный кёниг позволял собирать безданно. Смирная охота — бабий промысел, благородному в такие дела мешаться не с руки.

Лесников снегардский кёниг не держал, однако чаща и впрямь оставалась нерубленой, народ боялся повелителя, умеющего свести счёты со всяким. Кёниг и сам знать не будет, кого казнил, покуда обидчик не умрет, изгрызенный злым червем. Ист, впрочем, надеялся, что у леса есть еще один защитник — покрепче повелителя мечей.

По недавно ставшему льду Ист перебрался на тот берег. Куда как проще было бы пройти волшебной тропой, но Ист не хотел проявлять тут свою силу. К учителю, если учитель живет здесь, надо идти дорогой смертных.

Гортанный напев рога прервал его размышления. Из лесу показалась охотничья кавалькада. Мохнатые кони, осыпанные слетевшим с деревьев инеем, хрустко ступали неподкованными копытами по снежной тропке. Всадники в полушубках, крытых дорогим сукном, волчьих шапках, желтых сапогах. Свита... Простые люди так не ездят. Сам кёниг чуть приотстал,

наблюдая, как проезжают опушку дровни, на которых громоздилась медвежья туша. Мужичья лошадь, впряженная в сани, неровно дергала оглобли, косясь на страшную поклажу.

Ист сошел в снег, пропуская обоз. Он не кёниг, ему честь беречь не нужно. В следующую секунду жесткий прищур Фирн дер Наста зацепил его, и Ист понял, что узнал.

Медленно, словно нехотя, растопыренная пятерня потянулась к висевшему на поясе ножу. Вот он каков, молниеносный бросок повелителя мечей, если смотреть на него глазами бессмертного! Вот волосатые пальцы смыкаются на рукоятке, вот из ножен показывается сизое лезвие...

— У тебя уже нет ушей,— молча произнес Ист.— Ты хочешь остаться и без носа?

— Здравствуй, племянничек! — оказывается, дер Наст тоже умел говорить, не произнося ни слова.— За наследством явился? Не рановато ли?

«В самый раз»,— чуть было не ляпнул Ист,— но вдруг ему стало жалко этого злого, неумного, но все-таки гордого человека, единственного в мире сильного мага, который не пошел на службу ни к кому из богов. Конечно, если бы не Хийси, чьи владения расстилаются окрест, непокорного кёнига уже давно бы раздавили или заставили сломаться, но сам он никогда не искал места возле бессмертных.

— Я похож на человека, явившегося занимать трон? — спросил Ист, смахнув снежок с

призрака драной шубейки, окружавшей его фигуру.— Я просто иду по своим делам.

— Врешь!..— прохрипел повелитель мечей.— Такие, как ты, не ходят просто так! Ты кому служишь, щенок? Без чужой помощи ты не смог бы выбраться из кристалла, даже старухе Дигди было не под силу расколоть его одной! Ты опозорил весь род! Твой отец был толст и ленив, за что и поплатился, но он был настоящим дер Настом и никому не служил. А ты — выродок, бастард, укравший родовой дар, ты ничтожество!..

Рука с зажатым ножом стала медленно подниматься для броска.

— Отдай! — коротко приказал Ист и мысленно вырвал нож. Замершим в своем времени воинам показалось, что кинжал сам выпал из безвольно обвисшей руки. Ист ногой отбросил нож в рыхлый придорожный сугроб. Фирн дер Наст дернулся, словно клинок вошел ему в грудь.

— Да, ты с твоим хозяином сильнее меня,— с трудом вытолкнул он слова,— но ты все равно приبلудок и продажная тварь! А теперь можешь звать того, кто тебе помогает!

— Я действительно всего лишь иду по своим делам,— усмехнулся Ист и, выбравшись на тропу, зашагал к недалекому лесу.

Лес казался взбудоражен недавней охотой. Обманчивая тишина еще помнила звуки рогов, крики, конский топот, рев умирающего зверя. Но чем глубже в чащу, тем спокойней станови-

лось вокруг, реже встречались людские тропы, чаще истинные лесные пути. Здесь было сердце леса. Люди сюда попадали редко и случайно. Или же не случайно, но все равно редко.

Ист остановился возле старой сосны. Древнее дерево накренилось, вздыбив корнями дерн, но даже под снегом в усыпанной иголками почве не было видно ни единого просвета; если там и была пустота, то вход в нее находился не здесь. А может быть, там вообще ничего нет, лишь пустая каверна — обиталище мокриц и многоножек. Ответ на этот вопрос мог бы дать только хозяин берлоги, если это взаправду тайные хоромы старика Хийси.

— Учитель! — позвал Ист. — Я пришел к тебе. Ты мне очень нужен.

Кругом было невероятно тихо. Так тихо и так спокойно, как не бывает там, где и в самом деле никого нет.

«Не выйдет, — с горечью подумал Ист. — Решил, что я должен все делать сам, и теперь не выйдет. А прорываться к нему силой... нет, это нельзя, да и не позволит древний бог, чтобы выпестованный им мальчишка, сосунок, тревожил его ради своих жалких дел».

Ист сдул снег, уселся на моховой бугорок, скрывавший трухлявый, неведомо когда упавший ствол.

Надо было что-то придумывать самому.

— Ну и зачем ты меня звал? — раздался сзади негромкий голос.

Хийси стоял у него за спиной, безвольно опустив длинные руки. Было в его позе что-то бесконечно усталое, старик ничуть не напоминал великого бога, храмы которому стоят по всей земле, которого, пусть под разными именами, но чтут в каждом доме.

— Хийси,— выдохнул Ист,— я очень соскучился, и мне плохо. Я ввязался в большую драку, а теперь сам не могу понять, зачем я это сделал. Завтра битва, в которой никто не может победить, но зато крови там будет пролито больше, чем во всех иных битвах...

— Так ты... ты действительно искал меня ради этого? — проскрипел Хийси и рывком, словно из него выдернули стержень, опустился в снег.

— Я знаю, ты ничем не сможешь помочь, тут уже ничего нельзя изменить,— продолжал говорить Ист,— я просто пришел к тебе за помощью, потому что заблудился в жизни и не понимаю, куда меня несет.

Хийси сидел скорчившись, похожий на изгнанного из стаи облезлого зверька. Желтые глаза пристально следили за Истом. Потом непривычные губы растянулись в улыбке.

— Спасибо тебе, Исти. Ведь я думал, ты явился убивать меня. Я знаю все, что творится на свете, и про твою ссору с богами тоже. И мне показалось, что сбывается пророчество Гунгурда. Спасибо, что уничтожать богов ты начал не с меня.

— Я не собираюсь их уничтожать. Я всего лишь хочу, чтобы они оставили в покое людей.

— Жаль, малыш, что я не могу разочаровать тебя, как это сделал ты. Ты развязал нехорошую войну, и остановить ее не сможет никто. Или только ты. Если ты действительно хочешь спокойствия, то беги. Я помогу тебе спрятаться так, что никто тебя не отыщет.

— А люди, которые в меня поверили?

Хийси пожал худыми плечами:

— Они умрут. Но если ты останешься с ними, они все равно умрут, только это произойдет чуть позже и более мучительно. Все смертные рано или поздно умрут, так стоит ли говорить об этом?

— Полсотни лет — ничто для бога, но очень много для человека. Даже за год жизни человеку не жаль вытерпеть великую боль. Я обрек многих людей на смерть, выведя их на битву, а теперь понимаю, что война бессмысленна. Кто бы ни победил, это не изменит ничего. Но я не знаю, как предупредить сражение.

— Сражение предупредить несложно.— Хийси оскалил зубы, став вдруг очень похожим на Гунгурда, когда тот пытался улыбнуться.— Но будет ли от того толк? Всеобщую бойню этим все равно не остановишь.

— Учитель! — выплеснул слово Ист.— Если ты умеешь — останови войска! Я не хочу, чтобы люди умирали из-за меня. Пусть они мрут

сами и по своей вине. Я больше не могу глядеть на погибающих во имя мое.

— Ты добрый мальчик,— покивал Хийси.— Я вижу, ты не разбрасываешься человеческими жизнями, экономишь их. А я давно привык не обращать внимания на такие мелочи. Я ничего не стараюсь экономить, я просто не касаюсь людских жизней без нужды. Но для тебя я согласен изменить привычкам. Люди не будут умирать по твоей вине, пусть они погибают из-за меня. Да не дергайся ты, сам я никого не буду убивать, я просто не позволю войскам вцепиться друг в друга. А ты поглядишь, что из этого выйдет.

* * *

Никогда еще земли захолустной Северской марки не видывали столько войск. Вальденбургское ущелье, сжатое боками заросших лесом гор, было переполнено воинским людом. С одного конца шли войска внутренних земель: владельцы замков, окруженные свирепой челядью, дружины монахов-воителей, забывшие распри и осознавшие вдруг, что все они поклоняются единому богу войны, знатные беглецы из Монстреля, наемная пехота из теснин Альпенштейна и вовсе неведомо откуда.

Навстречу им, извиваясь, словно тысячеглавый змей, двигались войска еретиков. Впервые разбойный Хольмгард и торговый Монстрель выступали вместе. Смуглые добровольцы из

сказочного Норгая шагали рядом с беловолосыми северянами. Мир еще не видывал столь разноплеменного войска и такого небывалого оружия. Конечно, и здесь были копья и бердыши, сабли и катаны, но впереди обоза упряжки быков волокли многопудовые медные пушки, а за кушаками у многих воинов красовались огненные пистолы: попроще с колесцовым замком и похитрее — кремневые.

Двести тысяч вооруженного народа шли с одной стороны и лишь немногим меньше, с другой. Такой битвы история еще не знала, потомкам найдется что вспомнить, и богам будет чем развлекаться.

Вальденбергское ущелье, сужавшееся с обеих концов, в середине расширялось, превратившись в небольшую долину, где с легкостью можно было развернуть войска. При этом у каждой армии за спиной оказывалась горная теснина, и там в случае неудачи можно было легко закрепиться, чтобы малыми силами остановить преследователя. Так, во всяком случае, полагали вожди: угрюмый посадник Карс и бесстрашный герцог Лиеский, выгнанный из подвластного города бунтовщиками, позабывшими веру отцов.

И один только Ист, незримо шагавший среди солдат, знал, что ни победа, ни поражение ничего не значат. Погибнут тысячи людей, но ничто не изменится в жизни. Путь, подсказанный древом познания, оказался тупиком, слов-

но волшебная тропа, ведущая на канувший в пучину остров. Возможно, есть и другая дорога, и когда-нибудь он найдет ее, но сначала надо предупредить кровопролитие. Учитель обещал, что войска не смогут вцепиться друг в друга, однако вот оно, Вальденбергское ущелье, лесные склоны расступаются, открывая простор распаханной, ровной долины, посреди которой вольно раскинулась обреченная деревенька Вальденберг. И всюду, куда ни помотришь, красиво и убийственно разворачиваются войска. Можно подумать, будто сотни тысяч вооруженных мужчин сошлись в смертельной схватке ради этой никому прежде не известной деревушки.

Войска герцога, лучше обученные и более дисциплинированные, вышли на позиции раньше и могли бы атаковать подходящих безбожников, но, помня печальную историю осады Хольмгарда, герцог не решился с ходу бросить в бой бронированную конницу. Кто их знает, чернокнижников, какие сюрпризы приготовили они на этот раз... Может быть, от единого залпа поганых пушек сдохнут все кони, сколько их есть в мире, и лучшая часть войска окажется беспомощной добычей вооруженных боевыми молотами мастеровых. Лучше уж подготовить лагерь и выставить вперед полк конных арбалетчиков. На этот полк герцог возлагал особые надежды, а в случае беды — наемников не жаль. И без того их сомнительное оружие

слишком напоминает мерзостные придумки еретиков.

На этот раз Ист как бы не участвовал в походе, во всяком случае никто из воинов не знал, что он здесь. Главное же, Ист не собирался вмешиваться в битву. Пора людям привыкать действовать самостоятельно. Хийси обещал, что эту битву он предотвратит, а следующее сражение, когда оно начнется, будет развязано людьми безо всякого участия богов. Во всяком случае, он больше войны развязывать не станет. Люди должны расправляться с богами, не проливая крови.

И все же Ист не мог уйти совсем и незримо сопровождал отряды, истекавшие из Вальденбергской теснины на неширокий простор распаханной земли. Он понимал, что Хийси сдержит слово и битвы не случится, но все же, словно рачительный пастух, следил, чтобы войска подходили, не потеряв порядка, чтобы никто не сунулся прежде времени под залп арбалетной конницы и, главное, чтобы артиллерия, которую с таким трудом проволокли по лесистым теснинам, успела развернуть позиции и встать лицом к врагу. Пушки, еще не установленные на лафетах, были уже заряжены, и, чтобы дать залп, им требовалось не больше четверти часа.

Среди артиллерийской прислуги Ист углядел знакомое лицо. Вечный скиталец Торп шагнул рядом с телегой, на которой покоился литой

ствол кулеврины. За пять лет, прошедших со времен знаменитой осады, бывший хуторянин не изменился ни на йоту, и даже одежда на нем оставалась чуть ли не та же самая.

Ист сотворил себе боевое облачение офицера норгайской армии и, дождавшись, когда телега поравняется с обломком скалы, какие всюду валялись во множестве, вышел навстречу Торпу.

— Никак это ты, Торп? Как дела, старина?

— О! — Торп, налегавший на тележное колесо, распрямился и, махнув трем своим помощникам, чтобы те продолжали помогать лошадям, вытер пот и подошел к Исту. — Мастер Ист! Честное слово, я рад вас видеть! А вы совсем не изменились — все такой же мальчик. С виду и не подумаешь, что мы с вами стояли на одной батарее в Хольмгарде пять лет назад. Славное было время! Теперь пушками никого не удивишь, а тогда на нас смотрели, что на живых богов.

— Ты тоже не изменился, — со значением произнес Ист.

— А что со мной может случиться? Я как смоляной пень в мокром болоте: ни гнить, ни гореть — никуда не гоюсь.

— Смоляной пень в мокром болоте сиднем сидит, а тебя послушать, так ты полмира исходил.

— Я бы тоже сидел сиднем, — с неожиданной горечью выдохнул Торп, — да люди добрые вы-

корчевали. Снегардский колдун может, слышали про такого... Я с тех пор на родине не бывал. Даже не знаю, живет ли кто на моей рощисте или так дом пропадает.

— Никого нет, и дом обвалился.— Ист сам не понял, как вырвались у него эти слова.

— А ты откуда знаешь? — встрепенулся Торп. Теперь оставалось говорить правду. Пусть не всю, но правду.

— Я ж у тебя на хуторе бывал. Помнишь, кёниг явился корову отнимать? А я при нем мальчиком был, на посылках.

— Постой...— прошептал Торп.— Тому уже почитай тридцать лет!

— Вот и я говорю, что ты тоже не изменился.

— Вот, значит, как...— Торп потер лоб намоленной ладонью.— Доходил до меня слушок, будто снегардский бастард дядюшке уши оторвал. Только говорили, будто тебя давно на свете нет. Золотой волос — не шутка.

— Ошейник — тоже не шутка, а ты, вон, живешь.

— Сам управился или помог кто?

— Где уж самому. Маленький я тогда был.

— Понятно...— Торп прищурил глаза под кустистыми бровями и спросил вдруг: — А не жалеешь?

— Покуда нет.

— И я покуда...— Торп глубоко вздохнул.— Побегу я, а то командир у нас строгий, не чета тебе, да и парни, поди, запарились там втроем.

— Давай! — попрощался Ист. Он тоже чувствовал, что впереди готовится что-то небывалое, и заторопился поспеть туда, где авангард должен был вот-вот коснуться противника.

* * *

Слово «долина» сродни словам «длань», «ладонь»... Там, где ущелье расширялось в долинку, оно и впрямь было похоже на сложенную горсткой ладошку. Поставил кто-то из всесильных богов себе на ладонь деревушку и любителю на курные избы под дранковыми крышами, мельничку, стоящую на отшибе, на лоскуты зеленеющих пашен. А потом нахмурился с чего-то, и поползли с двух сторон, словно змеи, сошедшиеся в схватке, человеческие реки. Сейчас зазвенит сталь, заржут безвинно убиваемые кони, захрипят люди, приведенные на убой своей волей или волей недобрых обстоятельств. И тогда господь нахмурится того пуще и сожмет ладонь в кулак...

Ровно посреди равнины, в ложбинке между небольшими холмиками, как раз там, где предстояло сойтись пехотинцам, явилось вдруг опасное видение, заставившее всех разом вздрогнуть от леденящего предчувствия. Словно смерчик пробежал по неокровавленной покуда земле, взвихрил пыль и мелкий мусор, поднялся столбом, ударил по ушам свистящим визгом, а потом из середины странного смерчика явилась и выросла под облака косматая фигура. Визг перерос в рокошующий рев, потустороннее чуди-

ще взмахнуло лохматыми лапами, глянуло в душу пронзительными желтыми глазами, и всякий боец от вождя до последнего маркитанта ясно осознал, что гибель пришла именно за ним. Другие, может быть, и спасутся, но ты погибнешь скорой, страшной и позорной смертью. И единственное, что остается теперь,— бежать, не думая ни о чем, отдавшись на поиграние выплеснувшемуся страху...

На мгновение сотни тысяч людей замерли, не отводя глаз от беснующегося в вышине Хийси, затем тысячеголосый вопль смешался с ревом бога.

Войска бежали. Общий стон стоял над лесистыми холмами. Побросав тяжелые мечи, спасались латники Ансира. Северское ополчение рассеялось в чащобах, Сантонская гвардия, потеряв голову, ринулась на собственный обоз, стоптав палатки маркитантов и бродячих лекарей. Без оглядки удирал герцог Лиезский, обещавший каждый зубец своего замка украсить головой еретика. А что оставалось делать, если подземное чудовище: огнедышащий Тифон явился, чтобы самолично уничтожить герцога. Смертный не может сражаться с ищадыями ада, это дано лишь богам.

Конные стрелки, на которых возлагалось столько надежд, в ужасе прорвались сквозь ряды собственной пехоты и тяжелым галопом ринулись по старому следу. Кто знает, быть может, им удалось бы уйти почти без потерь,

но именно в эту минуту на Северский тракт хлынула рыцарская конница герцога Лиезского, следовавшая за своим сеньором. Стрелки, видя, что путь к спасению перекрыт, дали дружный залп — единственное, хоть и неосмысленное, но единовременное действие за весь поход. Тяжелые арбалетные болты прорубили просеку в лавине рыцарей, стрелки, не сумев остановиться или хотя бы повернуть взбесившихся коней, врезались в груды тел, мгновенно воздвигнув поверх убитых господ гекатомбу собственных трупов. Следом хлынули остатки бегущей пехоты, обратив Вальденбергскую теснину в один огромный могильник.

Те из арбалетчиков, что сумел сохранить в свалке оружие, засели среди изломанных трупов, отчаянно осыпая стрелами все, что пыталось шевельнуться в радиусе прицельного огня. Немногие сохранившие коней и прорвавшиеся сквозь теснину нахлестывали их, стремясь как можно быстрее оказаться подальше от страшных мест. И еще много лет спустя во всех цивилизованных землях выражение «конный арбалетчик» означало нечто убийственное и в то же время до жути бессмысленное.

С другой стороны войска понесли не меньшие потери. Тысячи солдат были затоптаны во время бегства или побиты картечью, когда в панике ринулись на подходящие артиллерийские части. Сизый пороховой дым застилал окрестности.

Свои били своих. Кажется, ни один солдат не погиб от руки противника. Хийси сдержал слово, не позволив войскам вцепиться друг в друга. С тем большим ожесточением армии принялись избивать сами себя. Боги могли быть довольны: немало стонов и мольбы взлетело к ним в этот день.

Ист бежал, объятый таким же ужасом, что и простые люди. Конечно, непредставимое колдовство Хийси не действовало на бессмертного, но ужас Иста от того не стал меньше. Волна жути, страха, человеческой обреченности обрушилась на него, раздавив все прочие чувства. Легко тем богам, что рассматривают людские страдания как забаву. Горе богу, попытавшемуся остаться человеком!

Ист не пытался никого спасти, не старался остановить бегущих, привести их в разум. Он отчетливо понимал, что всякое вмешательство только усугубит панику, приведет к новым бессмысленным потерям.

— Помоги им строить муравейник! — приказал однажды Хийси голому тощему мальчишке, которого подобрал в лесу. Ист старательно собирал еловые иглы, осторожно укладывал их на купол муравьиной постройки, задыхался от едкой кислоты муравьиного спирта, терпел укусы глупых насекомых, не желающих принимать помощь. Потом не выдержал, принялся не просто сгонять непрестанно атакующих мурашей, а давить их зло и сладострастно и едва удерживаясь.

жался, чтобы не развалить муравьиный город, который ему было поручено строить. А муравьи, равно безразличные к дружбе и вражде, продолжали суетиться, выбрасывая принесенные Истом иголки и притаскивая на их место другие, точно такие же.

Теперь этот урок запоздало вспомнился Исту, вспомнился, когда оставалось только отойти, чтобы не развалить человеческий муравейник окончательно.

Ист пришел в чувство в какой-то глуши. Лапы лиственниц, чуть тронутые желтизной, склонялись над ним, среди густой осоки рубиново блистала костяника. Здесь было тихо, и на десятки верст в любую сторону не было ни единого человека. О чем еще может мечтать бог? Только чтобы рядом не было никого.

Ист не выдержал, застонал сквозь сжатые зубы, стараясь избавиться от неправдоподобно ясных картин, терзающих мозг.

— Ну что, малыш,— как всегда, Хийси сумел подойти незаметно,— непросто тебе взрослеть? Все-таки в тебе еще слишком много человека... Лучше бы ты послушал меня. То, что там произошло, все равно случилось бы, но тебе не было бы так больно. А еще лучше было бы не помогать людям.

Ист медленно повернулся, взглянул в желтые глаза учителя.

— Уйди,— выдохнул он.— Не могу тебя видеть... Не могу слушать твою мудрость.— Ист

уронил лицо в ладони, вцепился в лоб пальцами. Не было сил ни на что, оставалось стонать, уговаривая собственную боль: — Уйди, по-хорошему прошу...

Когда Ист поднял голову, рядом никого не было, лишь невесомая лиственничная хвоя желтым дождем осыпалась на землю.

* * *

Исту казалось, что прошла вечность, прежде чем он сумел если не прийти в себя, то хотя бы вновь заметить, что мир вокруг продолжает жить, как если бы никакой бойни в Вальденбергском ущелье не было. Так же по утрам вставало солнце, так же шелестели листвой деревья. В Северной марке опавшая листва покрывала залитую кровью землю, а в других краях наступала весна — люди и земля просыпались к новой жизни. Так же как и прежде, люди возносили молитвы всеблагим богам, и оттого, что в северном захолустье погибло сто двадцать или сто тридцать тысяч людей, в молитвах уцелевших не слишком-то прибавилось горечи и обиды. Большинство людей на Земле даже и не слышало об этой самой марке и никак не думало о пролитой там крови.

Сама вселенная плавным течением жизни утверждала нехитрую мудрость старого Хийси: если ты бог — не думай о людях, живи как получится.

Постепенно Ист вновь начал интересоваться делами Норгая, Монстреля, Хольмгарда и других своих городов. С удивлением он обнаружил, что страшный разгром был воспринят людьми как победа. Неважно, что в битве погиб каждый третий — враг понес не меньшие потери и уже не сможет напасть на хорошо укрепленные города. Разве это не победа?

Через несколько недель Ист понял, что его мучает стыд. Да, видеть нелепо льющуюся кровь было страшно и горько. Вдвойне страшно из-за бессмысленности бойни, в которой свои убивали своих. Но если вдуматься, то много ли смысла было бы в сражении, если бы оно развернулось по всем правилам воинского искусства? Во всяком случае, погибших было бы еще больше. В который уже раз Хийси преподнес ученику горький урок. А неблагодарный ученик, озабоченный собственной болью, не нашел в душе ни единого слова, кроме слов проклятия.

Вновь Ист смиренным пилигримом явился в родной Снегард. Как обычно, в начале зимы после первых морозов с моря натащило низких переполненных влагой облаков, ударила склизкая оттепель, с неба неумно сыпалось что-то противное, тающее на лету. Город, не принимавший участия в войне, жил обычной жизнью, ничуть не думая о пролившейся где-то крови. Хотя отзвуки войны дошли и сюда:

над кузницами колыхались густые дымы, немолчная дребедень молотков глухо пробивалась сквозь напоенный влагой воздух. Кёниг дер Наст готовился к походу, намереваясь покончить с давним недругом Ансиром, ослабленным двумя небывало страшными разгромами.

Ист незамеченным вошел в лес, отыскал старый выворотень. Неважно, что учителя, скорее всего, нет поблизости, он все равно услышит, что нерадивый ученик явился с повинной. Моховой бугор, на котором Ист сидел в прошлый раз, успел превратиться в оплывший от неурочного тепла сугроб, так что Ист уселся прямо в снег и молча принялся ждать. Тихо кругом было обычной спящей лесной тишиной.

«Обиделся...— обреченно размышлял Ист.— Я бы на его месте тоже обиделся. И все-таки я не зря пришел. Даже будучи богом, надо по возможности оставаться человеком. А для этого следует прийти и сказать: во всем, что случилось, виноват только один я. Я поступил мерзко, когда вздумал перекладывать на тебя вину за случившееся. И тем более нельзя было говорить злые слова. Никак не привыкну, что слово бога значит куда больше, чем любой его поступок. Но ничего, я же понял, что был не прав. И пусть даже Хийси не простит и не выйдет ко мне ни сейчас, ни в будущие века, он услышит мои мысли и будет знать...»

Подтаявший снег на одной из недалеких кочек зашевелился рассыпаясь; из сугроба с кряхтением выбрался старый знакомец — одичавший маг Сатар. Подошел, молча присел рядом.

Ветер тяжело и неумолчно гудел в еловых вершинах. Голые прутья берез неприкаянно мотались, размещивая низкие облака. Чуть в стороне что-то хрустнуло, шумно упало, должно быть, ломкая сосновая ветвь не выдержала тяжести мокрого снега. Знакомые, множество раз слышанные звуки лесной непогоды.

Две сгорбленные фигуры сидели рядом. Потом Сатар шумно почесался и спросил:

— Тоже пришел старика помянуть?

— Ты это о чем? — не понял Ист.

— Умер хозяин,— прошептал карлик, глядя янтарными глазами, в которых плавились слезы.— Девятый день сегодня...

— Как умер?

Ист слышал невозможные, просто-напросто кощунственные слова и не верил. Хийси вечен, он не может умереть. Скорей весь земной круг опрокинется и утонет в океане, чем хоть что-то плохое случится с Хийси. И Ист произнес твердо, со всей силой убежденности:

— Не шути так. Этого не может быть. Он же бессмертный, его и убить-то нельзя. Он же бог, понимаешь?

— Понимаю,— покивал гном.— Бог. Бессмертный. А все ж таки умер... убили его. С утра ушел на битву какую-то, а вернулся — сам не

свой. Лег возле этой самой кочки, свернулся клубком и лежит. Лучше бы стонал, а то ведь молча. Я было подошел — он прежде подпускал меня к себе — утешить хотел, а он глаза открыл и говорит: «Не надо, отойди. Не видишь, убили меня... Лучше бы топором, все не так больно. Уйди, говорит, добром прошу... не хочу тебя видеть...» Кому он это говорил? Мне, наверное, неумному. Я отполз недалеко, а он полежал немного да и растаял безо всякого следа, как не было. Я ведь понимаю, он и раньше исчезал неведомо куда, но тут совсем другое. Сердце у него разорвалось, да и старый он был, хоть и бессмертный...

Ист молчал. Почему-то этот бессвязный и ничего не доказывающий рассказ убеждал сильнее, чем самые неопровержимые доказательства. А Сатар продолжал говорить, запинаясь и дергая головенкой:

— Лес теперь без защитника останется и здесь, и по всему свету. Вон чащоба какая, а я — один, разве справиться? Я прежде домой собирался, в Соломоники, думал диссертацию защищать, а теперь никуда не пойду. Я жизнь положу, чтобы волю хозяина исполнить. Я и прежде старался, следил, чтобы все исполнялось как должно. А теперь — пропаду, но не отступлюсь. А то и просто умру на этом самом месте... — Личико Сатара сморщилось, и он добавил совсем тихо: — Я ведь знаю, что это ты его убил, — другой бы не смог, для другого у

хозяина сердце было закрыто. И я тебя не осуждаю. Он — бог, и ты — бог. Кто я такой, чтобы в ваши дела соваться? Мне просто хозяина жалко... Умер великий Пан!

И только тогда Ист поверил.

Глава десятая

ИСХОД

Бывший канонир Торп благополучно ушел из Вальденбергского ущелья. В конце концов, на этот раз он не просто унес целой голову, но и сохранил выданные казной куртку и башмаки, сберег нажитые бранным трудом кёртлинги, кинжал, висящий на поясе и кинжалец, скрытый под чулком. А убегая, сумел даже прихватить чью-то шляпу из плотного велюра с серебряным медальоном на тулье, изображающим обнявшихся Нота и Зефира. А это уже настоящее богатство, особенно в минуту очередного бегства.

Перевалив лесистый кряж, Торп очутился чуть не в самых диких краях Северной марки. Места эти оставались дикими просто потому, что никто из окрестных властителей не позарился на скудные сокровища болотистого

края. Корусти с угрюмых лесовиков немного, а неприятностей они могут доставить преизрядно. Недаром лучшие ведуны и гадалщики все родом отсюда, и умеют они не только спрашивать судьбу, но и порчу на обидчиков наводить.

Порчи Торп не боялся, а судьба была ему ясна и без гаданий. Пристать куда-нибудь на несколько лет, прожить их, зная, что вскоре спокойствие лопнет, как рыбий пузырь под башмаком, а потом снова идти искать мужицкое счастье. Где оно притаилось, счастье-то? Видно, так и придется кружить, словно облетевший лист.

Здесь, хоть места и называются Северскими, не то что дома. В Снегарде, поди, уже сугробы по колено, а тут все еще осень, осины багровеют недоопавшей листвой, в траве призывно желтеют лисички, на кочках кровавятся капли брусники. И не поверишь, что где-то земля залита не ягодной, а настоящей кровью.

— Бяша, бяша, бяша!..— донесся из-за деревьев девчоночий голос, усталый и злой.

Босоногая девчонка в драном сарафанишке, с хворостиной в руке брела навстречу дезертиру, продолжая безнадежно выкрикивать:

— Бяша, бяша, бяша!..

— Овца пропала? — догадливо спросил Торп.

— Коза! — плачущим голосом ответила девчонка.

— Козу найдем...— протянул Торп таким тоном, что всякому немедля стало бы ясно, что

овцу найти, пожалуй бы, не удалось, а с козой проблем не будет.— Как зовут-то?

— Бяша и зовут.

— Да не козу, тебя.

— Меня — Тинда.

— Смотри, Тинда, земля мягкая, а следов нет. Значит, твоя Бяша тут не пробегала. Пошли обратно, где она у тебя паслась, посмотрим заново...

Часа через три, отыскавши пропавшую Бяшу в зарослях мелкого ивняка, они уже были добрыми приятелями. К тому времени совсем стемнело, только желтые козьи глаза светились поблизости. Тинда каким-то чудом находила путь, а может быть, тропка сама ложилась под ноги, с рождения топтавшие ее, но вскоре впереди тускло засветился еще один огонь: в избе на лесном хуторе, почти таком же, где некогда хозяйствовал ныне бездомный Торп, жгли лучину.

— Пришли,— радостно сообщила Тинда.— Сейчас мама меня пороть будет, что ее ждать заставила, и за козу тоже.

— Так, может, я пойду? — спросил Торп, надеясь на отказ.— Где-нибудь в стогу переночую. А то тебе еще и за меня влетит.

— Вот еще.— Девчонку, казалось, предстоящая порка вовсе и не волнует.— При посторонних-то мама розгой шибко махать постесняется, так, мазнет для острастки. А стогов ты ночью и вовсе не найдешь, только в болоте увязнешь.

— Какие тут у вас болота,— ухмыльнулся Торп.— Ни мха, ни трясины — одна осина. В лесу канава, за ней коржава, а следом солоть — осоку полоть. Вот у нас болота, так это что-то. В три дня на лягушке не обскачешь.

Торп сыпал прибаутками, которых вдоволь наслушался за полсотни бездомных лет, а в груди стыл неистребимый холод. Даже если пустят погреться у чужого тепла, завтра все равно придется вскидываться и брести неведомо куда. Если уж в городе прижиться не удалось, то в таком месте и подавно не прирастешь. Места дикие, исполнены всякой нежити, готовой перекусить тебе глотку, ежели удержишься на одном месте дольше положенного. Не стой, мужик, иди, ищи мужицкое счастье. Потрапливайся, а то не поспеешь к сроку.

В доме, наново проконопаченном и обсыпанном к зиме, оказалось прямо-таки жарко. Сладко пахло свежевынутым из печи хлебом. Торп выволок из ранца остаточки казенной солонины, хотя и без того добродушная мама босоногой Тинды не только оставила гостя ночевать, но и пригласила за стол. Впрочем, среди северских лесовиков иного и не водится: пришел гость — хозяева в лепешку расшибутся, а голодным не оставят.

Наутро Торп вышел из клетушки, где ночевал на прадедовском сундуке. При дневном свете дом уже не смотрелся так пригоже, как вчера, видно, что хозяйской руки нет. Торп вздох-

нул, убрал приготовленный ранец, вместо него вытащил на свет топорик и отправился за жердями. Ни о чем таком он не думал, места тут глухие, колопут небось у самого плетня бродит, но авось потерпит пару дней проклятого бродягу. А он пока что в хозяина поиграет. А то проломают февральские тяжелые снега поветшавшую крышу, и по весне никто и не вспомнит, что жила тут коза Бяша и девчонка Тинда с братом Версом и мамой Ликой. Нехорошо было бы уйти своим путем, оставив пропадать приветливых людей. Хуторяне были здесь пришлыми и уже третий год маялись без кормильца. Хорошо еще, земли кругом в избытке, и люди не привыкли ни огороды мерить, ни покосами считаться.

Перекрывать дом нацело было уже поздно того и гляди, засеют ситники, а там и белые мухи полетят,— Торп решил просто подвести под старую дрань свежий прогон в тех местах, где прежние жерди иструщились. За день Торп натаскал из лесу молоденьких соснинок, ошкурил их, оставив подсыхать за домом, да заодно на лугу присмотрел свиные копанки. Кабаны выходили рыгть клеверину, и Торп здраво рассудил, что придут они и этой ночью.

— А что, Тинда,— спросил он мельтешащую кругами девчонку,— пойдешь со мной на охоту? Вишь, свиней сколько, весь покос испортили.

— Так они ж ночью приходят,— резонно возразила Тинда.— И вообще, по чернотропу кабана брать — собаки нужны. Барская затея.

— Управимся и без собак,— посулил Торп и принялся затесывать колья.

Осенью темнеет рано, так что Торп едва успел справить все как нужно. Изготовив снасть, вышел на край луга, послушал стылую тьму. На поле было тихо, но Торп уверенно решил:

— Там они, родимые.

Стараясь не шуметь, Торп обошел луг по краю. Здесь в десятке мест дикий кустарник пересекали тропки, которыми звери выбирались на открытое место. Еще на свету Торп установил рядом с дорожками распоры, а теперь на ощупь с помощью куска веревки закрепил возле каждого лаза отточенный кол, нацелив его острием на тропу. Затем так же тихо вернулся к околице, где ждала его Тинда. Девчонка сидела, грея пальцы над горшочком с углями.

— Готово...— шепнул Торп.— Зажигай!

Посошины, обвитые просмоленной паклей ожидали единой искры, чтобы вспыхнуть тяжелым коптящим пламенем. Торп и его помощница схватили по паре факелов.

— Ага-а!..— заорал Торп, размахивая огнем, и побежал в сторону непроглядно темнеющего поля. Тинда подхватила его крик, завизжав, как только девчонки умеют, и без тени сомнения ринулась следом.

Оглушенные собственными воплями, они не слышали короткой суматохи, произошедшей во тьме, лишь взвизги и треск, прилетевшие от са-

мого леса, подсказали Торпу, что план его сработал.

Первые две ловушки оказались пусты, у третьей кол был сломан и выворочен, почва вокруг густо залита кровью.

— Эх, сошел с дрына! — досадливо воскликнул Торп, наклоня факел к земле, чтобы рассмотреть следы. — Ничего, утром отыщем. Видишь, как его крепко зацепило. А покуда — пошли, там еще западки устроены, поглядеть надо.

Ближайшая же западня оказалась не пуста. Преизрядный подсвинок валялся среди измоленных кустов. Затес вошел ему под самое рыльце, разворотив горло.

— Хороша хрюшка, — похвалил Торп. — Бочонка три солонины выйдет. Ну-ка посвети.

Он перевернул успевшую обмякнуть тушу и принялся простать добычу. Тинда стояла рядом с двумя факелами в руках.

— Хоть бы отвернулась... — проворчал Торп.

— Что я, не видала как поросят холостят? — возмутилась девчонка. — Не пойму только, этого-то зачем? Он все одно уже мертвый.

— Ежели ему сейчас этого дела не вырезать, — объяснил Торп, то ты мясо и есть не сможешь. Вонять будет, как из выгребной ямы. Ясно?

— Ясно, — протянула Тинда. — А как мы его потащим?

— Волоком. Я покуда ракитинку вырублю, а ты беги за матерью, вдвоем не управимся.

До самого восхода в избушке при свете лучины делались заготовки. Свина освеживали и разделали на куски удобные для копчения. Соли в доме у вдовы не важивалось, так что пришлось обходиться без солонины.

С утра Торп прошел по следам второго подранка, но ничего не добыл, поскольку волки успели добыть кабана раньше, оставив охотнику лишь разбросанные по траве мослы. Чтобы не возвращаться пустым, Торп вырубил в болотине пару осинок. Осиновый дым для копчения самый пригожий.

После обеда, поевши жирной похлебки с требухой, Торп вплотную занялся крышей. Жердинки нарезал ладненькие и, стоя на чердаке, осторожно подвел их рядом со старым прогоном. Перевязал тонкой лозой, а потом уже полез на крышу, приминать дранку, которая местами все-таки взъерошилась. Сладил и там как надо и уже, спускаясь со стромкой крыши, подвернулся неловко и грянулся вниз — только кость хрустнула. Поначалу и не больно было, только странно видеть белый костяной сколок, торчащий из разодранной порточины. Потом, когда Лика и ревущая белугой Тинда волокли его в дом, вот тут Торпу мало не было.

Торпа уложили на хозяйской постели, Тинда умчалась в какой-то неведомый Рамеш — звать деда Мая. Дед Май явился не мешкая, боль в покалеченной ноге заговорил, предупредив, что это ненадолго. Вправил обломки кос-

ти на прежнее место, перетянул ногу полотном и уложил в лубяное корытце, срезанное с черной ольхи. Потом попрощался и, получив за лечение ломоть свежей ветчины, ушел восвояси, обещавши при случае навеститься.

К ночи хилый стариковский заговор перестал действовать. Торп лежал, стараясь не застонать, не потревожить хозяйку, которой вздумал помочь, а того вместо принес лишние хлопоты. Боль дрожала в ноге, собиралась в один ломотный клубок, Торп укутывал больное место лоскутным одеяльцем, следом начинала болеть вторая нога, Торп, так и не придя в чувство, ухичивал и ее. Тогда начинала болеть третья нога, а за ней следующая. Боль множилась, казалось, конца не будет изломанным ногам.

«Правильно,— думал Торп сквозь наплывающую горячку,— двумя-то ногами столько дорог не исходил бы...»

Приходил мучитель Сатар, кричал сердито, бил палкой в больное место, требовал, чтобы Торп поднимался и бежал дальше: «Тебе идти сказано, а ты бока пролеживаешь! Ишь, что удумал... ну да от меня не скроешься, я тебя к счастью силком приволоку!»

Лица вставала к немощному гостю, поила горьковатым брусничным отваром, потом шла в хнычущему Версу: метался мальчонка — видно, тоже маялся чужой болезнью.

Что было дальше, Торп не знал, и себя самого вспомнил лишь через четыре дня. А уж

встал от болезни и того позже, едва не в середине зимы. За это время старый Май целую тропу натоптал из Рамеша к домику Лики. Если бы не вовремя промысленный кабан и не серебряный образок смародерствовавший Торпом после несостоявшейся битвы, то и уж и неведомо, как бы Лика изворачивалась зимой без мужика в доме и с немощным постояльцем. Ну а ближе к весне Торп уже не был нахлебником, а, вспомнив прежнюю жизнь, всюю промышлял на болоте и в бору, нанеся немалый урон тетеревам и зайцам, которых наловчился давить волосяной петлей.

За этими делами Торп и думать забыл про вредного гнома, пущенного по его следам. Однако злобный колдунишка про Торпа не позабыл и о себе напомнил. Торп возвращался с оттаявшего болота, таща полный мешок жирных корней бобовника. Местные эту траву не знали и не ели, так что она оставалась невыбранной даже в местах, всеми исхоженных. А Торп еще в прежние годы привык подмешивать молотый бобовник в хлеб и варить из жгучего корня хмельное пиво. Еще на открытом мху Торп почуял, что лег на него чужой глаз и пытается водить. Потому и пошел не напрямки, а торной тропой. Ни колопута, ни Дикого Кура Торп не боялся, но береженого бог бережет.

И уже на выходе в березовую рощицу, куда за неделю до сенокоса деревенские девчата бе-

гали брать землянику, Торп повстречал злокозненного Сатара. Гном стоял, растопорщив бороду и грозно нахмутив кустистые брови.

— Пригрелся? — спросил он, ударив в землю посохом. — Долг забыл? Так я напомню...

У Торпа при виде недруга оборвалось в груди. Только вечер Лика шепнула ему, что по всему видать, быть им вскоре не вчетвером, а пятерым, но тут вдруг такая незадача... Опять гонит тебя по миру жестокое благословение лесного божества.

А потом Торпа забрало зло. Коротышка-волшебник набирал в грудь воздуха для следующей гневной тирады, когда Торп шагнул вперед и ухватил мага за бороду:

— Слушай, тебе твоя вечная жизнь не надоела?

— Испепелю!.. — заверещал Сатар, отмахиваясь посохом.

Торп вырвал посох из гневно сжатого кулачка, хрястнул о ближайшую березку. Посыпались искры, запахло гарью — и все, больше в посохе силы не оказалось.

— Так вот, — прокрипел Торп, с наслаждением терзая волшебную бороду, — если ты еще раз станешь на моем пути, тебе никакое ведовство не поможет. Я и не таких магов, как ты, видывал. Вы все у меня — во где сидите. Хватит, поизгалялся... Колдуй отсюда, пока цел! И запомни, я отсюда с места не стронусь. И хозяину своему так и передай!

Торп отшвырнул карлика в сторону и, не оглядываясь, ушагал к опушке. Сатар на четвереньках кинулся в ивовую густотень, лишь там сумел встать на ноги и погрозить злому мужику кулачком.

— Испепелю...— прошептал он и заплакал.

* * *

Ист не очень хорошо помнил, где он был, чем и сколько времени занимался. Помнил только одно — горевать он права не имеет. Горе божества всегда оборачивается горем для людей, которые имеют несчастье жить во вселенной, где есть бог. Ист бродил по дорогам: волшебным и земным — тем, по которым водил его Хийси, и вспоминал. Нырлял в пучину ледовитых морей и сидел там подо льдом на краю бездны, где обитал мрачный кракен. Вокруг колыхались зонтики медуз, похожие на золотые норгайские монеты, и бездумно толклись рачки крыля. Потом он взлетал на вершины гор, где не было ничего, кроме снежников, ветра и слепящего солнца. Вязнул в жарких болотах Индии, схожих со снегардскими трясинами, как вкрадчивый босоногий гонд напоминает медлительного, но страшного в гневе викинга. Был и на хуторе бродяги Торпа, сидел на заросшей крапивой завалинке, смотрел в сторону Стылой прорвы, что даже зимами не смеет замерзнуть. Думал... а о чем, того сам не мог ответить. И только в заповедной пуще, до которой от ху-

торка было рукой подать, Ист появиться больше не смел. Вот она, рядом, на едином дыхании пробежать старой, десятилетия назад истлевшей гатью — а нельзя, нет туда пути. Там всякий кусточек, каждая былинка повторяет: ведь это ты его убил — другой бы не смог, для другого у хозяина сердце было закрыто. А ты умудрился: злым словом прямо по сердцу... лучше бы топором.

В один из вечеров Иста занесло в Норгай. Разрушенный храм вздымал к глухому небу обгрызенные остатки стен, возле алтаря, что был вырезан из цельной глыбы сиреневого чароита, неутешно плакали шакалы. Теперь только они служили в заброшенном храме, хотя в городе рассказывали, будто по ночам в развалинах мелькает огонь и порой оттуда слышно заунывное пение. Говорили, будто кое-кто из жрецов уцелел во время резни и теперь готовит городу месть.

Ист знал, что все это неправда, — люди ушли из проклятого места, и теперь одни лишь расколотые стены накапливают мрачную магию старых могил и святилищ. И все же именно сегодня в развалинах кто-то копошился: неутомонный грабитель, не потерявший надежды отыскать что-то в тысячу раз обшаренных подвалах, тайный последователь запрещенного культа или чернокнижник-самоучка, вздумавший плести чары в подвалах, о которых рассказывалось столько ужасного. Ист слышал, как незнакомец

бродит по сводчатым коридорам, стучит палкой, распугивая змей, которых немало завелось в развалинах, ощущал, как трещит и пахнет жженой смолой его факел.

А ведь надо быть отчаянным смельчаком, чтобы полезть сюда после заката. Один только Ист знал, что на самом деле среди растрескавшихся стен не осталось ничего потустороннего и ползать здесь не опаснее, чем в любых иных развалинах. Максимум, что может случиться, — рухнет поветшавшая стена и похоронит под обломками неудачливого кладоискателя. Но до этого Исту не было никакого дела, он больше не хотел мешаться в людские дела. Как ни повернись — будет кровь, а он и без того залит кровью по самые ноздри. Вот если бы нашелся иной путь, не имеющий отношения к огню и железу... Может быть, еще и найдется.

А пока Ист просто сидел и вспоминал мучительное чувство беспомощности — единственное ощущение, оставшееся, когда он был вплавлен в кристалл застывшего времени. Вспоминал, как появился в дверях встопорщенный, недовольный Хийси и как, послушные воле бессмертного, осыпались под его пальцами окаменевшие столетия. И все-таки время взяло свое — тот, перед кем оказались бессильны эпохи, погиб от единого недоброго слова...

Внизу что-то упало с грохотом, потом на стенах заплясали отблески огня, и неведомый смельчак, возившийся в подземельях, одышли-

во сопя, явился на свет. При виде кладоискателя Ист так удивился, что забыл стать невидимым. Амадей Парплеус собственной персоной выбрался по винтовой лестнице и притвор и теперь стоял, щуря глаза и решая, идти ли наружу или прежде заглянуть к алтарю, о котором ему в городе все уши прожужжали.

Любознательность, однако, одержала верх, и старик, постукивая посохом, направился в адитум. Ист с проснувшимся интересом следил за старинным знакомым. Видно, не так прост бес-таланный Парпляк, если в столь преклонных годах предпринял такое дальнейшее путешествие ради гипотетической возможности узнать что-то новое. Если бы еще к неутолимой жажде знаний добавить ту самую искру, что отдал некогда Парплеус ради сомнительного удовольствия изучить геликософию вкупе с кампилограммикой, то кто знает, кем стал бы знаменитый волшебник? Вернее всего — не стал бы никем, сгинул бы, заеденный завистливыми коллегами, или попал на зуб более опытному чародею, к которому в простоте душевной явился бы за помощью и наставлениями в учебе. Магия не знает жалости, и наивный идеалист Парплеус не мог выжить иначе, как отказавшись от искры таланта и став бесплодным коллекционером мертвого знания.

— Приветствую вас, профессор,— негромко произнес Ист, стараясь не напугать старика.

Однако Парплеуса было не так просто напугать. Важно кивнув Исту, ученый маг подо-

шел к упавшей плите и, стряхнув сор с мраморной резьбы, уселся.

— Я вижу, вы один из тех молодых людей, что слушали мои лекции в университете Соломоник,— благодушно произнес он.— Честно говоря, я не ожидал, что кто-то из школяров последует за мной сюда. Когда я переезжал из Соломоников в Лютецию, то следом отправилась в путь лучшая часть университета. И в этом нет ничего удивительного — студиям прилично путешествовать, сопровождая любимого профессора. Мой учитель — бесподобный Лисимах — сам по себе был целым университетом. Курс номофелетики, который он составил, до сих пор никем не превзойден. Но даже Лисимах не мог бы рассчитывать, что кто-то из учеников последует за ним на другую часть земного круга.

— Вынужден огорчить вас,— признался Ист,— но я не имел удовольствия вкушать из источника вашей мудрости. Зато я видел вас когда-то стоящим на одном из бастионов Хольмгарда, в ту историческую минуту, когда Ансир лишился всех своих фуэтов.

— Молодой человек! — вскричал Парплеус.— Я, конечно рад, что вам известна моя биография,— она известна многим, но видеть меня в Хольмгарде вы не могли. Да, я участвовал в обороне Хольмгарда и немало сделал для победы, но это было шесть лет назад, когда вы разгуливали в одной рубашонке и без штанов!

— Прошу прощения у знаменитого мудреца,— улыбнулся Ист, повторяя свои собственные, шестилетней давности слова.— Увидав вас, я был столь поражен, что перестал понимать, что делаю и говорю. Честно говоря, я не рассчитывал встретить здесь столь знаменитого ученого, к тому же в столь поздний час.

— Я не сержусь,— милостиво успокоил Парплеус.— А что касается моих ученых занятий, то я много десятилетий посвятил изучению восточного колдовства и в том числе мрачного культа бога Гунгурда. Разумеется, я изучал не только норгайскую магию, я объездил весь свет, долго жил в Индии среди факиров, немало времени провел рядом с повелителем мечей, чья воля сокрушила мощь этого храма, в глухих чащах Норланда мне довелось встретиться и беседовать с одним из последних представителей древней расы лесных эльфов. И всюду я пополнял сокровищницу знаний. Теперь вы понимаете, почему я не мог пройти мимо этих развалин? Сейчас здесь уже нет могучих колдунов, но эхо их шагов будет звучать в опустевших подземельях еще долго. Некогда в этих стенах обитали самые могучие чернокнижники из всех, что породили причудливые тайны востока. Вы, должно быть, слышали о страшном заклятии медленных слез, которое рухнуло только вместе с падением храма. Много лет я изучал тайны жрецов Гунгурда и без ложной скромности могу сказать, что постиг самые сокровенные их

глубины. Ваше счастье, что Гунгурд отвернулся от слуг, не сумевших сберечь его оружие. Будь иначе, все городские вольности не стоили бы и стертого медяка. Страшный посох верховного жреца — только маги Норланда могли противостоять ему.

— Почему же тогда посох был сломан в битве с горожанами? — не удержался Ист.— Говорят, его обломок и сейчас можно видеть в одной из кожаных мастерских, работники размещивают им растворы, когда собираются дубить юхотный товар.

— Юноша! — вскричал убеленный маг.— Заклинаю вас, не произносите подобных слов вслух!..

— Я знаю, что вы хотите сказать,— перебил Ист.— Профессор, неужели вы забыли, как сомневались в том, что пушки смогут убить огнедышащих фуэтов? Однако оглянитесь — фуэтов больше нет, а пушки есть не только в Хольмгарде, но и в других городах.

— Я вижу, вы умный, начитанный юноша,— проникновенно произнес Парплеус,— и хорошо изучили историю последних войн. Но вы по-детски несерьезно относитесь к столь важным вещам. Пора взрослеть, молодой человек, законы акмеологии, простые и непреложные требуют этого. А психологически зрелая личность, помимо всего прочего, отличается от инфантильной повышенной способностью к автогнозии. Да, я сомневался в действии пушек, но

учтите, что сомнение есть модус вивенди всякого интеллигента. Сомнение — величайшее благо и проклятие современной культурологической парадигмы. На эту тему немало полезного можно узнать, прочитав анагнозмы, которые я отобрал для составленной мною хрестоматии по основам натурфилософии. Каждый из этих отрывков по отдельности не представляет чего-то сверхоткровенного собственно говоря, это обычные апофтегмы, но все вместе они очерчивают картину мироздания, формируя у читателя систему правильных представлений.

— Где же я смогу ознакомиться с вашим замечательным опусом? — спросил Ист, удивляясь в душе, что даже здесь, в развалинах старого храма, под заунывные крики сов и аккомпанемент шакала Парплеус не может говорить ни о чем, кроме своих трудов.— Признаюсь, что жанр апофтегмы,— Ист улыбнулся чуть заметно,— всегда привлекал меня своей афористичностью.

— Один экземпляр хранится в университетской библиотеке Лютеции, еще один был поднесен мною герцогу Лиезскому, и теперь я не знаю, цел ли он,— Парплеус вздохнул,— а непосредственно рукопись, разумеется, осталась у меня. К несчастью, в этих краях господствует иной язык, нежели на севере, и даже арамейский алфавит, общий для всех цивилизованных стран, здесь никому не известен. Так что вряд ли вы сможете прочесть написанное мной.

— А почему бы вам не перевести хотя бы часть своих сочинений на здешний язык и, главное, заказать не два списка, а по меньшей мере десяток? — Ист произносил эти слова с единственным желанием сделать приятное старому знакомцу, который в очередной раз не узнал Иста. И он никак не ожидал той реакции, что последовала за его словами.

— Ни за что! — с чувством выкрикнул старик. — Это была бы профанация великой идеи!

— Почему? — Ист так удивился, что оставил на минуту преувеличенно почтительный тон.

— Я не могу поверить, будто вы действительно учились в университете, — заявил Парплеус, усаживаясь поудобнее на обломке, изображающем оскаленную львиную морду. — Посудите сами: книги — это величайшая роскошь. Когда я говорю «роскошь», я не только имею в виду роскошное пиршество разума, но и роскошь в самом простом, грубом значении слова. Книги ценят, их украшают жемчугами и смарагдами. Книга доступна только избранным — и это правильно. Знание в руках черни — большего ужаса я не могу представить. А между тем не только негоцианты, которым грамота необходима для их торговли, но и многие мастеровые умеют читать! Добавьте к этому дешевую книгу — и высокое значение науки падет. Представьте себе, что завтра кто-то научится делать пергаментные, бумажные или папирусные свитки простым механическим способом, подобно тому как

глупые бабы во всем мире готовят полотно на станках. Книг станет много, всякий, научившийся разбирать слоги, начнет жить собственным умом, падет уважение к власти и к самим богам! Я не знаю,— Парплеус заговорщицки понизил голос,— грамотны ли боги, но непобедимый повелитель мечей, разоривший этот храм, не знал ни единой буквы. Он понимал, что истинная природная магия, та, что даруется богами, плохо совместима с книгой. Лишь немногие избранные могут совмещать мудрость двух миров. Но именно потому, что я вхожу в число этих счастливых, я никогда не стану широко распространять свои труды. И без того во всем мире власть лучших и достойнейших сменяется гнуснейшей какистократией. Бойтесь профанов, молодой человек, и знайте, что дешевая книга даст им в руки великую силу...

Престарелый профессор говорил еще что-то, с жаром и помыыванием рук, видимо запамätовав, что он не в аудитории, а среди колдовских развалин, а тьма сгустилась, и приближается час владычества некромантов. Он вещал и был в эту минуту вполне счастлив. Здесь, в Норгае, где он жил уже месяц, у него было мало слушателей и совсем не было учеников. Парплеус соскучился по умному разговору и не замечал даже, что Ист уже не слушает его, захваченный какой-то своей мыслью.

— Значит, вы говорите, что человек, читающий книги, уже не может всерьез верить в

бога? — неожиданно прервал Ист ученый монолог.

— Это не совсем так,— осторожно произнес маг.— Думаю, что боги не допустили бы такого. Магия, как известно, основана на изустном заклинании, которое немедля теряет силу, будучи записанным. Письменный текст и устное предание имеют принципиально разную основу. Надеюсь, вы понимаете меня, и мне не придется сейчас объяснять разницу между фонемой и аллофоном. Именно поэтому широкое распространение грамотности кажется мне куда опаснее, нежели пушки, навеки лишившие нас дивных огнедышащих фуэтов. К вашему сведению, фуэты — магические существа, которых люди необразованные постоянно путают с драконами. Последние из этих монстров пали на моих глазах...

— Спасибо вам, маэстро,— проникновенно произнес Ист.— Вы подсказали мне еще один путь, о котором я прежде просто не думал. Не знаю, приведет ли он к чему-то хорошему, но, во всяком случае, крови на этом пути будет меньше, чем на остальных. Позвольте в виде благодарности изречь для вас небольшое пророчество. Если я хоть что-то понимаю в людях, то оно сбудется.

— Мне кажется, вы слишком молоды, чтобы ощущать в себе дар пророка,— осторожно заметил Парплеус.

— И все-таки выслушайте. Вы уже стары, и жить вам осталось недолго. Однако знайте, что

имя ваше не будет забыто. Пройдут сотни, а быть может, и тысячи лет, но вас будут помнить как первого и величайшего из ученых. Не знаю, сохранится ли что-либо из ваших трудов, которые вы так ревниво скрываете от мира и города, но даже в худшем случае вам припишут множество новых и смелых мыслей только лишь потому, что вы были первым, воспевшим новое знание, вы говорили много и непонятно, и поэтому вас легко толковать. Не горюйте, если некоторые ваши мнения будут восприняты с точностью до наоборот, люди вообще склонны неправильно понимать сказанное. Право же, ваша судьба завидна, и я искренне желаю, чтобы все было именно так.

Ист говорил, и лицо его светилось в темноте. Парплеус, пытавшийся вначале что-то возразить, замер с открытым ртом, понимая, что перед ним творится небывалое.

— Кто вы, господин? — произнес он, когда Ист умолк.

— Я тот мальчик, что когда-то оторвал уши кёнигу дер Насту.— Ист улыбнулся и поднял послушно вспыхнувший факел.— Идемте, профессор, путь не близок, а время позднее.

* * *

С некоторых пор Амадей Парплеус — прославленный мудрец и чародей, знаток тайных наук, маг, подобного которому не помнит земля, разлюбил смотреться в зеркало. Прежде он

видел там грузного мужчину, чья внушительная осанка повергала в трепет непосвященных. Затем некогда черная борода побелела, а плечи согнулись. Но и тогда всемогущий маг оставался доволен собой, ибо мудрецы и должны быть снежнобородыми. Но теперь, глядя в зеркало, Парплеус встречал взглядом сморщенного старикашку, не способного напугать даже младенца. Борода, которую еще недавно приходилось заплетать в две косы, вылезла, и единственная косичка больше всего напоминала крысиный хвостик, голова безостановочно тряслась, и витой посох мага, которым Парплеус повергал в трепет противников, стал необходим для ходьбы, поскольку в ногах обнаружилась постыдная слабость.

Прибыв в Норгай, старый волшебник первым делом отпраздновал свое стосемидесятилетие, отпраздновал пышно, с фейерверком, чего простодушные жители Норгая доньше не видавали. Одно дело — мастерить пистолы и прочие ружьеца, совсем иное — петарды и римские свечи. Погрязший в рационализме восток не додумался до фейерверков и салютов. Несложный фокус настолько укрепил славу чародея, что Парплеус и сам уверовал в свой почтенный возраст, хотя на самом деле ему было почти вдвое меньше. Но кто согласится, что ты подлинный маг, если тебе нет хотя бы сотни лет? Колдуны живут втрое против обычных людей и лишь к ста годам набирают настоящую силу.

А Парплеус с ужасом видел, что слабеет, хотя ему нет еще и девяноста.

Как и полагается знаменитому чернокнижнику, Парплеус поселился в башне, возвышавшейся неподалеку от города. Прежде там обитали храмовые астрологи, но, с тех пор как ложная вера была отринута жителями Норгая, башня запустела, и Парплеус без труда забрал ее себе. Здесь он собирался проводить алхимические опыты, и первым делом, решив напомнить аборигенам о своем существовании, принялся жечь в очаге на верхней смотровой площадке стебли ассафетиды, выбрав такое время, чтобы ветер нес зловонный дым на городские кварталы.

Однако Парплеус так и не приступил к изучению огнетворных веществ, квасцов и тинктуриальных превращений, а все больше времени проводил среди астроябий, стараясь составить себе благоприятный гороскоп, либо же в кабинете: с пером, чернильницей и древними манускриптами. Скутеллы и пергамон-алуделы, стащенные в цокольный этаж, впустую покрывались пылью. Великому мудрецу уже не хотелось пачкать руки, последнее время он предпочитал просто размышлять, делясь передуманным с листом бумаги. К тому же пророчество, услышанное в развалинах храма, обязывало не только анакластически отражать чужую мудрость, но и оставить в науке свой собственный веский след.

Плодом ночных бдений становилась новая, прежде неведомая наука, для которой Парплеус отыскал краткое и изящное наименование «механомехия». Исходные положения механомехии были просты и очевидны: величайший маг не тот, кто страшнее колдует, а тот, кто вернее лишит магической силы противника. Подобные вещи нетрудно сделать с помощью зловредной механики, но как при этом уберечься самому? Тут открывался простор для таких софистических тонкостей, что у Парплеуса дух захватывало при одной мысли о возможностях новой науки. Когда-то, давным-давно, ученый маг участвовал в обороне Хольмгарда и видел залп, поразивший фуэтов противника. Или это было недавно? — в стосемидесятилетнем возрасте такие понятия начинают терять смысл... Но именно тогда родились у него первые мысли о необычайных магических возможностях техники, которая, как прежде думали, всякой магии чужда. Так и теперь думает неумное большинство. Одному Парплеусу приоткрылась тайна. Он недаром ходил смотреть отлитых монстров. Металлические трубы тут ни при чем! Главное — кто стреляет! Острый глаз мага признал канонира, на которого никто почти не обращал внимания. А ведь это был Торп, мужик из дебрей Снегарда, хуторянин, лишенный всякой магии. Однако, с тех пор как он умудрился околпачить Фирна дер Наста, прошел преизрядный срок, а неприметный мужичонка не соста-

рился ни на йоту! Значит, есть в нем волшебство, просто иное, недоступное простому волшебнику.

Над раскрытием этой тайны и трудился премудрый чародей. Одновременно он писал хроники великой войны, участником которой ему довелось быть. Особенно тщательно обдумывал леописец главы, повествующие об обороне Хольмгарда, ведь именно там новая магия впервые открыто сошлась в битве со старой. Отсюда заключаем, что писать об этом событии следует так, чтобы всякий понял, сколь велико было значение этой битвы. Можно ли простыми словами поведать о великом?! Как, не уронив достоинства мудрого, рассказать о гибели фуэтов, и чтобы при этом всякий понял, что произошло в далеком северном краю?..

Парплеус грыз перо, выискивая заветное выражение, растирал ладонью ноющую грудь и вновь пускался в воспоминания по извивам непростой жизни. О богиня реминисценций, помоги создающему великий труд!

Южная ночь, полная стрекота и шелеста крыл, окружала его. Стремительные зарницы — отблески небесных битв — озаряли небо. Звездный ковш изливал на землю тьму, призывая смертных ко сну. Но может ли спать тот, кто творит великое?!

Парплеус швырнул перо, выпрямился, глаза его засверкали, тщедушной фигурке на миг вернулась былая внушительность. Парплеус по-

нимал, что это лишь кажется ему, а на самом деле настали последние минуты его жизни, однако такая мелочь ничуть не устрасила мудреца. Он нашел нужное слово! Небесное вдохновение снизошло на умирающего старца. Парплеус схватил брошенное перо и стремительно начертил на волокнистом бумажном листе: «Смерть и разрушение обрушились на автоматическую оборону, встретившую отдачу, созданную защитой, защищающей от отдачи разрушительных мыслей...» Да, это было именно так!

Парплеус перечитал написанное, лицо его осветилось внутренним огнем.

— О, гений! О, совершенство! — прошептал чародей.

Перо выпало из ослабевших пальцев, сердце, не выдержавшее отблесков божественного огня, болезненно сжалось, и великий маг Амадей Парплеус ушел по небесной дороге к райским вратам, оставив внизу остывающее тело и незавершенный труд, который отныне предстояло продолжать бесчисленным поколениям тружеников науки.

* * *

Первую печатню Ист основал в Норгае, забрав под нее опустевшую башню Парплеуса. Башня стояла чуть в стороне от городских кварталов, а что бы ни говорило новое учение, народ по-прежнему старался держаться подальше

от какой бы то ни было машинерии. Первой книгой, вышедшей из рук печатников, было «Сказание о Дундаре Несокрушимом». Ист выбрал эту книгу, поскольку она единственная выставляла богов если и не такими, каковы они в действительности, то во всяком случае не всеблагими и не всемогущими. Если верить «Сказанию», то Дундар Несокрушимый заставил некогда содрогнуться самое мироздание и не боги взяли его в свой круг, а он сам поднялся на небо и, явившись в пиршественный зал, спросил у богов: «Кто подаст напиток усталому путнику?» Боги смутились и не знали, что сказать, лишь старая Аммат поднялась и поднесла герою чашу с напитком бессмертия.

Читая «Сказание», Ист от души хохотал. Это надо же додуматься, чтобы Мокрида, которую на Востоке чтут под именем Аммат, добровольно отдала другому хотя бы опавший лист. И все же книга Исту понравилась. Полезная книга и занимательная. Пусть люди привыкают читать. Покойный мудрец был прав, другого способа уничтожить религию нет.

Несмотря на малую цену, книжка расходилась неважно, потому следующим изданием молодой типографии была «Азбука, или Абевега желающим грамоту понимать», бесплатно розданная в три норгайских школы: чистую — для богатых, народную — для детей мастеровых и благотворительную при детоприемном доме. Следствием мудрого поступка было то, что ку-

печество немедленно основало еще одну типографию, где первым делом был отпечатан шикарный букварь для купеческих отпрысков, чтобы потомки богатых домов не занимались по одному учебнику с черным людом. Следующим шагом городская типография выпустила толстенный сонник, а типография негоциантов — календарь с предсказаниями на каждый день. В этих книгах было немного разумного, доброго и еще меньше вечного, но их читали, и это было главное. Появились даже молитвенники и служебники, рожденные механическим способом: «Песнопения Амрите» и «Заговоры многозаботливой Аммат». Ист был доволен: не много намолятся верующие по безбожной печатной книге!

Через год таинственным образом возникла книгопечатня в старинном конкуренте Норгая восточном Намане, а хитрые торговцы с острова Лать устроили книжную ярмарку, где главным образом торговали печатными изданиями, хотя также было выставлено на продажу множество рукописных сочинений, новомодных и древних, написанных на коже и пальмовых листьях.

Переводческая школа с печатней, основанная в Соломониках, ознаменовала проникновение нового искусства на запад. Печатали там почти исключительно богословские труды, но это уже не беспокоило Иста: зараза укоренилась в мире, и всемогущие боги, еще не осоз-

навшие, что произошло, были обречены. Даже в библиотеке кёнига Ансира появились красивые тисненные тома, исподволь подтачивающие силу повелителя огня, хотя сам кёниг был традиционно неграмотен и в делах больше полагался на безупречную память, нежели на живую бумагу.

Догадываясь, что всякое новшество, идущее из Норгая или Хольмгарда, будет изначально подозрительным, Ист старался действовать через своих людей, основавших в Соломониках и других университетских городах. Неведомо откуда взялось множество подвижников, порой служителей разных богов, которые принимались учить грамоте простолюдинов, не беря с них никакой платы. Чаще всего эти люди даже не подозревали, что в действительности служат злему богу Прогрессу, и искренне верили, что творят добрые дела.

Мир менялся. Корабли из Маженице и Монстреля практически одновременно достигли дикого западного континента и основали колонии, принеся краснокожим туземцам металл и разом погубив их исконную безмятежность. Диковины дальних земель украсили дома просвещенных владык. Бродяги и авантюристы, прежде без толку возмущавшие спокойствие в родных краях, теперь могли ехать за море, зарабатывать себе имя и славное имя. Кроме дикарей, чье варварское благополучие бесследно сгнуло, все могли быть довольны. И даже самые

строгие блюстители старины не видели, что под маской приятного комфорта в мире начинает господствовать новая, немагическая сила. Кое-кто, конечно, догадывался, в чем дело, но как прежде молодые боги не слушали старика Хийси, так теперь разжиревшие на дарах прогресса господа высокомерно не обращали внимания на завшипевших пророков, возвещающих скорый конец времен.

Теперь уже было ясно, что путь, о котором в простоте душевной ляпнул премудрый дурень Парпляк, оказался верным. Самозванный волшебник нутром чуял, чего следует бояться чародею. И значит, именно по этому пути должны двигаться люди.

Между тем боги, еще недавно бывшие всемогущими, забили тревогу. Из Индии вновь явилась оспа, тысячи людей в самых благополучных городах пали жертвой черного поветрия. Объявились новые, прежде не виданные болезни, в появлении которых винили заморских плавателей. Оборванные проповедники призывали чернь ополчиться на богатеев, забывших за книгами собственный народ.

Ист метался по свету, стараясь успеть везде. Подсказывал, как отыскать лекарство против трофической язвы, учил строить корабли, которые не будут бояться участвовавших бурь, внушал злейшим из своих противников удачную мысль: не кричать гневные обличения на площади, а издать злобный пасквиль, который

разом прочтут тысячи людей. И прежде, чем боги успевали понять, что случилось, их вернейшие апологеты оказывались в стане противника. Трактаты в защиту старины убивали старое так же надежно, как лоцманские карты; сочинения по аэромантике оказывались столь же действенны, как труды безбожных геометров и знатоков алмукабалы. Люди читали и, значит, учились думать.

Оба волшебных дерева стояли возле своих источников изрядно обобранные, Ист щедро кормил людей плодами и с того, и с другого дерева. Не беда, что в мире расцветет генотеизм, церопластика, номинализм или иное престижигитаторное искусство. Люди, привыкшие думать, сами сумеют отделить зерна от плевел.

Прошло всего пять лет со дня смерти Парплеуса, но мир изменился так, что предтеча нового знания не смог бы его признать.

Ист поднимался по верхней тропе, таща под мышкой нарядный том «Сказания о Дундаре Несокрушимом», который он обещал подарить Гавриилу.

Тропа привычно развернулась в поляну с источником, и Ист остановился в недоумении. Все кругом носило следы разгрома — кусты были выломаны, несколько рябин, окружавших поляну, выдраны с корнем, трава измята, словно по ней топталось целое стадо неуклюжих бойцов. Крутой бережок возле источника, на котором было так удобно сидеть, обрушился, и лишь сам

ручей успел очиститься и невозмутимо струил кристальную воду. Гавриил, встрепанный и помятый, сидел на своем излюбленном камушке и починял размочаленный бич. По всему было видно, что и бичу, и его хозяину совсем недавно пришлось как следует потрудиться.

Услышав звук шагов, Гавриил вскочил было, но, узнав Иста, облегченно опустился на место.

— А, это ты... А я уж думал, опять оно ползет.

— Что случилось? — изумленно спросил Ист.

— Новый бог родился, — скривив губы, ответил Гавриил. — Человек или нет — не знаю, но взглянуть на него — жуть берет. Поднялось по тропе, искупалось в источнике, поляну всю изгадило. Я вначале не понял, прогнать пытался, так ведь оружия у него нет, значит, и сила на его стороне. Как я от него отбился — сам не понимаю. Его хоть бей, хоть режь — ему без разницы; все равно что туман стегать. Не тело, а бесформенная груда.

— И маленькая детская головка, — подсказал Ист.

— Точно. Видал такое внизу? И откуда оно только взялось?

— Видал. Это катаблефа. А откуда оно взялось — спроси у Амриты. Не знаю только, станет ли она отвечать.

— Это чудище, как сюда вползло, так на меня прет, а само писклявым голосочком тянет: «Где моя мама?» Жуть.

— И мама его тоже на Амритиной совести. Только маму Амрита прикончила, а с дитятком теперь никто не управится. Оно же отныне бессмертное.

— Да-а...— протянул Гавриил.— Похоже, веселая жизнь начинается. Раньше чудища богами были только в сказках. Сказки и прежде сбывались, но эта сказочка не из добрых. Как ты думаешь, можно его убить?

— Убить можно кого угодно, знать бы как... Катаблефа и прежде была страшной тайфуна, а теперь... не скажу, можно ли с ней вообще совладать. Да и не стану я ее убивать. Понимаю, что надо, а не смогу. Ведь это ребенок, он маму ищет, а до всего остального ему нет дела...— Ист вскинул голову и зло добавил: — Вот пусть Амрита со всем этим и разбирается, а я не буду. И Амрите вовек не прощу.

Ист пнул ногой упавшее с дерева яблоко и поспешно, не разбирая дороги, ушел. И лишь потом вспомнил, что забыл подарить Гавриилу книгу.

* * *

Несколько дней Ист разыскивал катаблефу, хотя сам не знал, зачем это делает. Бесформенное чудовище вызывало у него ужас. Причем пугало не убийственное могущество твари, безмерно возросшее, после того, как детище Роксаланы поднялось по небесной тропе. Ужасала идиотическая готовность катаблефы помо-

гать Исту, беречь его и оберегать. Загробная забота восьмисотлетней колдуньи страшила Иста всего больше.

К тому же в мире неожиданно стало спокойнее. Чума, так и не добравшаяся до Нор-гая, иссякла в горах на севере Индии, ужасные снегопады в Норланде причинили больше вреда Ансиру, нежели Хольмгарду. Постепенно утихали пожары, засухи, наводнения. Кочевые племена, поднятые Желем на пару с Гунгурдом, не обрушились на благодатные страны Междуречья, а почему-то повернули в пустыню, разыскивая земли обетованной.

Такая тишина не могла не тревожить, и Ист тревожился. Как бы то ни было, на Земле появилась новая сила. Должно быть, тридцать лет назад зажившие от безмятежности боги также беспокоились по поводу Иста. Тогда, впрочем, беспокойства было меньше — еще один бог в дополнение к одиннадцати существующих. А теперь вместо стинувшего Хийси явилось нечто ужасное, не похожее ни на бога, ни на человека. Но больше всего бессмертных пугает, что чудовище, разорившее поляну у источника правды, может со всей своей дикой мощью выступить на стороне их врага. Если Гунгурд рассказал о своей схватке с катаблефой... Хотя, если и промолчал, сам-то Гунгурд знает, что случилось в болотах Сенны. И хотя он был поглощен слизистым богом, но не мог не слышать, о чем тот твердил Исту.

Так или иначе, ничего заметного по всему земному кругу не происходило. О катаблефе не было ни слуху ни духу, дела людские шли уже сами по себе, и Ист начал успокаиваться. Во всяком случае, вспомнил про неподаренную книгу и ненабранные яблоки и вновь собрался навестить верхний источник.

Последние годы Ист скрывался в ледяной пещере на самом дальнем юге, где человеческий год перевернут вверх тормашками. На тысячу верст в округе там не было ни единого человеческого существа. Дыхание городов с их прогрессом и комфортом сюда не доносилось. Здесь Ист отдыхал от борьбы, от людей, богов и вообще — от всего. Бессмертные, неустанно искавшие укровище Иста, и помыслить не могли, что аполог прогресса спит на голой скале, положив под голову кусок льда.

Собираться в дорогу Исту было не нужно. То немного, что он считал своим имуществом, всегда было рядом с ним — достаточно протянуть руку и захотеть взять. А верхняя тропа начинается во всяком месте: хоть на городской площади, хоть в ледяной пещере. Ист просто встал и пошел. Через минуту он появился на знакомой поляне.

Следы страшного разгрома, учиненного катаблефой три недели назад, уже исчезли, кругом царил обычная идиллия. Даже деревьев не стало меньше, и кусты вновь обрели первозданную пышность, молчаливо напоминающую,

что осень еще не скоро. Славное время — вер-
хушка лета. В такую пору хочется не воевать,
а предаваться мирным трудам и тихим радос-
тям. Рябины, окружавшие поляну, давно отцве-
ли, и налившиеся кисти начинали еще не крас-
неть, а только оранжеветь, негромко светясь
сквозь свежую листву. В воздухе звенели ко-
мары, поденки столбом толклись над источни-
ком правды.

Гавриил поднялся навстречу Исту, забрал
вороненый меч. Следом, Ист вытащил богато
отделанную книгу.

— На вот, почитай. О тебе написано.

Гавриил принял книгу. Потом, пряча глаза,
произнес:

— Спасибо, конечно, только мне это все рав-
но ни к чему. Я и читать не умею. Место тут
такое, соблазнительное... Ни к чему, лишнее.

— Все равно знай, какие о тебе книги напи-
саны.

— Да я и так знаю.— Гавриил отвернулся, на-
чал нервно дергать, проверяя на прочность
узлы на заново переплетенном биче.

Ист подошел к роднику, коснулся ладонями
воды. Да, горяча водица... Видно, и впрямь тот
не лжет, кто ни слова не говорит.

Сзади раздался невнятный шум. Ист выпря-
мился, оглянулся. К нему, появляясь прямо из
мерцающего воздуха, подходили боги. Они со-
брались здесь все и, должно быть, в последний
раз были в своем истинном облике. Гунгурд в

вечном парчовом халате, он и прежде не считал нужным приукрашивать себя, ибо и без того был достаточно импозантен. Амрита, немолодая баба, ничуть не стыдящаяся наготы траченного любовью тела. Жель — со стертыми чертами лица и повадками садиста. Малорослый Басейн, несмотря на колдовской наряд, больше похожий на ростовщика. Мокрида, суетливая старушонка, безвкусно и крикливо одетая. Прыщавые братья Нот и Зефир. Тумбообразный силач Фран, которого Ист прежде не видел, но признал сразу, хотя и удивился, обнаружив, что бог земледелия — чернокожий, ведь именно у негритосов пахотные заботы находились в полном небрежении. И даже белокурый Кебер появился позади брата, сосредоточенно глядя в землю.

Боги молча подходили к Исту, пристально разглядывая его, как разглядывают отвратительное насекомое, влезшее на обеденный стол. И лишь Гунгурд нехорошо, плотоядно улыбался.

— Засада у источника правды...— протянул Ист.

— С тобой иначе нельзя.— Ист не успел понять, кто произнес эти слова, потому что в то же мгновение боги кинулись на него.

Каждый из них словом мог раздробить гору, мановением руки обрушить в преисподнюю целый город, дуновением запрудить любую из рек. Но здесь и сейчас сила миллионов верующих не могла помочь им. Тут, как в древнос-

ти, приходилось полагаться лишь на мощь собственных рук и, может быть, самую капельку — на личную магию, позволившую когда-то пройти сюда по небесной тропе.

Кулак Иста вмазался в жирный рот Гунгурда, заставив воителя отшатнуться, худосочный Зефир легким ветерком отлетел в сторону, получив удар ногой, но сзади медведем насел Фран, которого было не отшвырнуть одним ударом, на левой руке с воплем повисла Амрита, а Гунгурд уже снова ринулся вперед, обрушив удар волосатого кулака в лицо Исту.

— Вяжи его! — верещала Мокрида, размахивая ручонками и не смея приблизиться. Но видно, и она что-то вкладывала в общую свалку, потому что расшвыривать и бить нападавших становилось все труднее, движения замедлялись, скованные вражеской силой, а потом шею вдруг сдавило резко и больно, а свет померк, хотя, казалось бы, умеющий не дышать и обходиться без стука сердца может не бояться какой-то удувки.

Ист открыл глаза. Он лежал на траве, крепко связанный. Неподалеку звонко брякал металл и слышались голоса богов, о чем-то громко переговаривавшихся. Ист понимал, что так просто его лежать не оставят, понимают бессмертные, что никакие путы не удержат их врага. Значит... Ист попытался напрячь мышцы и тут же почувствовал, как впивается в тело тонкая струна, обвивающая его с ног до шеи. Что

же, этого следовало ожидать... Только собравшись все вместе, боги могли снять заклятие и достать из небытия этот предмет. Глейпнир — божественная цепь. Не так много на свете предметов, которые, словно люди, имеют имена. Рассказывали, будто скована она из шума кошащих шагов, слюны змей, горных сухожилий... Очередная брехня. Хотя, из чего бы ни была изготовлена эта вещица, главным в ней было ее страшное свойство. Она обращала всякую силу и всякую магию на саму себя и тем сильнее сдавливала жертву, чем отчаянней связанный пытался освободиться.

Чья-то рука ухватила Иста за плечо, рывком поставила на ноги. Ист не пытался угадать, кто это. Теперь, когда он скован, такое с ним может проделать любой из всемогущих богов. Гунгурд, запахнув на груди порванный халат, подошел к Исту, улыбнулся, внимательно рассматривая пленного врага.

— Вот видишь, нахаленок, я не соврал старому Хуваве. Я все-таки подвешу тебя на том самом камне, возле которого мы познакомились. Покойник, как я и предвидел, не дожил до этой минуты, но ему не за что обижаться на меня, он будет отомщен. И не надо смотреть волком: ненависть — мелкое чувство, оно недостойно бога.

— Да какой он бог?.. — рассыпала скороговорку многозаботливая Аммат. — Выскочка он, щенок! Только и может — на старших тявкать, а

посмотреть — пустые людишки и то дольше живут, чем этому богу выпало. Сколько тебе исполнилось, фальшивка?

— Оставь,— раздался сзади голос Амриты.— Этот младенец заставил поволноваться нас и едва всех нас не погубил. Вспомни, как ты визжала от страха еще день назад.

— А тебе что, жалко его? — окрысилась старуха.

— Жалко,— равнодушно согласилась Амрита.— Мир так скучен, а этот мальчик хорош. Если бы мне удалось добиться своего, я бы не обижала его.

Невидимая рука подняла Иста в воздух, неторопливо повернула. Ист вдруг вспомнил, как когда-то, совсем еще мальчишкой, сопровождал всесильного кёнига дер Наста на охоте. Охотники разорили волчье логово, и дер Наст вот так же вертел на вытянутой руке вытащенных из осиротевшей норы волчат, выбирая, кому разбить голову о древесный ствол, а кого забрать домой и вырастить на цепи для кровавых потех.

— Красивый мальчик,— сообщила Амрита.— Жаль...

— У нас все готово! — глухо произнес голос Гавриила.

— А вы чего смурные? — прикрикнула на воинов Мокрида.— Или вам тоже его жаль? Я видела, когда его вязали, вас рядом не было, вы в сторонке стояли!

— Мы люди подневольные,— ответил за брата Кебер,— в дела великих богов не вмешиваемся.

— Давай, дурень подневольный, работай!

Иста поднесли к недалекой скале, цепь натянулась, плотно вдавив тело в камень. Вновь забрякал металл, голос Желя произнес неразборчивое ругательство.

— Пусти, коли не умеешь.— Ист узнал голос Гунгурда. Цепь натянулась сильнее.— Вот его бы и заставить самого себя приковать,— отдуваясь, выговорил Гунгурд,— он у нас господин мастерового люда, значит, и с цепями обращаться умеет.

— Ты так не шути,— проскрипела Мокрида.— Накличешь.

— Не пугай, ведьма,— равнодушно отозвался Гунгурд.

А ведь Мокрида при жизни, должно быть, и впрямь была ведьмой. Обычной ведьмой, каких и сейчас полно по деревням. Только очень могущественной. И все, что рассказывают о ведьмах в страшных сказках, она умела делать и делала. Порой совершала нечто доброе, но куда чаще творила зло, ведь оно получается легче, как бы само собой. К тому же зло эффектней и эффективней. А насавшись людской силы, злая старуха поднялась в небеса и превратилась в мудрую хранительницу домашнего очага, которую равно чтут дикари и цивилизованные народы. Злобу стали называть строгостью, безразличие —

добротой. И прозвали бывшую ведьму многозаботливой.

Потом Ист обратил внимание, что, думая о времени до восшествия по небесной тропе, произнес: «При жизни». А ведь действительно, все эти боги были когда-то людьми. Не совсем людьми — магами, но все-таки они жили. А теперь, обрета бессмертие? Они думают, что продолжают жить, а на самом деле? Говорящий волк, неубиваемый оборотень из заполярной тундры оказался мудрее небожителей. Он понимал, что давно умер и его нынешнее бытие бессмысленно и обидно, словно болезнь или поражение в битве.

Гунгурд закончил работу и, любуясь, отошел на пару шагов.

— Теперь и я скажу: красивый мальчик,— довольно произнес он.— Я рад, что получилось именно так, что я не сумел убить тебя в прошлый раз. Пророчества должны сбываться, и хотя мне пришлось поволноваться, но зато закончилось все совершенно так, как было задумано. Слышишь, ты, я доволен собой и своей победой.

— Ты зря бахвалишься,— прохрипел Ист.— На самом деле победил я, и твоя гибель, лишь вопрос времени. Вы все это понимаете, иначе бы не собрались толпой, чтобы остановить меня. Меня вы остановили, но людей уже не остановите. Даже вам не под силу повернуть историю вспять или начать ее заново. Вы проиграли, в мире больше нет места богам.

— Умничка...— нехорошо потянул Гунгурд.— И к тому же гордец. Вот только ты ошибаешься. Потому я тебя сразу и не убил, чтобы ты мог посмотреть и увидеть, что твоя месть не удалась. Повиси, охолони малость, полюбуйся, что будет. А потом — не обессудь, Глейпнир, слишком ценная вещь, чтобы выбросить ее. Ну ты понимаешь, что будет потом.

— Хватит болтать,— негромко напомнила Амрита.— Времени мало, а самое главное еще и не начато.

— Может, ничего и не получится,— встряла Мокрида.— Кто это проверял? Гадать можно повсякому, а как на деле получится?

— Будешь дело делать — все получится,— загадочно ответила Амрита.— Франны, ты готов или опять спишь?

— Готов,— разлепил толстые губы огромный сонный негр.

— Вы опять что-то решили без нас? — напористо спросил Нот, успевший вскочить на мгновение раньше брата.

— Да, мы все решили без вас,— покладисто ответила Амрита.— Если бы мы все обсуждали с каждым из бессмертных, то и через тысячу лет ни до чего не договорились бы. Но сейчас вы все узнаете. Даже вот он,— Амрита кивнула на Иста,— тоже узнает. Хотя теперь он очень даже смертный.

— Ты, я вижу, успела загрести под себя всю власть,— прошипела добрейшая Аммат.— Не выйдет, голубушка!

— Кто не хочет слушать, тот может уйти,— сообщила богиня любви, бесцветно глядя поверх голов.

Настала тишина. Слушать хотели все.

— Кебер,— негромко позвала Амрита.— Расскажи нам свою сказку.

— Что?..— немедленно нарушил тишину прежде молчавший Жель.— Слушать байки вранья, тысячу лет просидевшего над источником лжи? Да он такого нарасказывает!..

— Кебер,— повторила Амрита, словно не слыша недовольства,— опусти руку в источник правды и Расскажи нам свою сказку.

Белокурый воин склонился над родником и начал сосредоточенно мыть руки. Тишина воцарилась небывалая.

— Кто не хочет слушать его, пусть сам омоется этой водой, а потом расскажет нам что-нибудь,— предложила богиня любви.

— Сидя над источником лжи, вовсе не обязательно лгать,— глухо промолвил Кебер.— Можно говорить чистую правду, все равно тебе никто не верит. А среди людей я не бывал слишком давно.

— Рассказывай.

— Когда отец богов мудрый Хаймарт начал обходить сотворенный им мир,— монотонно затянул Кебер,— он сыскал некое место, где у чистого родника росли два дерева, а между ними стояли запертые ворота, не ведущие никуда. Отец богов распахнул ворота и увидел за ними

иной мир. Был тот мир прекрасней первого и вместе с тем — страшнее. Там была вечная жизнь, великие муки и великая радость. Тогда создатель сущего рек: «Закроем эти ворота и спрячем их от взоров живущих, дабы люди не покинули созданную мной землю, прежде чем исполнится их время». Затем отец богов премудрый Хаймарт наклонился над родником и увидел, что вода в нем кипит и пытается биться сама с собой. А из прозрачных струй смотрят на него два отражения: одно истинное, а второе — искаженное, словно ручей вздумал обогать своего творца. Тогда создатель сущего рек вторично: «Разделим эти воды, чтобы они никогда не могли смешаться, ибо в одной струе правда, а в иной — ложь. И пусть никогда правда не смешивается с ложью, чтобы каждый мог отличить зло от добра». Третий взгляд бросил божественный Хаймарт на деревья, стоящие у ручья. И увидел, что корни деревьев сплелись, душат друг друга и нет на деревьях плода. Тогда третий раз изрек могучий старец: «Пусть эти деревья больше не увидят друг друга и одно не будет мешать росту другого. А когда на каждом из них вырастут плоды, всякий живущий да выберет один из них, а когда исполнится его время пойдет по своему выбору к вечным мучениям или вечной радости». И Хаймарт, чье слово не рознилось с делом, запер ворота, и разделил струи родника, и разъял корни деревьев. И тогда случи-

лось так что земной круг разделился сам в себе, и одна часть, воспылав отвращением к другой, поспешила удалиться от того, с чем прежде была неразрывно связана. Небо, которого некогда удавалось коснуться, став на вершине холма, умчалось ввысь, а преисподняя, бывшая не глубже барсучьей норы, провалилась в неизмеримые глубины. Великий Хаймарт увидел, что мир, сотворенный им готов рассыпаться, взял веревку и связал небо с преисподней, не дав им, разлететься навеки. Была та веревка не пеньковой и не кудельной, а свита из тумана небесного и мглы подземных пещер, ничто не могло порвать ее, и мир остался един, связанный волшебной веревкой...

Кебер умолк, затем поднял голову и скучно спросил:

— Дальше рассказывать? Там уже полная ерунда идет.

— Хватит,— произнесла Амрита.

— Мне кажется, то, что нам рассказали, тоже полная ерунда,— прогундосил Басейн, держа тщательно завитую бородашку.— Уж мы-то знаем, кто такой Хаймарт, и знаем, творил он землю или нет. Чего ради ты заставила нас выслушивать глупости?

— Замолкни,— процедил Гунгурд,— и дай сказать тем, кто постарше тебя.

— У меня вопрос,— жестко продиктовала Амрита.— Кто из вас рассказывал людям эту историю?

Боги недоуменно переглянулись.

— Чего ради кто-то из нас будет веселить людей сказками? — проскворчала Мокрида. — Может быть, сам Хийси? Он любил откалывать дурацкие шутки.

Ист дернулся на своей каменной плахе, но замер, сдавленный неумолимой цепью.

— Хийси этого не рассказывал. Во всяком случае, так он утверждал. И никто не рассказывал людям правду о моих похождениях. А откуда людишки знают, что мудрые Нот и Зефир, случается, принимают облик непорочных служительниц и участвуют в развратных оргиях? Ну-ка, братцы, кто мог разболтать ваш стыдный секрет?

— Если б мы знали... — обещающе прошипел один из братьев, — то этот болтун недолго гулял бы по свету. А что бы мы с ним сделали, мы и так знаем.

— Так вот — ваших тайн никто не выдавал. Люди знают это сами. Вы черпаете силу в их вере, и поэтому они знают о вас все. Я не удивлюсь, если завтра на городских площадях будут рассказывать об умершем бессмертном, который был распят за то, что слишком любил отверженных. И в этих рассказах будет половина правды и половина вранья, словно в водах источника прежде тех времен, как небо рассталось с землей. Никто не рассказывал людям об источниках и деревьях, о верхней и нижней тропе, но легенды об источниках, де-

ревьях и тропах есть. И есть легенда о вратах, ведущих в иной мир, и о веревке, стягивающей небо и землю. Значит, есть врата, и есть веревка. А если их нет, они должны появиться.

— И что мы будем иметь, когда найдем твою веревку и ворота? — Мокрида явно не верила ни единому слову. — Зачем нам иной мир, полный врагов, которых мы когда-то убили в этом мире?

— Не думаю, что мы встретим там хоть кого-то, — поморщилась богиня. — Мы слишком близко коснулись вечности, чтобы верить в бессмертие души. Скорей всего, там просто пустой мир, не испорченный злым богом Прогрессом. — Амрита бросила короткий взгляд на облепленного комарами Иста. — А этот огрызок мы оставим ему.

— Ты что, собираешься его освободить?! — взревел Гунгурд. — Так мы не договаривались!

— Успокойся, Гунди. — Амрита положила ладонь на рукав парчового халата. — Никто не собирается его отпускать. Просто, до тех пор пока магия окончательно не покинет этот мир, люди здесь будут верить в единого и к тому же дохлого бога и справедливо считать его смерть великим чудом.

Фран нечленораздельно гыкнул и перевел взгляд заплывших глаз на Иста.

— А потом? — спросил он.

— Не знаю и не хочу знать. Мир, лишенный богов, будет принадлежать людям. Мне это неинтересно.

— Хватит болтать,— негромко напомнил Жель.— Расскажи им, что надо делать.

— Чтобы явился проход, надо вернуть на землю небесный и преисподний пути и смешать правду с ложью, как это делают люди в своих преданиях.

— Ты нашла веревку, которой стянут мир? — ехидно поинтересовалась многозаботливая Аммат.

— Нет. Эту веревку мы должны сделать сами, здесь и сейчас.

— Как? — в унисон спросили братья-ветры.

— Нас тут четверо из тех, кто когда-то ковали Глейпнир,— негромко произнесла богиня любви,— но все знают, как создавалась эта вещь. Также следует сплести и веревку, способную удержать небо и землю. У каждого есть нечто, годное в дело. И как бы ни была дорога эта вещь, ее следует отдать.

Амрита вскинула пустую руку, затем разжала кулак, и на землю упала тряпица из серой некрашеной шерсти.

— Мой пояс.

— Праща бога-воителя,— откликнулся Гунгурд,— кинув сверху кожаный ремень.

— Ахидский аркан! — возгласил Жель.

— Вережка,— без затей буркнул Фран, добавив в кучу землемерную веревку из кокосовых волокон — атрибут бога полей.

— А не страшно без пояса-то остаться? — скабрёзно улыбаясь, спросил Зефир.— А ну как навсегда невинности лишишься?

— Ничего,— не осталась в долгу богиня,— я в ваш монастырь послушницей идти не собираюсь. Как-нибудь проживу и без невинности. А вы не увиливайте, кладите, у кого что есть.

— Вы так все за нас и будете решать?..— завизжала Мокрида.— А если я не желаю?

— Не давай,— пожала голыми плечами Амрита.— Но только как бы потом тебе не пожалеть.

Кебер и Гавриил молча шагнули вперед и, не сказав ни слова, швырнули в общую кучу боевые бичи: из гиппопотамьей кожи и шкуры буйвола.

Мокрида, булькая нечленораздельные проклятия, вытащила из заглашника деревянное веретено, отмотала сажени полторы крученой нити, кинула под ноги:

— Подавитесь!

Кто-то не сдержал усмешки при виде такой жалкой попытки обмана. Все знали, что нитка на веретене у Мокриды не кончается никогда и отматывать ее можно сколько угодно.

— Все клади,— спокойно произнесла Амрита.— Вместе с веретенцем.

Захлебнувшись криком, Мокрида кинула веретено.

— Вот и хорошо,— согласилась Амрита.

— А вы чего стоите?!— заорала огорченная ведьма, повернувшись к Басейну и ветрам.— Давайте ваши сокровища! Убьют ведь... Я сама вас теперь удавлю, если отлынивать вздумаете!

С кряхтением и ужимками Нот и Зефир бросили уздечки воздушных коней, а Басейн — сложеную леску.

«Интересно,— подумал Ист,— а если бы я участвовал в таком деле, что я сумел бы вложить в общий котел? Вроде бы я никакой атрибутикой обрасти не успел...»

Боги что-то ворожили, собравшись в кружок, но Ист со своего эшафота ничего не мог разобрать; стоило ему хоть немного напрячь магические способности, как не знающий сомнений Глейпнир хватал за самое сердце, обрушивая Иста в бездну боли.

— Готово,— громко произнесла Амрита. В руках у нее висела невзрачная серая веревочка.— Держи,— конец веревки очутился в руках Зефира.— Беги к нижнему источнику и как следует привяжи ее к стволу дерева.

— Понял,— судорожно кивнул бог теплого ветра.

— Стой! — рывкнул Гунгурд, остановив готового бежать гонца.— Вместе с Кебером идите. Пусть он проследит, чтобы все было как следует.

— Да что я, один не смогу?..— возмутился Зефир.

— Сказано — вместе! Мне что, повторять надо?

Зефир и Кебер канули на тропе. Веревка, неимоверно удлинняясь, потянулась за ними. Теперь она уже не была похожа на простую бе-

чеву, а скорее напоминала струйку печного дыма, что в морозный день кудрявится над заснеженной крышей дома. Второй конец Гунгурд самолично несколько раз захлестнул округ ствола дерева и намертво затянул мережным узлом.

— Ну хорошо,— выпалил вдруг премудрый Нот.— Стянем мы небо с землей, откроем ворота,— не верю я в них, но пускай откроем — и что? Ежели там людей нет, то на кой ляд этот мир сдался? С людьми плохо, а без них — вовсе никак.

— Будут люди,— успокоил скучающий Жель.— Только на первое время не слишком много. Потом, конечно, расплодятся... Исти у нас славно постарался, но все народы развратить не успел. Одно из отсталых племен мы выбрали и туда переселим. И уж его-то держать будем в строгости, чтоб без божьей воли пальцем шевельнуть не смели.

«Надо же,— подумал Ист,— и эти у Прометей кой-чему выучились. Хийси рассказывал, будто Прометей чужим людям дары приносил: огонь, колесо, лодку, а у себя на острове народ в дикости держал. Не пропал, значит, урок...»

— Опять вы, и опять без нас! — захрипела Мокрида.— А что за народ, я вас спрошу? Может, меня там и не знают? Я что же, без паствы останусь?

— Нормальный народ,— отрезал Жель.— Самый что ни на есть заскорузлый. А ты не бой-

ся, нет такого племени, где бы детей не рожали и хозяйство не вели. Ты без дела не останешься.

— А почему не спросясь?

— Чтобы визжала меньше.

— У меня все готово,— сообщил молчаливый Гавриил.— Все, кто способен слышать магический зов, предупреждены и готовы прибыть сюда, как только небесная тропа исчезнет.

— Этот, значит, тоже с вами? — в один голос произнесли Нот и Мокрида. Басейн промолчал, лишь затравлено озирался, переводя взгляд с одного из богов, на другого.

— Просто эти двое выполняют, что им говорят, не спрашивая, зачем и почему,— полупрезрительно бросила Амрита.

— Ну еще бы! — Мокрида никак не могла успокоиться.— Тут они никто, сторожа при источниках, а там вольными богами станут, сами себе хозяева! Этак любой стараться горазд!

Ист уже не пытался вслушиваться. Вечные свары богов ничуть не интересовали его, а все остальное он и так понял. Боги решили покинуть этот мир, который стал слишком взрослым, чтобы терпеть богов. Странно, что они не попытались устроить какой-нибудь всемирный потоп, чтобы уцелевшая горстка дикарей на много тысяч лет прониклась трепетом перед божественной мощью. Видать, неслабо удалось эту мощь подкосить, если всемогущим остается

ся бежать в поисках спокойной жизни. Хотя какое тут спокойствие? Даже сейчас без грызни обойтись не смогли. Кстати, Мокрида действительно зря бесится, а вот Басейну в новой жизни может быть худо. Ведь народ избранный — наверняка какие-нибудь степные кочевники, в жизни не видавшие моря. А если в том мире и вообще морей нет?.. Но ничего, станет богом каких-нибудь подземных пучин.

Солнце перевалило зенит, тени начали удлиняться, комары в воздухе загудели злее. То и дело то один, то другой крылатый кровопийца пикировал на обнаженную грудь Иста и, щекотно утвердившись на коже, принимался сосать кровь. Первые минуты Ист не мог понять, что происходит, и лишь потом сообразил, что, видимо, всю жизнь неосознанно пользовался природной магией, чтобы отгонять насекомых. А теперь все способности связаны Глейпниром. Ну что же... значит, пришла пора на своей шкуре узнать, каково бывает в лесу простым смертным.

Вернулись запыхавшиеся Зефир и Кебер.

— Все в порядке,— объявил лживый ветер, не глядя ни на кого в отдельности,— дотянули веревочку и обвязали вокруг ствола.

Гунгурд и Амрита одновременно взглянули на Кебера. Тот молча кивнул.

— Начинаем,— сдавленным грудным голосом произнесла Амрита.— Франны, просыпайся, работать надо.

Сонный негр подошел к провисающей струне, обмотал ее вокруг ручки, дернул, как на пробу. Бечева сразу натянулась, приняв сизый металлический отблеск.

— Руки попортим,— сообщил Фран и замер в ожидании.

— Значит, так...— Амрита провела ладонями по лицу, груди, вниз, к бедрам.— Сейчас, дружно тянем канат. Сумеем сблизить источники — будем жить. Не сумеем — значит, недостойны быть богами. Вера людская источена, тут нам и тысячи лет не продержаться.

— Может, все-таки лучше мор наслать,— проканючила Мокрида.— Холеру, а то чуму.

— Насылали,— фаталистически вздохнул Нот, примериваясь к веревке позади могучего Франа.— Не помогает. Народец мрет, а веры не прибавляется. Кровавый понос и то серой лечить начали, а не молитвой.

— Хватит болтать!...— бешено выдохнула Амрита.

Что-то в этом шепоте заставило понять, что время разговоров кончилось. Десять пар рук ухватились за туго натянутую струну. Волшебная веревка напряглась, и тонкая дрожь наполнила воздух.

— Ну!...— рывкнул красный от натуги Гунгурд.

Тонким невозможным голосом завизжал тумбообразный Фран, захрипела Мокрида, тягучий стон вырвался из груди Амриты. Дико было слышать многоголосый вопль, казалось

бы, сопровождающий тяжкую работу, и видеть при этом группу странных человечков, бесцельно топчущихся возле туго натянутой веревки. Одни тянули ее, каждый в свою сторону, другие просто стояли, мертво вцепившись в дрожащую струну. Но потом что-то случилось, струна вдруг завибрировала, запела, размываясь туманной полосой, ствол дерева, вокруг которого она была обвязана, качнулся и словно раздвоился, взбурлила вода источника, а над самой криницей с многострунным гулом воздвиглись ворота, те самые, отражением которых любой из бессмертных мог любоваться на нижнем пути.

Кто-то из богов, не устояв на ногах, упал, другие бросились к воротам, стремясь скорее узнать, что может быть там, где прежде ничего не было. Резные створки плавно разошлись, боги столпились у порога, не смея сделать первый шаг.

— Да-а...— задумчиво протянул Кебер,— не просто будет жить в этом краю...

— Обустроят,— уверенно объявил Гунгурд.— В самый раз земля. А что жить трудно, так это даже хорошо. Вера будет крепче.

— Побыстрей,— напомнила Амрита.— Никто не знает, сколько времени можно держать ворота между мирами. Прежде всего — разобраться с деревьями...

— Ты гляди!..— перебил богиню Жель и хищно ринулся на престарелую Аммат, кото-

рая успела подобраться к обвисшей веревке и теперь поспешно сматывала ее.— Не трожь, стерва!

Многозаботливую быстро оторвали от сокро-вища, которое она едва не похитила. Затем веревку сматывали, скрыли от глаз, и каждый из богов наложил на тайник свое заклятие. Теперь достать волшебные путы можно было, только собравшись всем вместе. Прежде так хранился только ужасный Глейпнир.

Ист вздохнул, понимая, что и цепь скоро вернется на свое законное место.

— Как там тропа? — Амрита распоряжалась среди богов полновластной хозяйкой.

— Нет больше никакой тропы,— злорадно пропел Жель.— Скукожилась тропка. Теперь, кроме нас, никаких богов быть не сможет.

— Ты не радуйся, а дело делай. Где смертные маги?

— На подходе,— отрапортовал Гавриил.— Не знаю, все или нет, но если среди людей и остался кто, то сущая мелочь, о какой и вспоминать не стоит.

— Хорошо. Гунди, разбирайся с деревьями, их нельзя оставлять в этом мире. Так, Фран опять спит... А вы чего стоите?

— Что делать-то? — буркнул Басейн.

— Вид принять подобающий! Ты что, так и будешь перед смертными в молееденной мант-ии и холщовых портках стоять? Все, источника больше нет, расти хоть с гору.

— А где люди? Жель, где твой хваленый народ?

— У меня все в порядке, скучно проскрипел пастуший бог.— Они сейчас идут по степи, но через пару минут ступят на одну из волшебных троп.

— Поторопись,— устало выдохнула Амрита.

* * *

Ничто в происходящем не напоминало поспешного бегства. Волшебная тропа, сегодня открытая всякому, кто сумел разобрать призыв своего бога, выпустила на поляну собравшихся магов. Их быстро и умело расставили, приспособив каждого к своему делу. Затем проход открылся для простых людей.

Несомненно, они знали, что происходит, и понимали важность момента. Они знали, кто встречает их здесь, знали, куда они идут, и знали, кто висит распятый на одинокой скале. Славословия великим богам мешались с проклятиями поверженному преступнику.

Впервые человеческая нога примяла траву заоблачной поляны. Первые ряды, состоящие сплошь из воинов с круглыми кожаными щитами и мечами из темной бронзы, подошли к распахнутым воротам и, не замедлив шага, влились туда, ступив в неведомый мир. Следом за воинами пошли жрецы, за ними — нищая кочевая знать, затем — простые люди. Но все они с обожанием глядели на замерших

богов, с ужасом и презрением на скованного Иста.

Биться, пытаться что-то изменить, казалось бесполезным. Оставалось неподвижно висеть и стараться сохранить гордый вид. Не так это просто — сохранять гордый вид, если ты вишишь, распятый на скале, и не можешь даже согнать жадных комаров, поспешивших облепить обнаженное тело.

Ист презрительно выпятил губу и незаметно дунул, сбив особо нахального кровопийцу, уместившегося прямо на носу.

Люди шли мимо. Шел народ избранный, неграмотные кочевники, избранные богами за свое бескультурье и темноту. Их не успела коснуться цивилизация, в войлочных шатрах не бывало комфорта и не жила мудрость. Они были грубы и невежественны и именно поэтому стали избранным народом. Ложь, будто боги любят простецов, — боги ненавидят умных! Впереди этим людям предстояли годы странствий и неисчислимые беды во благо бегущих из мира богов. Но сейчас избранные кочевники не просто шли, а шествовали, ведомые сознанием своей высокой доли. Старцы в рыжих плащах из верблюжьей шерсти, женщины, обремененные выводками чумазных детишек, девушки, до глаз закутанные в грубоотканые покрывала, но назло всему остающиеся молодыми и красивыми. Пылили бесчисленные отары овец, вышагивали верблюды, волы тащили нещадно скрипящие повозки. Слушая

визг немазанных осей, Ист прозорливо усмехался. Все-таки боги немощны, даже в землю обетованную они против своей воли несут зловредное знание, которое однажды убьет их. Сколь ни будь диким народ, но по ночам они жгут костры, их женщины лепят горшки, а мужчины доят верблюдиц. У них есть металл.

Всесильным богам лишь кажется, что они одержали победу, на самом деле победил связанный Ист. Иначе почему он остается здесь, а всемогущие бегут?

Пастухи, гортанно крича, заворачивали стада к бурлящему источнику, чтобы истомившийся скот мог напиться. Мычание и дробное взмывание разносилось далеко окрест. Животные торопливо пили и шли дальше, понукаемые пастырями и подгоняемые лохматыми псами. Воды двух источников давно перемешались и были безнадежно загажены скотским навозом и поднявшейся со дна мутью. Никогда больше в этом мире правда и ложь не будут жить по раздельности, во всякой правде останется привкус лжи, всякая ложь начнет отдавать истиной. Оба волшебных дерева, срубленные, валялись на земле. Им достаточно было оказаться рядом — и неуязвимые прежде стволы поддались топору. Еще немного, и на месте чудесных деревьев запылает костер. Бессмертные не желали оставлять в проклятом мире ничего.

Фирн дер Наст с обнаженным мечом и незнакомый Исту желтокожий маг с изгибистым

крисом в руках охраняли срубленные деревья, ибо, даже поверженные, они внушали страх. Страшны не сами деревья, страшно, что девственно невежественные люди, избранные богами, вкусят запретного плода. Кто здесь воистину невежествен, так это боги! Зараза уже проникла в новый мир вместе с козой, трясущей набрякшим выменем, шерстяной накидкой, бронзовым ножом. Вместе с людьми, что куда умеют лишь верить, но когда-нибудь неизбежно начнут думать.

С первой повозкой в страну обетованную явилось колесо, а для прогресса этого вполне достаточно. Огонь, колесо и обрывок шкуры на чреслах — Хийси говорил, что большего для гибели магического мира не нужно.

Широко распахнутые ворота принимали всех. Уходили люди и звери, бежали боги и колдуны. В мир иной уходила магия. Боги, грозные в своей неподвижности, возвышались над людским потоком. Меднобородый Гунгурд, Амрита, юная и в эту минуту нечеловечески прекрасная Мокрида, со строгим рачительным взглядом, двуликие братья Нот и Зефир, неукротимый Басейн, веру в которого Ист едва не уничтожил, назвав в честь повелителя морей корыто для купания в жаркий день. Был здесь и тугоумный Фран, который, казалось, заснул даже в эту минуту, и недобрый Жель, почему-то считавшийся покровителем стад. Они стояли, могучие победители, открывшие дорогу в но-

вый мир, возвышаясь до самого неба, и один только Ист видел их настоящий облик: кучку перетрусивших, жмущихся друг к другу людишек, и даже не людишек, а ничтожных, жалких богов, бегущих из отринувшего их мира.

Люди и стада прошли, наступила очередь магов. Их было совсем немного — сотни полторы, тех, кто перестал быть человеком, но не сумел добиться бессмертия. Сейчас они были горды, каждый излучал силу и довольство, лишь в дер Насте чувствовалось какая-то тревога. Неожиданно дер Наст шагнул вперед и, глядя в лицо Исту, громко произнес:

— Ты всегда был моим врагом, но сейчас я беру назад обидные слова, что вырвались у меня когда-то. Ты жил и умер, как полагается повелителю мечей. Тебя будут проклинять, но никто не обвинит в трусости.

— Спасибо на добром слове.— Ист кивнул.

Дер Наст вбросил меч в ножны и первым направился к ждущему проходу. Ист молча смотрел ему вслед. Несладко придется бывшему кёнигу в новой жизни. Боги не умеют забывать, и самовольному чародею еще не раз поманут сегодняшнюю выходку.

По толпе чародеев прошла дрожь, словно единое существо вдруг поежилось испуганно. Кто-то закричал, желтокожий воитель вновь выхватил свой крис, как бы собираясь ринуться в битву, но вместо того, расталкивая более тщедушных собратьев, помчался к проходу. В

одну минуту торжественный порядок был разрушен. Уже не повелители сущего, а смертельно перепуганные человечки, забыв обо всем, стремились первыми прорваться в ворота. Ист прислушался и который раз за этот день злобно рассмеялся. Он услышал сочные шлепки, тяжелое пыхтение и бессмысленную скороговорку бредущей катаблефы. Как он мог забыть, ведь не все боги участвовали в облаве на мятежника! Есть еще один бог, добившийся всемогущества меньше месяца назад, и сейчас он спешит сюда, чтобы задать свой извечный вопрос, на который ему никто не смеет ответить.

Теперь бежали все, даже ожиревший Фран беспокойно заворочался и потопал к спасительному проходу. Конечно, катаблефа не могла так просто прервать его сонное существование, но вряд ли даже Фран сумел бы уснуть рядом с таким соседом. А убить бессмертную катаблефу? Конечно, убить можно кого угодно, если знаешь, как это делать. Но подобный опыт дается только с риском для своей жизни, которую очень не хочется терять.

Боги бежали. Один лишь Гунгурд задержался на мгновение, чтобы послать давно заготовленную молнию в переплетение срубленных веток. Деревья полыхнули разом, жадное пламя метнулось ввысь. Сладко запахло печеными яблоками. Вот и еще один шаг к новому миру; с этой минуты никакое знание не будет дарова-

но людям за просто так, всякий шаг по пути ненавистного прогресса придется оплачивать долгими трудами. Ист мысленно кивнул: это справедливо, так и должно быть в правильном мире.

Студенистое чадо Роксаланы, пыхтя и постанывая, показалось на тропе. Ничего не скажешь, это действительно был бог! Бессмысленно могучий, неосознанно жестокий, ненужный даже себе самому... в нем оставалось лишь одно человеческое чувство, которое успело сделать несчастной даже эту, казалось бы безмысленную, кучу плоти.

— Где моя мама? — произнес скрипучий голосок.

Ист дернулся и, чувствуя, как впилась в тело проклятая цепочка, заорал:

— Малыш! Вот они сгубили твою маму! Вот эти, которые удирают от тебя. А теперь они схватили меня! Накажи их!

— Они тебя обижают? — спросило чадо.

— Они обижают маму! — крикнул Ист, надрывая глотку.

Последний из богов скрылся в жемчужно-опаловом сиянии. Никто из них уже не думал, что прежде надо уничтожить непокорного Иста и прибрать волшебную цепь. Сейчас приходилось спасать собственную бессмертную шкуру. Призрак ворот задрожал и начал стремительно размываться, одновременно сужаясь в точку.

— Не-е-ет!..— Сверлящий визг катаблефы рванул по ушам.— Сначала отдайте маму!

Гора плоти метнулась невероятным прыжком, тем самым, что опередил когда-то удар бога-воителя. От прохода в иной мир уже почитай ничего не осталось, но липкое тело, всхлюпнув, всосалось в невидимые уже ворота, и тут же с коротким стоном оборвавшейся струны проход закрылся.

Секунду Ист осознал произошедшее, потом хрипло засмеялся. Конечно, его судьба предрешена, но даже сейчас он не согласился бы поменяться местами с бессмертными, по стопам которых тащится их проклятие, такое же бессмертное, как и они сами. Пусть даже там, по ту сторону реальности, расстился цветущий рай, теперь там жить опаснее, чем в мангровых чащах Сенны. Дорого заплатит Амрита за свое бессовестное любопытство. А вместе с ней заплатят и остальные боги. Им есть за что платить.

Черный ворон с неторопливым «кра-кра» пролетел над головой, и Ист перестал смеяться. Теперь ему было не перед кем изображать гордое безразличие; Ист, стараясь не потревожить цепь, замотал головой, сдувая к ключиц и груди обнаглевших комаров. Солнце было уже невысоко, и вместе с вечерней сыростью в воздух поднялись армады крошечных кровопийц. Одни из них лениво взлетали, потревоженные дуновением Иста, но на их место тот-

час садились новые. А ведь прежде комары Иста не кусали, даже мысль такая не приходила в их безмозглые головки. И магией их не шугануть, Глейпнир не позволит.

Несколько минут Ист мужественно старался не обращать внимания на жужжащую тучу. Сколько же их? Рассказывали, что человек, привязанный вот так, как Ист, к утру был мертв и в теле его не оставалось ни капли крови. Конечно, бессмертного так просто не убить, но ведь и комарам тоже некуда торопиться.

«Интересно,— с натугой подумал Ист,— сколько времени меня будут помнить? Может быть, забудут уже завтра. Хотя почему? Прометейто помнят».

Ист дернул подбородком, размазав пару остревенело жрущих комаров.

Почему-то думалось не о себе, а о Прометее. Да, невесело было умирать другу людей. Умирать всегда невесело, и мысль о том, что будут говорить о тебе спустя века, ничуть не помогает сегодня. Да и что такое — людская память? Те, для кого Прометей был богом умерли вместе с ним, остались лишь те, кому было за что благодарить мятежника. Именно эти благодарные люди сочинили сказку об ужасном орле, посланном богами, о нечеловеческих муках, длившихся сотни лет. Все было не так. Мучения восставшего бога оказались вполне человеческими и длились от силы пару дней. Прометей заели комары.

Ист всхлипнул и дернулся еще раз, вызвав новое сжатие цепи.

Время тянулось медленно. Уже и комары свербят не так жгуче, притерпелась взбухшая кожа, но зато каждая минута обращается в долгую пытку. На миру и смерть красна, а тут, где никого нет? Можешь перемогать муку, можешь выть, истекая криком, — никто не услышит, никому и дела нет. Страшно. Страх не там, где машут резаком перед глазами, страх в неторопливой неотвратимости. Повиси, отдохни, обманываясь притерпелостью плоти — все вернется, и боль, и зуд, что хуже боли.

Тонкий, не испорченный людским воспитанием слух уловил шаги на тропе. Двое идут. У одного шаги сторожкие, лесные, второй — человек. Да, теперь по этой тропе может пройти всякий, она больше не уводит в небо. Но кому понадобилось идти сюда? Кто-то из отставших, забытых магов? Наверняка они есть на Земле, еще не до конца испорченной проклятым прогрессом. Нет, колдун бежал бы что есть сил, кляня себя за опоздание, а этот идет как на прогулке, шагает, словно в запасе у него вечность и спешить незачем отныне и навсегда. Не может это быть и человек избранного народа, эти тоже шли к цели, торопились, и отставший не гулял бы сейчас так безмятежно. Неужто просто прохожий? И его ничуть не удивляет, что он попал в незнакомые места? В прежние века люди сюда забрести не могли.

В любом случае гуляке сейчас не поздоровится, тот, кто крадется следом,— зверь или лесная нечисть. И раз он не уходит в сторону, то значит, скрадывает беспечного прохожего и скоро закогтит.

Ист старательно прислушивался к приближающимся шагам, даже голову попытался повернуть, но Глейпнир оказался начеку, многозначительно сдавив горло.

Из-за камня показался человек. Ист узнал его с первого взгляда. Этому человеку действительно было некуда спешить и незачем торопиться. К камню с распятым на нем богом подходил бессмертный бродяга Торп.

* * *

Пять лет Торп слыхом не слыхал о своем недруге. Сатар пропал, как не было. За это время Лика родила Торпу близнецов: Иста и Карса и снова ходила в тягости. Подросший Верс, осознав себя взрослым, командовал малышкой, помыкая близнецами, как когда-то Тинда помыкала им. Тинда заневестилась и выскочила замуж так стремительно, что едва благословения дождалась. Жених был из небогатых и остался здесь же, на хуторе. У северчан такое не считалось зазорным, а Торп так и рад был, что семья множится. Дом большой, а если что, он и новую избу может срубить, благо что руки на месте и сил не убавилось. Тинда тоже ходила с пузом, и вечерами

домашние гадали, кто родится раньше — дядя или племянник.

Первой успела Тинда. С утра собирались всей семьей выкашивать подростую отаву — вместо дурехи Бяши в хозяйстве были уже две коровы, и сена не хватало, — но до покоса не дошли, у Тинды начались схватки. «Родить нельзя погодить,» — говаривали старики. Лика с зятем повели Тинду домой, Верс помчался в деревню за повитухой, а Торп — нечего делать — отправился косить. Полдня отмахал без единого передыха, потом бросил литовку и, не утерпев, побежал к дому.

Лика высунулась на робкий стук, крикнула: — Разродилась уже! Внучка у тебя! Девка — загляденье! — и снова захлопнула дверь.

Зятя поблизости не было, видно, как и полагается в таких случаях, взявши пару-тройку грошенов, будущий папаша отправился в Рамеш и сидит сейчас в корчме, ожидая, когда из дому прибежит посланный. Вот тогда серебряные монеты и пойдут на пропой всем, кто случится в эту минуту рядом. В корчму Торпа не тянуло, и он побрел обратно к кулигам, подобрать косу. Не дело, когда дорогая вещь валяется в кустах. Народ кругом честный, да и нет никого сейчас на лесных полянах, однако во всем должен быть порядок.

На полпути дорогу пересекал лесной ручей. Вода в нем была темная, каштановая от опав-

ших листьев и горько пахла осиновым листом. Обычно через воду перебирались по упавшей лесине, но сейчас задумавшийся Торп дал лишку на левую руку и вышел к такому месту, где переправы не было. Здесь Торп и встретил старого знакомого.

Лесной маг Сатар метался вдоль ручьевин, вздымал к небу кулачки, шипел проклятия, стучал по деревьям посохом. В первый миг Торп было перетрусил, затем разозлился, а потом вдруг заметил, что посох в руках у коротышки не настоящий, а так — деревяшечка, покрытая неумелой резьбой, и все чувства сменились жалостью.

— Ну что, бедолага? — спросил Торп. — Через ручей не перелезть?

Сатар испуганно дернулся, отскочил.

— Я тебя не трогал! — закричал он.

— Так и я тебя не трогаю, — благодушно объявил Торп. — Я помочь хочу. Тебе что, на тот берег надо?

— На тот свет! — огрызнулся немощный маг.

— Ладно тебе. — Торп привычно шагнул в ручей. — Давай перенесу. Только шею не трожь, а то знаю я тебя.

— Тебе нельзя на тот берег! — всполошился колдунишка, но тут же сник: — А хочешь, так пошли. Все равно уже опоздали.

— Куда опоздали-то? — спросил Торп, поставив Сатара на сухое и выдирая из ила увязшие ноги.

— Говорил же — на тот свет. Великие боги решили покинуть наш мир, и всем магам, и колдунам, и ведьмам велено собраться в некоем тайном месте, чтобы уйти вместе с ними. А я, самый искусный из все,— опоздал! Это ты виноват, сломал посох, а без него мне не всякая дорога откроется.

— Нечего было душить,— мрачно возразил Торп.— Ну да ладно, дело бывшее. Пошли, может, еще и не опоздал. Заодно и я на твоих богов погляжу.

— Да ты что? — вновь вскинулся карлик.— Простым людям нельзя на богов смотреть!

«Какой я тебе простой»,— вздохнул было Торп, но промолчал, а оглянувшись, увидел, что Сатар покорно топает следом.

Станным образом Торп не узнавал привычных мест. Вроде бы осинник кругом должен быть, за ним — покосные поляны, а тут все больше березы мельтешат, а потом рябина пошла, да так густо, словно нарочно сажена. И ягод на ней — не обобрать. Надо будет после первых морозцев баб снарядить за рябиной. Вот только почему он прежде тут не бывал? Неужто это та самая Блазная роща, о которой старики в Рамеше толкуют, будто есть тут такое место, где волхвы собираются, а обычному человеку туда пути нет? Значит, не брешет лесовик.

Додумать мысль до конца Торп не сумел, потому что роща оборвалась истоптанной тро-

пой, и перед Торпом открылась поляна, посреди которой горбатился гранитный утес. Там на саженой высоте к серому камню был прикопан человек. Очень знакомый человек, тот, в честь которого Торп назвал одного из своих сыновей.

На скале висел Ист.

* * *

Лесному карлику вообще жилось несладко, а после того, как сгинул хозяин, так и вовсе захилел Сатар. Хотя и прежде в добром теле ему бывать не приходилось. Как бы ни хвастал гном, объявляя древнего бога своим хозяином, сам Хийси о таком и не слыхивал. Но все-таки в иные времена у одичавшего колдуна была цель, особенно когда он подслушал разговор Хийси с беглым мужиком. Тогда и отправился Сатар в путь, желая проследить, чтобы наказ бессмертного был выполнен в точности. Даже когда Хийси сгинул, Сатар не остановился, находя горькое удовольствие в служении умершему богу. Сам Сатар, как и всякая лесная нечисть, и жить не жил, и умереть не умел. Коптил небо, не очень понимая, что с ним творится.

А потом лесовик и вовсе перестал понимать, на каком он свете. Глупый мужик, за которым Сатар приглядывал, взбунтовался и побил природного мага, изломав единственную по-настоящему волшебную вещь. Хотя это еще можно

было понять, на Торпе, как-никак, лежала печать великого бога — благословение или проклятие — в этом Сатар не разбирался. Но затем Торп, вроде бы прекративший свои странствия, неожиданно встретился Сатару на волшебной тропе, по которой люди ходить не умеют.

Карлик, вздыхая, тащился позади мужика, мучительно пытаясь понять, что же такое творится вокруг и что он, всемогущий Сатар, должен делать при таких неясных обстоятельствах.

Камень и прикованного человека Сатар увидел на секунду позже Торпа, когда уже поздно было предпринимать хоть что-то. Торп, идущий на пять шагов впереди, успел живо вспрыгнуть на уступ и, ухватив за край цепи, рвануть ее на себя. Сатар на такой поступок не решился бы никогда. Сколь ни был туп лесной коротышка, но ужасный Глейпнир он узнал. Немыслимо — посягнуть на такую вещь, созданную даже не одним богом, а несколькими богами разом. И, однако, грубый мужлан проявил к святыне ничуть не больше почтения, чем к магическому посоху Сатара. В Торпе не было и намека на магию, которую чудесная цепь могла бы obratit против нападающего. Торп просто рванул цепь руками, и та порвалась, как всякая тонкая цепочка, если ее дернет сильный человек. В мире, лишенном богов, почти не осталось магии, и волшебная цепь потеряла свое значение.

Ист от рывка покачнулся, однако спрыгнул вниз сам, не облокотившись на плечо Торпа.

— Ты что наделал?! — привычно захныкал Сатар.

— Отстань,— зло отмахнулся Торп.— Помоги лучше человеку!

— Это не человек! — В голоске лесовика звучал неподдельный ужас.— Это бог!

— Это мой командир! — отрезал Торп.— Командир — он, конечно, царь и бог, но не до такой же степени.

— Спасибо, выручил,— проговорил Ист, растирая ладонями ноющие, изжаленные кровососами плечи. Теперь, когда Ист был на свободе, комары немедля стали облетать его стороной.

— Кто ж это тебя? — Торп кивнул на валун, с которого жалко свисали остатки некогда все сильного Глейпнира.

— Нашлись приятели.

— Не вернутся? — Торп, видя, что бывший начальник не расположен беседовать, был краток, лишь проверил, легко ли вытаскивается припрятанный нож.

— Не вернутся,— со значением протянул Ист.— И захотят — не вернутся.

— Вот и ладно,— не вдаваясь в подробности, произнес Торп и успокаивающе добавил: — А хоть бы и вернулись, неужто мы с тобой вдвоем не отмашемся? И не в таких переделках бывали.

— Ты с ума сошел! — просипел за спиной бледный Сатар.— Говорю тебе, бог это! Бессмертный! На колени падай!

Торп с сомнением оглядел мужицкий наряд Иста, потер лоб, соображая, что только что Ист висел на стенке как есть нагишом, покачал головой, повернулся к гному:

— А сам чего не падаешь?

— Мне можно и не падать, я маг.

— Значит, и мне можно. Я же тебя бил, хоть ты и маг.

Ист рассмеялся:

— Будет вам. Ты лучше расскажи, как твоя жизнь течет. Лет шесть, кажется, не видались, а то и семь...

— Да так,— уклончиво ответил Торп.— Пристал тут неподалеку.

— Проклятие на нем,— съездничал Сатар.— Хийси наложил. Ему бродить положено без дыха, а он на одном месте уже шесть лет сидит.

— Уймись,— оборвал Ист.— Нет на нем никакого проклятия. Уж я-то знаю. Учитель не такой человек был, чтобы ни за что проклинять.

— Он был бог!

— Ну бог, не все ли равно. А что учитель долгую жизнь Торпу послал, так Торп сам того просил, чтобы суметь счастье найти. Хийси всегда по-простому делал, что у него просили, то и давал. Старик сам не умничал и мудрецов липовых не любил. А если к нему шли с от-

крытой душой да без задней мысли, то и он зла не делал.

— Вот оно как...— Торп поскреб в затылке.— А я и не искал счастья-то, впустую по свету бродяжил. А теперь и вовсе на хуторе осел. Куда мне теперь за счастьем переться? Детей у меня четверо, и жена на сносях. Ей рожать со дня на день.— Торп замолк и убито добавил: — А сегодня внучка родилась. Не пойду я никуда, хоть убейте.

— Да кто тебя гонит? — произнес Ист.— Только ты знаешь, боюсь, что теперь твоя жизнь переменится и ты начнешь стариться, как все люди.

— Вот и славно.— Торп был совершенно спокоен.— Я же говорю, внучка у меня сегодня родилась. Глупо было бы: внучка растет, а я ничуть не меняюсь. Старик Хийси слово сдержал, хоть я ни о чем и не просил. А что долго ходить пришлось, так маленькому человеку счастье найти так же трудно, как самому знатному кёнигу. Вернусь домой, буду ковыряться в земле, жизнь свою по вечерам Лельке пересказывать. Малые любят сказки-то. А ты захочешь, так заходи, покуда я жив.

— Спасибо.— Ист посмотрел в глаза Торпа и признался: — Завидую я тебе.

* * *

Бог, маг и человек шли по тропе, что когда-то вела на небо.

— Мне туда,— кивнул Торп.— Я тут неподалеку на заимке живу. Если сразу не найдешь, в Рамеше спроси, там всякий покажет.

— Спасибо,— поблагодарил Ист.

Торп свернул налево и скоро скрылся за кустами. Уходя, он все ускорял шаг, и было видно, что думает он вовсе не о богах и магах, а о доме, где за этот час, поди, накопилось немало новостей.

— А мне куда? — жалобно спросил Сатар.— У меня-то дома нет.

— Как это нет? — удивился Ист.— У малой землеройки и то нора есть, а у тебя нет?

— Не нажил,— пожаловался лесной гном.— Сколько лет живу, а не научился. А в звериных норах — теснота и вонища.

— Учителя дом занимай,— распорядился Ист.— Знаешь, где Хийси жил?

— А можно? — затаив дыхание, спросил лесовик.

— Можно. Только лес береги, старик любил этот лес.

— Да я...— Сатар стукнул кулачишками в грудь,— никто не посмеет! Только мне бы — посох, а то прежний сломался.

— Вот еще,— Ист покачал головой.— В лесу с огнем баловаться... Обойдешься без посоха.

Огорчение на мордочке гнома было так велико, что Ист пошарил кругом себя, добыл ракушку, некогда полученную от Амриты, и протянул Сатару:

— На вот.

— Это что? — спросил коротышка, жадно схватив подарок.

— Раковина Амриты. Девушки любить будут.

— Ну... зачем мне... — протянул Сатар, но раковину спрятал.

— Больше у меня ничего нет, — пояснил Ист, вспоминая ушедшего Торпа. — А вот твоя дорога. Счастливого пути.

Сатар усеменя в далекие снегардские чащобы, Ист остался на перепутье один.

Эпоха кончилась. Идти было некуда.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМНЫЕ ПУТИ

Глава 1. Повелитель мечей	7
Глава 2. Служанка Армиты	49
Глава 3. Святыня двенадцати дружин	73
Глава 4. Источник правды	123
Глава 5. Источник лжи	145
Глава 6. Дорога к счастью	169
Глава 7. Рождение бога	209
Глава 8. Боги войны	253
Глава 9. Смерть бессмертного	306
Глава 10. Исход	343

Ист бежал, но не было в
мире такого места,
где удалось бы скрыться
от молитв, проклятий,
отчаянных призывов, от
исступленной,
ненавидящей, безумной
веры обезумевших
людей.

Только теперь, убив
десятки тысяч и ужаснув
миллионы человеческих
существ, Ист понял,
что действительно стал
небожителем.

Он корчился, истекая
болью, и не мог найти
защиты от нестерпимого
преклонения народов.
Так рождаются боги...

Святослав
ЛОГИНОВ

ЗЕМНЫЕ ПУТИ

•Северо-Запад®

ISBN 5-7906-0097-2

